

● АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ РИФТИН (1900–1945) ●

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ
РИФТИН
(1900–1945)

—
АВТОБИОГРАФИЯ
ПИСЬМА
ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИИ

Санкт-Петербург
2015

ISBN 978-5-8465-0128-7

9 785846 501287

A. P. ...

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ РИФТИН (1900–1945)

Автобиография, письма,
другие материалы к биографии

Введение, публикация, примечания
и приложения Г. Х. Каплан

Контраст
Санкт-Петербург
2015

ББК 72.3
P55

P55 Александр Павлович Рифтин (1900–1945): автобиография, письма, другие материалы к биографии / введение, публикация, примечания и приложения Г. Х. Каплан. — СПб. : Контраст, 2015. — 204 с.

ISBN 978-5-4380-0128-7

В книге собраны материалы к биографии выдающегося отечественного востоковеда-ассириолога и лингвиста А. П. Рифтина (1900–1945): автобиография, письма, список научных трудов, выдержки из воспоминаний коллег, учеников и родных. Как организатор А. П. Рифтин сыграл большую роль в истории филологического и восточного факультетов ЛГУ–СПбГУ. В 1933 г. А. П. Рифтин создал в ЛГУ кафедру семитских языков (в дальнейшем — кафедра семито-хамитской филологии), где он открыл первое в нашей стране отделение ассириологии, поставив на постоянную основу университетскую подготовку специалистов по Шумеру, Аккаду, Вавилонии, Ассирии и другим странам древней Передней Азии. Материалы, касающиеся этой стороны его деятельности, также вошли в настоящее издание.

Для всех интересующихся историей отечественного востоковедения.

ББК 72.3

ISBN 978-5-4380-0128-7

© Институт восточных рукописей
Российской академии наук, 2015
© Г. Х. Каплан, составление, 2015
© Контраст, 2015
© С. В. Лебединский, оформление, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Автобиография Александра Павловича Рифтина	11
Письма Александра Павловича Рифтина	20
Письма И. Н. Винникову	20
Письма И. М. Дунаевской	30
Письмо В. М. Жирмунскому	37
Письмо П. К. Коковцову	40
Письма И. Ю. Крачковскому	41
Письма И. И. Мещанинову	56
Письмо К. Б. Старковой	59
Приложение 1. Сведения о гимназии И. Г. Эйзенбета, в которой учился А. П. Рифтин	61
Приложение 2. Список научных работ А. П. Рифтина	69
1. Опубликованные работы	69
2. Редактирование	76
3. Неопубликованные работы и доклады	77
Приложение 3. Материалы, касающиеся фильма «Язык жестов североамериканских индейцев»	79
Приложение 4. Работы А. П. Рифтина, обнаруженные в архивах	84
Приложение 5.	
1. Материалы, касающиеся истории трех кафедр: семито- хамитской филологии (филфак ЛГУ), ассириологии и гебраистики (востфак ЛГУ), истории Древнего Востока (востфак ЛГУ–СПбГУ)	101
2. Материалы, касающиеся создания восточного факультета СПбГУ	107
Приложение 6. Воспоминания об А. П. Рифтине, его учителях, коллегам и жене С. К. Гуммерт	115
1. Из неопубликованных работ, отзывов, писем и воспоминаний	115
Дунаевская И. М. Воспоминания	115
Дьяконов И. М. Письмо к С. К. Гуммерт	117

<i>Коковцов П. К., Соколов М. Н.</i> Представление с просьбой принять А. П. Рифтина в ИЛЯЗВ и приложенный к нему отчет А. П. Рифтина о научной деятельности за 1925– 1926 гг.	118
<i>Марр Н. Я.</i> Отзыв об отчете аспиранта <А. П.> Рифтина	119
<i>Рифтин Б. Л.</i> Письмо И. М. Дьяконову	119
<i>Рифтин В. А.</i> Воспоминания	125
<i>Струве В. В.</i> Письмо И. М. Дьяконову	139
2. Из опубликованных работ и воспоминаний.	142
<i>Баренбаум И. Е.</i> Из очерка «Из воспоминаний об университете. Учителя...»	142
<i>Дьяконов И. М.</i> Из «Книги воспоминаний»	143
<i>Егоров Б. Ф.</i> Из книги «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана»	161
<i>Еселевич Р.</i> Из статьи «Талант сердца»	162
<i>Жирмунский В. М. А. П. Рифтин (1900–1945 г.)</i>	163
<i>Кинжалов Р. В.</i> Из книги «Из прошлого»	167
<i>Крачковский И. Ю.</i> Памяти ученика	172
<i>Покровская Л. А.</i> Из воспоминаний «Мои университетские годы»	177
<i>Решетникова (Градова) И. Ю.</i> Из очерка «Воспоминания японистки-китаистки о студенческих годах»	178
<i>Розенфельд Я. С.</i> Из статьи «Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны»	179
<i>Шумовский Т. А.</i> Из книги «Воспоминания арабиста» ...	179
Список сокращений	181
Список использованной литературы	186
Использованные архивные дела	194
Список иллюстраций	195
Указатели	
Указатель имен собственных	197
Указатель географических названий	202

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это первая монография, посвященная выдающемуся отечественному востоковеду-ассириологу, лингвисту, организатору науки и учебного процесса Александру Павловичу Рифтину (1900–1945). Она содержит материал о его жизни и деятельности.

Научная деятельность А. П. Рифтина развивалась по трем направлениям: 1) издание шумерских и аккадских клинописных текстов, находящихся в отечественных музеях; 2) исследования по шумерскому, аккадскому (ассиро-вавилонскому), арабскому языкам; 3) теоретические вопросы общего языкознания.

В 1933 г. А. П. Рифтин создал в ЛГУ кафедру семитских языков (в дальнейшем — кафедра семито-хамитской филологии), на которой работали выдающиеся отечественные востоковеды: В. И. Беляев, А. Я. Борисов, акад. АН СССР И. Ю. Крачковский, чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге, М. Н. Соколов, И. Г. Франк-Каменецкий, В. А. Эберман, чл.-корр. АН СССР Н. В. Юшманов.

На этой кафедре он открыл первое в нашей стране отделение ассириологии, тем самым поставив на постоянную основу подготовку специалистов по Шумеру, Аккаду, Вавилонии, Ассирии и другим странам древней Передней Азии. А. П. Рифтин успел подготовить только один выпуск, но из него вышел один из крупнейших ассириологов своего времени И. М. Дьяконов (1915–1999).

В 1939–1942 гг. А. П. Рифтин был деканом филологического факультета ЛГУ. В 1944 г. из востоковедных кафедр филологического факультета был сформирован восточный факультет ЛГУ, структуру которого разработал А. П. Рифтин.

Архив А. П. Рифтина не сохранился. Материал приходилось искать в государственных и частных архивах С.-Петербурга, в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях. Пока продолжалась эта работа, ушли из жизни последние три человека, знавшие А. П. Рифтина: сын — Владимир Александрович Рифтин, инженер-механик путей сообщения (1931–2014), родной племянник — Борис Львович

Рифтин, китаист, акад. РАН (1932–2012), ученица — Ирина Михайловна Дунаевская, хеттолог, к. филол. н. (1919–2014). Каждый из них внес посильный вклад в сбор материала для этой книги.

И. М. Дунаевская предоставила мне ксерокопии писем учителя, полученных ею на фронте, и подарила записанный ею конспект его лекций по аккадскому (ассиро-вавилонскому) языку.

Б. Л. Рифтин поделился со мной известными ему сведениями о дяде и сообщил, что его сына следует искать в Архангельске.

В. А. Рифтин по моей просьбе написал воспоминания об отце и выдал нотариальную доверенность, открывшую мне доступ в архив СПбГУ.

Светлой памяти этих людей посвящается эта книга.

Хочу выразить глубокую признательность за содействие в публикации работы директору Института восточных рукописей РАН, д. ист. н. И. Ф. Поповой и всему коллективу ИВР РАН.

*Г. Х. Каплан,
ассириолог, к. филол. н.*

ВВЕДЕНИЕ

Александр Павлович Рифтин (12(25).11.1900–6.02.1945)¹ — выдающийся отечественный ученый, работавший по двум специальностям: ассириологии и общему языкознанию (Приложение 6/2: Крачковский; БСЭ-3).

Научная деятельность А. П. Рифтина развивалась по трем направлениям: 1) издание шумерских и аккадских клинописных текстов, находящихся в отечественных музеях (в этом направлении А. П. Рифтин продолжил деятельность М. В. Никольского² и В. К. Шилейко³); 2) исследования по отдельным языкам: шумерскому, аккад-

---

¹ Точная дата смерти А. П. указана в повторном свидетельстве о его смерти: Рифтин Александр Павлович, исполнилось 44 года, умер 06/02/1945, о чем 08/02/1945 составлена запись акта о смерти № 137. Место смерти г. Ленинград, РСФСР. Место регистрации: Отдел ЗАГС Адмиралтейского района Комитета по делам ЗАГС Правительства Санкт-Петербурга. Дата выдачи 24/02/2012.

² Михаил Васильевич Никольский (1848–1917) — семитолог, самостоятельно овладевший профессией ассириолога. Издал многочисленные шумерские и урартские клинописные тексты; описал три новые сирийские рукописи Евангелия, ряд пальмирских надписей и рельефов. Ратовал за развитие ассириологии в России. Наиболее известные работы: «Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи* из собрания Н. П. Лихачева» (СПб., 1908) и «Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи из собрания Н. П. Лихачева. Часть II. Эпоха династии Агаде и эпоха династии Ура» (М., 1915) (БРЭ; Липин; РГЭС).

* Халдея — устаревшее название Вавилонии.

³ Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891–1930) — ассириолог широкого диапазона (шумеролог, аккадист, хеттолог)*, издатель клинописных текстов, талантливый переводчик аккадских поэтических произведений. Главный учитель А. П. по ряду ассириологических дисциплин. Самая знаменитая научная работа — «Вотивные надписи шумерийских правителей» (Пг., 1915). В. К. Шилейко — известный поэт Серебряного века, второй муж А. А. Ахматовой (Грибов; Иванов; Милибанд, 2008; Приложение 6/2: Дьяконов).

* Ассириология в узком смысле изучает язык, историю и культуру Аккада, Вавилонии и Ассирии, а в широком смысле охватывает еще ряд востоковедных дисциплин, изучающих те цивилизации Древнего Востока, которые пользовались клинописными системами письма, генетически связанными с аккадской (ассиро-вавилонской) клинописью

скому, арабскому; 3) теоретические вопросы общего языкознания (Приложение 2; Приложение 6/1: Струве; Приложение 6/2: Жирмунский).

Итогом деятельности А. П. по изданию клинописных текстов стала монография «Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937». Эта работа принесла А. П. широкую международную известность (Klîma, S. 450–451), и со временем она была включена в круг источников словарей аккадского языка (АНw. V. 1, S. XV; CAD. T. A1, p. XXXI).

А. П. «не принадлежал к ученым, торопящимся с опубликованием своих работ; увеличение их числа его не привлекало. Он знал, что за минуты синтеза надо платить месяцами анализа, и, охотно делясь своими наблюдениями или исследованиями в устных докладах, для печати он готовил их годами... Вводя в обиход науки новый материал, он всегда старается в немногословном комментарии анализировать его всесторонне, не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом отношении» (Приложение 6/2: Крачковский).

Как истинного «энтузиаста науки» (Жирмунский, 1945) А. П. отличала постоянная готовность содействовать коллегам в их научной деятельности (Приложение 6/1: письмо Струве).

«Счастьем для окружающих и несчастьем для него самого было то, что А. П. кроме научного дара в такой же мере обладал даром преподавателя и организатора; это бывает далеко не у всех ученых. Преподавать он начал рано — одновременно с первыми печатными статьями, и скоро в этой области сделался незаменимым. Одинаково хорошо он умел владеть и большой аудиторией в 200–300 человек, когда ему приходилось читать лекции по общему языкознанию, и небольшой группой семитологов-специалистов в 2–3 студента, которым уделяя не меньше времени и труда» (Приложение 6/2: Крачковский).

Курс общего языкознания А. П. читал в университете и во многих других высших учебных заведениях Ленинграда. «Высокий теоретический уровень этого курса, отражавшего новейшие достижения... лингвистической науки, глубокая заинтересованность лектора в своем предмете, простота и живость изложения объясняют исключи-

---

(Фридрих, с. 60–75). В этом смысле ассириология включает в себя также урартологию, хеттологию, хурритологию, эламитику и шумерологию.

тельную популярность, которой пользовался А. П. Рифтин как преподаватель среди широкой студенческой аудитории» (Приложение 6/2: Жирмунский).

А. П. «был постоянным руководителем аспирантских занятий по общему языкознанию, и поэтому его влияние на научное образование молодых лингвистов было очень велико. Вместе с В. Г. Адмони⁴ он организовал в 1933 году грамматическую группу, одним из результатов работы которой явилось создание серии очерков “Строй языков”, публиковавшихся в период 1935–1939 гг. К участию были привлечены специалисты по типологически различным языкам» (Десницкая, 2003, с. 32). Очерки выходили под редакцией А. П. (Приложение 2/2).

В 1933 г. он организовал в ЛГУ кафедру семитских языков, которая со временем переросла в кафедру семито-хамитской филологии. Эта кафедра отличалась необычайно высоким уровнем преподавательского состава (Приложения 4/3, 5/1).

На этой кафедре А. П. основал первое в России отделение ассириологии (Автобиография А. П.). Таким образом, на постоянную основу была поставлена подготовка специалистов по ряду стран древнего Ближнего Востока, этого важнейшего цивилизационного региона Древнего мира.

В 1939–1942 гг. А. П., занимая пост декана филологического факультета ЛГУ, проявил себя как замечательный организатор научно-учебного процесса. Особое внимание он уделял восточным кафедрам факультета (Кононов, с. 26; Приложение 6/2: Жирмунский; ОА СПбГУ, ф. 1, оп.⁵ л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 11).

Во время блокады Ленинграда, живя в стенах филфака, А. П. одновременно был начальником МПВО своего объекта. Он организовал эвакуацию факультета в Саратов, куда переехал Ленинградский университет (Автобиография А. П.; Приложение 6/2: Жирмунский).

Большую роль сыграл А. П. в формировании в 1944 г. восточного факультета ЛГУ (Приложение 5/2).

---

⁴ Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993) — лингвист (германское и общее языкознание), литературовед (история немецкой и скандинавских литератур), поэт, прозаик, переводчик. Его труды в области германистики получили широкое международное признание. Около 45 лет преподавал в вузах Ленинграда, под его руководством выполнено более 50 кандидатских диссертаций (Павлов, Шубик).

⁵ В архиве ОА СПбГУ описи дел имеют названия, которые даются в сокращении. Полные названия приведены в списке использованных архивных дел.

Личный архив А. П. не сохранился, но в имеющихся архивах, государственных и частных, удалось обнаружить новый материал касательно А. П. — прежде всего варианты его автобиографии и письма.

Есть несколько статей, посвященных научной, педагогической и организационной деятельности А. П.⁶ В ряде мемуаров сохранились воспоминания о нем⁷. В настоящей работе некоторые из этих материалов переиздаются, чтобы сделать представление об А. П. и его времени более объемным.

При публикации новых документов и воспроизведении изданных работ сделана незначительная техническая правка: внесены некоторые орфографические изменения, кое-где выправлена пунктуация, раскрыты некоторые сокращения, внесено единообразие в написание названий изданий, учреждений и университетских подразделений со строчной или прописной буквы.

---

⁶ Берков П. Н.; Жирмунский, 1945, 1946; Крачковский, 1946; Рифтин Александр Павлович (1900–1945) // Книга памяти...

⁷ Баренбаум; Дунаевская; Дьяконов, 1995; Розенфельд; Старкова, 2006; Шумовский и др.

АВТОБИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА РИФТИНА¹

Родился в г. Харькове в 1900 г. Отец мой — служащий², начавший свою трудовую жизнь с 12 лет, скончался в 1942 <г.> во время блокады в Ленинграде. В 1907 г. наша семья переехала в Петербург, где я поступил в гимназию И. Г. Эйзенбета, которую и окончил в 1917 г. с золотой медалью (см. Приложение 1. — Г. К.). В 1918 г. работал в Петрокоммуне³ секретарем врачебно-контрольного отдела, а с мая 1919 г. перешел на службу в «Скорую помощь», в которой работал сначала санитаром, а потом инструктором до XI.1921 г. Работая в «Скорой помощи», я в 1920 г. поступил в Археологический институт⁴, вошедший впоследствии в Лен[инградский] гос[ударственный]

---

¹ Это автобиография от 1944 г. (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 24–25, 27). В архивах есть еще несколько более ранних автобиографий 1935–1943 гг. (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 2–3, 29, 38–39, 40–42; ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955, д. 1136, л. 3–4, 10; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 5, 19). Уточняющие и дополняющие сведения из них используются в публикуемой автобиографии.

² П. Д. Рифтин в 1885–1917 гг. служил в Мануфактурном товариществе Г. С. Понизовского, после Октябрьской революции до 1925 г. работал на 2-й государственной фабрике Ленинградодежды и в Богоявленской мануфактуре в Москве. В 1926–1927 гг. он был безработным, а в 1929 г. работал сторожем в Коллективе работников универсального труда (КРУТ), находившегося в ведении Объединения предприятий и коллективов из безработных при Комитете Ленинградской биржи труда (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 10, д. 606, л. 8, 13, 18, 19, 29).

В более ранних автобиографиях (1937–1938 гг.) А. П. сообщал, что его отец был бухгалтером (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 38, 40; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 19; ср. Приложение 6/1: письмо Б. Л. Рифтина).

³ Петрокоммуна (Петроградская трудовая коммуна) — организация исполнительных органов Советской власти в Петрограде в марте 1918 — феврале 1919 гг. (СИЭ).

⁴ Археологический институт — научно-учебное учреждение для подготовки археологов и архивистов. Основан в 1877 г. В 1922/23 уч. г. преобразован в отделение археологии и истории искусств ФОН ПГУ. Согласно удостоверению А. П., в 1922 г. институт носил официальное название Петроградский археологический институт. На штампе он обозначен как Археологический институт в Петрограде (СПб.; Пг.; Л.: энциклопедический справочник, с. 67; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 16).

университет. Здесь я работал у проф. В. К. Шилейко по клинописи, у акад. Н. Я. Марра⁵ и акад. И. И. Мещанинова⁶ по общему языкознанию⁷. Одновременно занимался в ЛГУ⁸ древнееврейским и арабским у акад. П. К. Коковцова и акад. И. Ю. Крачковского⁹ [и доц.

⁵ Николай Яковлевич Марр (1865–1934) — кавказовед (занимался историей, археологией и этнографией Кавказа, внес важный вклад в область армяно-грузинской филологии, положил начало сравнительно-историческому изучению картвельских языков, ввел в научный обиход большой материал северокавказских языков); знаменитый лингвист-теоретик («Яфетическая теория» / «Новое учение о языке»). Акад. АН СССР. В разные годы был директором ГПБ, деканом ФОН ППУ, вице-президентом АН СССР. Организатор ряда научных учреждений (ИИМК, ИЯМ и др.). Похоронен на Коммунистической площадке А.-Н. лавры (Абаев; Климов; ЛЭС, с. 626; Милибанд, 2008; РГЭС).

⁶ Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) — археолог, историк, языковед, лингвист-теоретик. Акад. АН СССР. Много занимался археологией Закавказья. Автор очерка по истории и культуре Элама, ряда работ по урартскому и другим языкам древней Передней Азии, а также монографий «Члены предложения и части речи» и «Глагол». Приверженец учения Марра о языке, отчасти трансформированного им в сторону сближения с типологическими и сравнительно-историческим методами языкознания. В разные годы был деканом лингвистического ф-та ЛИФЛИ, директором ИЯМ (БРЭ, РГЭС).

⁷ В автобиографии от 22.VI.1935 вместо «общего языкознания» значится «яфетидология» (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 5).

⁸ С апреля 1921 г. по январь 1924 г. — Петроградский государственный университет (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, предисловие к оп., с. 6).

⁹ Павел Константинович Коковцов/ев (во времена А. П. были приняты оба варианта фамилии, в настоящее время только один — Коковцов) (1861–1942) — один из крупнейших семитологов своего времени, акад. АН СССР. (БРЭ; Избранные письма Борисова Коковцова; Милибанд, 2008; Приложение 4/3).

По словам И. Ю. Крачковского, П. К. Коковцов чувствовал себя и общественным деятелем. В 1911–1913 гг. в Киеве проходил получивший широкий резонанс в России и за рубежом сфабрикованный судебный процесс по обвинению мещанина Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве мальчика-христианина. Обвинением был использован многовековой «кровавый навет» об употреблении евреями христианской крови для ритуальных целей. Как эксперт-гебраист Коковцов показал, что догматы иудаизма исключают возможность совершения ритуальных убийств и тем самым содействовал вынесению оправдательного приговора судом присяжных (Каплан, с. 205–206).

«После ареста М. Н. Соколова П. К. написал письмо руководителю тогдашнего НКВД. В нем П. К., будучи очень наивным человеком, откровенно написал, что производящиеся аресты с законом ничего общего не имеют (смысл такой, а фразы более деликатные были). “Вам нужны, видимо, люди для работы в лагерях, так вот, в числе невинно арестованных мой лучший и один из первых моих учеников М. Н. Соколов. В связи с этим я предлагаю: арестуйте, пожалуйста, меня, а если нужно, расстреляйте. Я уже стар, и моя смерть убытка науке не причинит. А этот вполне работоспособный человек, который только сейчас начал восстанавливать семитологию, такой великолепный преподаватель бессмысленно оторван от своей профессии”. Письмо это ему вернули с припиской красным карандашом, сделанной рукою главы тогдашнего НКВД Ягоды: “Вернуть автору по принадлежности”. Последствий это письмо для Коковцова не имело, но его попытка вернуть М. Н. к жизни не увенчалась успехом» (Старкова, 2006, с. 209).

М. Н. Соколова)¹⁰. Окончив в 1923 г. археологическое отд[еление] ЛГУ, я перешел в этом же году на секцию Др[евнего] мира ЯЛО¹¹ ЛГУ, где продолжал занятия по клинописи у акад. П. К. Коковцова, по древнееврейскому языку у него же, по арабистике у акад. И. Ю. Крачковского, по общему языкознанию у акад. Н. Я. Марра, [по халдскому <языку> у проф. И. И. Мещанинова]¹². В 1925 г. окончил вторично ЛГУ как специалист по ассириологии и был принят в число аспирантов ЛГУ в 1925 <г.> по представлению моих учителей акад[емиков] П. К. Коковцова, И. [Ю.] Крачковского, Н. Я. Марра, затем был откомандирован¹³ в Ин[ститу]т литератур и языков Запада и Востока¹⁴ (переименованный затем в Ин[ститу]т речевой

Михаил Николаевич Соколов (1890–1937) — семитолог (гебраист и арабист). Окончил МДА и СПбУ (ускоренный курс). Любимый ученик и ассистент акад. П. К. Коковцова. В ППУ/ПГУ/ЛГУ преподавал еврейский и арабский языки. Сотрудник ИЛЯЗВ и АМ. Содействовал приобретению АМ рукописей Караимской национальной библиотеки (Евпатория) и библиотеки Казанской духовной академии. Был арестован в 1933 г. и позднее расстрелян. Реабилитирован в 1989 г. (АМ..., с. 548–49; Люди и судьбы...; Приложение 6/2: Дьяконов; Старкова, 2006, с. 206–209).

У Соколова остались жена и дочь Тася, известная в дальнейшем как выдающийся отечественный индолог Татьяна Яковлевна Елизаренкова (1929–2007). Она получила отчество и фамилию по второму мужу матери, который ее удочерил (Милибанд, 2008; Vassilkov).

Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) — арабист, охвативший в своих исследованиях и педагогической деятельности всю проблематику арабистики своего времени, основоположник научного изучения современной арабской литературы. Акад. АН СССР (БРЭ; Милибанд, 2008; Приложение 4/3).

¹⁰ Автобиография от 22.VI 1935 (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 5).

¹¹ На факультете общественных наук (ФОН) университета значились: в 1920–1924 гг. этнолого-лингвистическое отделение (ЭЛО), в 1923–1925 гг. отделение языковедения/языкознания и литературы / языковедческое и литературное отделение (ЯЛО), видимо, оно же литературно-лингвистическое отделение. В документах, связанных с А. П., наблюдаются варианты: в 1925 г. окончил экстерном ЯЛО по секции Древнего мира (ассириология); в 1923–1925 гг. учился на секции Древнего мира ЭЛО (с перечнем занятий), учился на отделении Древнего мира / ЭЛО по специальности «ассириология» / «востоковед-лингвист» (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 6, 15, 28, 29; там же, ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955 гг., д. 1136, л. 1, 3, 10; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 8, 41; оп. 14, д. 132, л. 43, д. 156, л. 4, д. 171, л. 16, 28, 183–184; Фонды Музея истории СПбГУ, ф. Фик, д. 387, л. 252; ф. ИУ, д. 484, л. 17, 19).

¹² Автобиография от 22.VI 1935. Халдский язык — устаревшее название урартского языка (Мещанинов, 1927; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 5).

¹³ См. Приложение 6/1: Представление Коковцова и Соколова.

¹⁴ Это сокращенное название института, созданного в 1921 г. на базе института им. А. Н. Веселовского, организованного в ПУ в 1919 г. Сохранилось удостоверение А. П. от 20 марта 1928 г.: «Предъявитель сего Рифтин Александр Павлович состоит в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете в должности

культуры¹⁵, затем в Лен[инградский] ин[ститу]т языкознания)¹⁶. Во время пребывания в аспирантуре я специализировался по ассириологии у акад. П. К. Коковцова и по общему языкознанию у акад. Н. Я. Марра. Окончив аспирантуру в 1928 г., я был зачислен н[аучным] с[отрудником] 1 р[азряда] по указанному институту. В 1935 г. был утвержден ВАК НКП действительным членом ин[ститу]та, в котором работал вплоть до его закрытия в феврале 1937 г. Одновременно с пребыванием в ИЛЯЗВ, а именно с 1925 г., я работал внештатно в Яфетическом ин[ститу]те АН СССР, ныне Ин[ститу]т языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра¹⁷, а с 1930 по 1932 — штатно [научным сотрудником 2-го разряда]¹⁸. Ввиду невозможности [тогда для меня по состоянию здоровья]¹⁹ совмещать работу в двух научно-исследовательских институтах, в 1932 г. я ушел из АН СССР. [В 1937 г. утвержден кандидатом филологических наук по ЛГУ²⁰].

штатного аспиранта и получает госстипендию в сумме 80 р. в месяц. Выдано сие удостоверение А. П. Рифтину для представления такового в комиссию по платежности ЛГУ на предмет освобождения от платы сестры его Ф. П. Рифтин (сестра была на иждивении брата. — Г. К.)». На штампе дается полное название института и аббревиатура ИЛЯЗВ (Десницкая, с. 14–15; Филфак СПбГУ, с. 13–14; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 10, д. 606, л. 8, 22; ЦГАЛИ СПб, ф. 288, оп. 1. Введение).

Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) — филолог, историк и теоретик литературы, акад. СПбАН. Основоположник русской филологической школы, приверженец метода сравнительно-исторического литературоведения (БРЭ; Уставы АН, с. 92).

¹⁵ Аббревиатура (Г)ИРК. Имел два отделения, языка и литературы. Существовал как самостоятельная единица (Десницкая, с. 15; ЦГАЛИ СПб, ф. 288, оп. 1. Введение).

¹⁶ Аббревиатура ЛНИ(И)Я. Образован из отделения языка (Г)ИРК. Некоторое время числился при находящемся в ЛГУ Институте истории, философии, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ). В 1938 г. вошел в состав Института языка и мышления (ИЯМ) АН СССР (Десницкая, с. 15; Филфак СПбГУ, с. 14).

¹⁷ Первоначальное название «Институт яфетидологических изысканий». Учрежден в нач. 1920-х гг. по инициативе акад. Н. Я. Марра, переименован в «Яфетический институт», а в нач. 1930-х гг. — в «Институт языка и мышления» (ИЯМ). В 1938 г. в его состав вошел ЛНИЯ. На базе ИЯМ в 1950 г. был организован Институт языкознания АН СССР с центром в Москве. В Ленинграде было создано отделение этого института, которое в настоящее время преобразовано в Институт лингвистических исследований РАН (Мещанинов, 1945; Десницкая, с. 14–15).

¹⁸ Личный листок по учету кадров (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 8).

¹⁹ ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 40.

Сохранилась копия заявления от 1/IX 1932 г. директору ИЯМ акад. Н. Я. Марру от А. П.: «В связи с общим расстройством моего здоровья, вызванного болезнью печени и крайним переутомлением, прошу предоставить мне шестимесячный отпуск без сохранения содержания». Ввиду того, что отпуска без сохранения содержания были запрещены, просьба не была удовлетворена (СПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 1731, л. 6–7).

²⁰ ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 29.

В декабре 1935 г. и в феврале 1937 г. дирекция ЛИФЛИ ходатайствовала перед ВАК НКП РСФСР о присвоении А. П. ученой степени кандидата лингвистических наук без

Параллельно с научно-исследовательской работой в указанных институтах протекала моя педагогическая деятельность. С 1930 г. я вел занятия по общему языкознанию с аспирантами ЛНИЯ на протяжении шести лет. С этого же года, не желая замыкаться в рамках ассириологии и теоретического языкознания, я стал преподавать русский язык в Коммунистическом ин[ститу]те журналистики²¹, в котором я проработал четыре года, заведя последние два года предметной комиссией по русскому языку на вечернем секторе. За активную работу неоднократно был премирован в указанных институтах. В 1933 году я организовал в ЛИФЛИ²² кафедру семито-хамитской

защиты диссертации. 14/XI 1937 г. А. П. утвержден в ученой степени кандидата филологических наук без защиты диссертации на заседании ученого совета филфака ЛГУ, а 30/XII 1937 г. — на заседании ученого совета ЛГУ (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 1, 3, 16, 33).

В 1937–38 гг. ученый совет и дирекция ЛГУ ходатайствовали перед ВАК ВКВШ и НКП РСФСР об утверждении А. П. в ученом звании профессора по кафедре семито-хамитских языков. Квалификационная комиссия НКП поддержала ходатайство, а ВАК отклонил его по той причине, что профессорское звание утверждается лицам, имеющим ученую степень доктора (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 30, 38, 39, 53, 54).

²¹ В 30-е гг. в Москве, Ленинграде, Харькове, Минске, Алма-Ате, Свердловске и Куйбышеве были организованы Коммунистические институты журналистики (КИЖи). В Ленинграде существовал Коммунистический институт журналистики им. В. В. Воровского. В конце 30-х гг. КИЖи были закрыты, некоторые из них (Ленинградский и Свердловский) реорганизованы в отделения журналистики при филологических факультетах университетов. В 1946 г. было открыто отделение журналистики на филфаке ЛГУ. В 1961 г. отделение преобразовано в факультет журналистики (Ковалевский...; Материалы по истории СПбГУ, с. 210; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 15).

Вацлав Вацлавович Воровский (1871–1923) — советский государственный и партийный деятель, публицист, литературный критик, посол и полпред Советского государства в ряде европейских стран. Содействовал подписанию важных межгосударственных соглашений. Был убит в Лозанне бывшим белым офицером. Похоронен у Кремлевской стены в Москве (СИЭ).

²² На рубеже 1930–1931 гг. в ЛГУ на базе историко-лингвистического факультета был создан Ленинградский государственный историко-лингвистический институт. В директорских приказах по институту в этом названии обычно первые два слова опускались. В этих же документах встречаются название «Ленинградский институт истории и лингвистики» и аббревиатуры ИЛИ, ЛИЛИ, ЛГИЛИ в подписи директора. В литературе употребляются оба названия, но в первом обычно сохраняется слово «ленинградский», а во втором иногда появляется слово «государственный», а слова «история» и «лингвистика» могут меняться местами. В работах используется аббревиатура ЛИЛИ. Судя по приказам, к 1932/33 уч. г. в институте начинается реорганизация. С весны 1933 г. иногда появляется название «Историко-философско-лингвистический институт (с аббревиатурой в подписи директора — ЛИФЛИ)», реже — «Институт истории, философии и лингвистики». С октября 1933 г. последнее название употребляется чаще всего, иногда появляется «Ленинградский государственный институт истории, философии, литературы и лингвистики» (в различных вариантах этого названия неизменно присутствует слово «лингвистика», другие слова могут опускаться). На штампе института было

филологии²³, на которой до войны работали наиболее крупные семитологи и африканисты нашей страны (акад. И. Ю. Крачковский, проф. чл.-корр. АН СССР Н. В. Юшманов²⁴, проф. Франк-Каменецкий²⁵ и др.). Заведуя э[той] кафедрой и будучи единственным в СССР специалистом по клинописи, я впервые в истории ЛГУ создал ассириологическое отделение²⁶, на котором разработал и поставил в университетском масштабе преподавание шумерского, аккадского (ассиро-вавилонского) и хеттского языков, а также литератур этих народов²⁷. Эта работа заставила меня прекратить преподавание в Комвузе журналистики. С 1934 г. я стал вести занятия по общему языкознанию со студентами ЛИФЛИ и аспирантами Лен[инградского] ин[ститу]та восточных языков²⁸, [где работал вплоть до закрытия

выгравировано «Государственный институт истории, философии и лингвистики». В литературе встречаются названия «Ленинградский историко-филологическо-лингвистический институт» и «Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики» (в последнем часто опускается слово «литература» или слово «история» переносится в конец названия) (Филфак СПбГУ, с. 14, 24; Щербакова, с. 43; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 1; ЦГАЛИ СПб., ф. 328, оп. 1, д. 9, 16, 21, 30, 41, 42, 62, 67, 71).

О переходном периоде (ЛИЛИ — ЛИФЛИ) свидетельствует письмо директора ЛИФЛИ от 8.VII 1933 г. И. Ю. Крачковскому на бланке со штампом «Государственный историко-лингвистический институт» (СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 257, л. 30).

²³ См. Приложение 5/1.

²⁴ Николай Владимирович Юшманов (1896–1946) — семитолог и африканист, автор выдающихся работ по арабской лингвистике. Чл.-корр. АН СССР (Крачковский, 1958, с. 171; Приложение 6/2: Дьяконов; Милибанд, 2008).

²⁵ Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий (1880–1937) — египтолог, семитолог, специалист по истории мифологии (КЛЭ. Т. 9; Милибанд, 2008; Приложение 6/2: Дьяконов).

²⁶ Первое ассириологическое отделение в приказах директора ЛИФЛИ упоминается как цикл, имеющий разные названия: ассиро-вавилонский, ассирийский, семитский, семитский цикл ассиро-вавилонского уклона (ЦГАЛИ СПб., ф. 328, оп. 1, д. 30, л. 241, 265; д. 41, л. 265, 282).

²⁷ А. П. читал, кроме того, введение в ассиро-вавилонскую филологию и спецкурс по вавилонскому праву (Берлев и Грибов, с. 171).

И. М. Дьяконов в своих воспоминаниях подробно рассказывает о курсах аккадского, шумерского языков и др., прочитанных А. П., а также о его требованиях к студентам в ходе учебного процесса (Приложение 6/2: Дьяконов).

²⁸ В 1920–1938 гг. в Петрограде — Ленинграде существовал Центральный (Петроградский — Ленинградский) институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ, ПИЖВЯ, ЛИЖВЯ). В 1927 г. переименован в Ленинградский восточный институт (ЛВИ). Одно время носил имя А. С. Енукидзе (Кононов и Иориш).

Авель Сафронович Енукидзе (1877–1937) — советский государственный и партийный деятель. В течение ряда лет был членом ЦК ВКП(б), членом Президиума и секретарем ЦИК СССР. Оклеветан и репрессирован в период культа личности Сталина. Посмертно реабилитирован (СИЭ).

института летом 1938 г.]²⁹. В 1935 г.³⁰ получил и веда по настоящее время общий курс языкознания в ЛГУ, храня заветы моего учителя акад. Н. Я. Марра. С этого же года непрерывно принимал участие в работах по повышению квалификации преподавателей русского и иностранных языков, читая курсы по лингвистике. За это время через мои курсы прошли сотни педагогов Ленинграда и области. По приглашению Ин[ститу]та им. Герцена, им. Покровского³¹ и Ин[ститу]та иностранных языков³² я читал общее языкознание и в этих институтах.

Одновременно с научной и педагогической деятельностью вел и организационную работу. В ЛНИЯ³³ был помощником ученого секретаря, заведовал учебной частью ин[ститу]та, работал в издательском секторе, состоял сначала секретарем, а в дальнейшем руководителем различных научно-исследовательских групп³⁴. Как уже упоминал, в Комвузе журналистики заведовал предметной комиссией, в ЛИФЛИ (ЛГУ — филфак) организовал и заведовал кафедрой семито-хамитской филологии. В 1938 г. организовал и заведовал до эвакуации из Ленинграда кафедрой общего языкознания и русского языка в Первом ин[ститу]те иностранных

---

²⁹ ОА СПбГУ, ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955, д. 1136, л. 4; ЦГА СПб, ф. 7222, оп. 26, д. 80.

³⁰ В других автобиографиях дается 1934 г. (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 3, 39, 41; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 19).

³¹ Ленинградский государственный педагогический институт им. М. Н. Покровского* существовал с 1932 по 1957 г., когда он влился в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Историческая справка: Заключение).

* Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) — видный историк, акад. АН СССР, с 1918 г. заместитель наркома просвещения РСФСР (СИЭ).

³² Имеется в виду созданный в августе 1937 г. Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ). С декабря 1937 г. он стал именоваться Первым Ленинградским государственным педагогическим институтом иностранных языков (I ЛГПИИЯ). В 1941 г. ликвидируется Второй Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков, студенты которого переводятся в I ЛГПИИЯ. Последний стал именоваться без номера. В 1945 г. в ЛГПИИЯ вливается факультет иностранных языков ЛГПИ им. Герцена. В 1946 г. ЛГПИИЯ вновь именуется I ЛГПИИЯ. В 1956 г. I ЛГПИИЯ реорганизуется в факультет иностранных языков ЛГУ, который в 1958 г. вливается в филфак ЛГУ (ОА СПбГУ, ф. 10, I ЛГПИИЯ, дело фонда; ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955, д. 1136, л. 4; Филфак СПбГУ, с. 27).

³³ В автобиографии 1935 г. — ИЛЯЗВ (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 5).

³⁴ В автобиографии 1935 г. далее следует: «заведовал секторами ин[ститу]та. В настоящее время (т. е. 1935 г. — Г. К.) заведую секцией семито-хамитских языков ЛНИЯ» (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 5).

языков³⁵. [В 1936–1937 гг. принимал активное участие в организации филологического факультета]³⁶. В 1937–1938 гг.³⁷ был помощником декана филфака ЛГУ по научной части. Собрал и выпустил первый том «Ученых записок» факультета³⁸ и провел на факультете штатно-окладную систему, находясь в этой должности. Наконец, с 7.X 1939 г., по предложению ректората ЛГУ и партийных организаций, принял пост декана филологического факультета ЛГУ, самого большого в университете. Моя предшествующая организационная деятельность на факультете (план организации и структуры кафедр, штатно-окладная система, типовые пятилетние планы восточных кафедр, организация научной работы факультета и издательства, заведование кафедр

³⁵ В автобиографии от 24.XII 1938 г.: «С II-1938 по совместительству заведую кафедрой в Лен[инградском] гос[ударственном] пединституте иностранных языков» (ОА СПбГУ, ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955, д. 1136, л. 4).

³⁶ ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 41.

29 сентября 1936 г. А. П. был включен в состав комиссии по подготовке учебного плана филологического факультета (ЦГАЛИ СПб, ф. 328, оп. 1, д. 62, л. 186).

21 августа 1937 г. и. о. директора Ленинградского института литературы и лингвистики (ЛИФЛИ) опубликовал приказ народного комиссара просвещения РСФСР А. С. Бубнова, в котором, в частности, говорилось: «§ 1. Ленинградский институт истории, философии и лингвистики с 1-го сентября 1937 г. закрыть. § 2. На базе литературного и лингвистического факультетов ЛИФЛИ организовать в Ленинградском государственном университете им. А. С. Бубнова филологический факультет. Деканом филологического факультета ЛГУ назначить академика И. И. Мещанинова, зам. декана Д. С. Комиссарова» (ЦГАЛИ СПб, ф. 328, оп. 1, д. 67, л. 235). Ранее, в сентябре 1936 г., исторический факультет ЛИФЛИ был преобразован в истфак ЛГУ, а философский — расформирован (ЦГАЛИ СПб, ф. 328, оп. 1, д. 71, л. 12).

Андрей Сергеевич Бубнов (1884–1938) — советский партийный и государственный деятель. В разные годы входил в состав Рабоче-крестьянского правительства Украины (Киев), был начальником политуправления РККА, наркомом просвещения РСФСР, председателем комитета по охране исторических памятников при президиуме ВЦИК. Автор работ по истории революционного движения и по экономическим вопросам. С апреля 1933 г. по октябрь 1937 г. ЛГУ носил его имя. В 1937 г. в период культа личности Сталина обвинен в антисоветской деятельности и расстрелян. Реабилитирован посмертно. (БРЭ; СИЭ; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, предисловие к оп., с. 6).

Даниил Самуилович (Семенович) Комиссаров (1907–2008) — иранист-литературовед. Преподавал в ЛИФЛИ / ЛГУ, работал н. с. в ИВ и ИЯМ. В разные годы был первым секретарем отдела Ближнего и Среднего Востока МИД СССР и первым секретарем посольства СССР в Иране. В 1950 г. репрессирован, 24 месяца провел в камере смертника, в 1954 г. реабилитирован. В дальнейшем — д. филол. н., засл. деятель науки Таджикской ССР, проф., ст. н. с.-консультант ИВ РАН (Люди и судьбы...; Милибанд, 2008).

³⁷ С IX 1937 г. по IV 38 г. (ОА СПбГУ, ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955, д. 1136, л. 4).

³⁸ А. П. «основал и редактировал лингвистическую серию “Ученых записок” факультета» (Приложение 6/2: Жирмунский).

рой с 1933 г.) дала необходимый опыт для работы на этом поприще. Вместе с коллективом членов факультета последний удалось поднять на более высокую ступень. Мною была создана научно-исследовательская ассоциация кафедр, спланирована научно-исследовательская работа, продолжено издание «Ученых записок», оживлена работа кафедр и организован общий учебный процесс и т. д. Факультет с 1939 года держал красное знамя три года. Во время войны и блокады Ленинграда был, как декан, начальником своего объекта, организовал и руководил МПВО, жил на факультете. Организовал и вынес на своих плечах эвакуацию своего факультета, вместе с которым прибыл в Саратов 1 марта 1942. В Саратове с 1.IV того же года был начат второй семестр. В Саратове же организовал общегородскую ассоциацию филологов. В силу своеобразной обстановки, создавшейся в Саратове, 22.IX.42 я ушел с должности декана, проработав на этом посту три года. В Саратове с 5.II.43 был утвержден зав. каф[едрой] общего языкознания филфака ЛГУ.

Общественную работу вел со студенческих лет, являясь курсовым старостой, постоянным членом бюро аспирантов (1927–29), членом месткома (< с > 1930)³⁹, членом бюро СНР⁴⁰ (< с > 1933)⁴¹ по ЛНИИЯ и ЛИФЛИ. В 1936 году принимал участие в работах депутатской группы ЛГУ. В настоящее время состою членом МК ЛГУ, заведую производственным сектором.

7.II.44 г.

Саратов

А. Рифтин

В одной из автобиографий А. П. упоминает о своей семье: «В заключение сообщаю, что жена моя Гуммерт София Конрадовна, дочь служащего из мещан, скончавшегося еще до революции. С восемнадцати лет жена служила и училась. Со времени рождения нашего сына в 1931 г. жена больше не служит. Итак, моя семья состоит из трех человек» (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 42)⁴².

³⁹ (С 1930 г., ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 19).

⁴⁰ Членом ЛБ СНР (ОА СПбГУ, ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955, д. 1136, л. 4).

⁴¹ (С 1933 г., ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 19).

⁴² Гуммерт София Конрадовна (24.I.1894–12.I.1981). В анкетах А. П. указано: Отец С. К. — Гуммерт Конрад Авг[устович], служащий, мать — Прокофьева Мария Ивановна, домашняя хозяйка (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 31, 34).

Дополнительные сведения о С. К. — Приложение 6/1: Воспоминания В. А. Рифтина, Письмо Б. Л. Рифтина; Приложение 6/2: Покровская, Решетникова (Градова).

ПИСЬМА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА РИФТИНА¹

ПИСЬМА И. Н. ВИННИКОВУ²
(СПФ АРАН, ф. 1045, оп. 3, д. 181, л. 1–15)

№ 1 (1) (л. 1 — почтовая карточка)

л. 1 лиц.

Ленинград
21/IV 1927 г.

Дорогой Geheimrat³!

Зная, что Вас интересуют, кроме «папы» и «мамы», также и «кедры», позволяю себе сообщить Вам, что в одном юридическом документе встречается упоминание о сожжении «с кедром». Если это представляет для Вас какой-либо материал, в связи с Вашими работами о кедре, то с обычным благорасположением я смогу предоставить его в Ваше распоряжение.

Надеюсь, что Мария Ефимовна⁴ и сынок, равно как и Вы, находятся все в добром здравии.

Ваш А. Рифтин

л. 1 об.

Куда: Здесь, Шпалерная, д. № 44, кв. [№] 16

Кому: Исааку Натановичу Винникову

¹ Каждое письмо (сюда включены телеграммы и записки) обычно имеет два порядковых номера: 1-й — в общем перечне писем, 2-й (в скобках) — в перечне писем к одному адресату.

² Исаак Натанович Винников (1897–1973) — этнограф, языковед, эпиграфист, фольклорист. Изучал диалекты, фольклор и этнографию среднеазиатских арабов; занимался финикийской и арамейской эпиграфикой. Автор работ: «Арабы в СССР», «Словарь арамейских надписей», «Словарь диалекта бухарских арабов», «Язык и фольклор бухарских арабов». Директор Института этнографии АН СССР (1941–1942). Зав. кафедрой этнографии филфака, затем востфака ЛГУ (1938–1949), зав. кафедрой ассириологии и гебраистики востфака (1945–1949) (БРЭ; Милибанд, 2008; Памяти И. Н. Винникова; Приложение 5; Письма А. П. № 2–6).

³ Тайный советник (нем.).

⁴ Мария Ефимовна Муриinson — жена И. Н. Винникова (Малка Хаимовна Муриinson — СПФ АРАН, ф. 1045, оп. 2, д. 2)

№ 2 (2) (л. 2, 3 — письмо с конвертом)

л. 2

Ленинград
15.VI 1937 г.

Дорогой Исаак Натанович!

Мне недавно пришлось быть в Москве в Комитете по делам Высшей школы, где выяснилось из бесед с т. Шишкиным и с т. Волынским, что проект этнографического отделения все еще встречает целый ряд препятствий для утверждения. Потому я хочу просить Вас, чтобы Вы урвали время и зашли к т. Шишкину А. А., ком. 1007 для подробных и обстоятельных переговоров, которые смогли бы рассеять все сомнения. Все детали Вы узнаете из переговоров с указанными лицами. Не уходите, пока не добьетесь полной ясности и согласованности, иначе он будет лежать без движения. Чтобы попасть в Комитет (Дом Совнаркома СССР, Охотный ряд) Вы зайдите в бюро пропусков и позвоните по № 82–58 т. Беляевой, сообщив ей, что Вы проф. Винников из Ленинграда и хотите к т. Шишкину для переговоров об этнограф[ическом] отделении. Вам после этого пришлют пропуск. Если у Вас будет время, сообщите мне, каковы будут результаты Ваших бесед.

Надеюсь, что Вы благоденствуете и не забываете нас грешных (я Вас не забыл: Вы скоро получите кучу поручений на будущий год!).

Всегда Ваш А. Рифтин

л. 3 лиц. (конверт)

Куда: Москва, Лесная ул., д. № 35, кв. [№] 44

Кому: Исааку Натановичу Винникову

Адрес отправителя: А. Рифтин, Ленинград,
ул. Гоголя 12, кв. 23

№ 3 (3) (л. 4, 5, 6 — письмо с конвертом)

л. 4, 5

Ленинград
26.VI 37

Дорогой Исаак Натанович!

Получил Ваше письмо и, признаться, был несколько озадачен тем, что в Комитете Вас направили за разъяснениями ко мне вместо того, чтобы изложить Вам лично все подробности. Должен сказать, что

я не ожидал тех затруднений, которые оказались в этом деле. Если мои записи во время беседы с т. Шишкиным и т. Волынским могут принести пользу, то вот они.

Они просили меня:

1) Дать обоснование профиля этнографа и обоснование плана, предупредив, что надо избегать «музееведческого уклона».

2) Сделать так, чтобы в плане явно был виден СССР.

3) Дать обоснование курсам: а) истории первоб[ытного] хозяйства и техники и б) истории социальных отношений. По их мнению, надо оба курса объединить в один и дать другое название.

4) Прибавить географич[еские] курсы.

5) Увеличить политэкономию до 264 часов.

6) Дать курсы по истории (после первобытных социальных отношений).

7) Расширить курсы истории СССР.

8) Снять национ[альный] и колониальный вопрос.

9) Слишком много «введений».

Насколько я помню, Шишкин склонился к моей точке зрения, что этнограф[ическое] отделение должно быть на филологич[еском] факультете, а Волынский считал, что лучше всего на геофаке. Не знаю, убедили ли его мои доводы в пользу филологического факультета. С этим Вам придется столкнуться еще раз.

Посылая Вам одновременно план отделения, прошу Вас, если у Вас будет свободная минута, сообщить мне, как протекают переговоры. В городе я буду до 6–7 июля.

Желаю Вам успеха и крепко жму руку.

Всегда Ваш А. Рифтин

л. 6 лиц. (конверт)

Куда: Москва, Лесная ул., д. № 35, кв. № 44

Кому: Исааку Натановичу Винникову

Адрес отправителя: А. Рифтин, Ленинград, ул. Гоголя 12, кв. 23.

№ 4 (4) (л. 7, 8 – письмо с адресом на отдельном листе)

л. 7

Саратов 1-го мая <1942>

Дорогой Исаак Натанович!

Как только я приехал в Саратов, я тотчас же телеграфировал Вам в Казань, полагая, что Вы там, чтобы вызвать Вас для работы в уни-

верситете. Никакого ответа я не получил и не знал, что и думать. Только недавно пришло Ваше письмо от 27-го марта, и сегодня я отвечаю Вам в надежде, что еще застанет Вас в Боровом мой ответ и телеграмма с вызовом на работу сюда.

Хочу думать, что Вы уже оправились после болезни и вместе с М[арией] Е[фимовной] сможете благополучно доехать. Ваше присутствие здесь очень нужно, т[ак] к[ак] со мной приехали этнографы 2, 3 и 4-го курсов. Из членов кафедры здесь только одна Вера Ивановна⁵. Вы понимаете, конечно, что мне очень трудно. Ряды преподавателей-северников очень поредели в городе, а оба Дондуа⁶ в Ташкенте. Скоро сюда приедет Зарубин⁷, тогда мне будет немного легче. Это языковая часть, а этнографическую без Вас я совсем не могу наладить. Если Вы приедете, то мы обеспечим Вас жильем и сносным питанием, само собой разумеется, что и ставкою. Как бы то ни было, я очень хочу видеть Вас здесь с нами, ибо я собираю наши основные кадры.

Вы спрашиваете меня о городских делах.

---

⁵ Вера Ивановна Цинциус (1903–1983) — этнограф, лингвист, специалист по тунгусо-маньчжурским языкам. Один из организаторов создания письменности и разработки единого алфавита для 14 языков народов Севера. Создала письменность на эвенском языке. Писала буквари, учебники для эвенских школ, готовила учителей из эвенов. Автор книг «Очерк грамматики эвенского языка», «Сравнительная фонетика тунгусо-языков», «Негидальский язык». Один из составителей и редактор «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков». В 1937–1944 гг. преподавала тунгусо-маньчжурские языки в ЛГУ. В 1945–1947 гг. заведовала кафедрой языков северо-востока Азии на востфаке. В 1948-м стала деканом факультета народов Севера ЛГУ, который в 1953 г. был переведен в ЛГПИ. В 1937–1939 гг. подверглась репрессиям по ложному обвинению в стремлении ввести латинизированную письменность для северных народностей и в ведении пропаганды против социалистического строительства на Севере (Кононов, 1960, с. 26–27, примеч. 114; Люди и судьбы...; Оненко; Филфак СПбГУ-Р; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1115, л. 138; д. 1423, л. 47).

⁶ Карпез Даристанович Дондуа (1891–1951) — лингвист (специалист по общему и кавказскому языкознанию), исследователь картвельских языков, ученик Н. Я. Марра в области армяно-грузинской филологии, чл.-корр. Грузинской АН, заведующий кафедрой кавказской филологии ЛГУ в 1936–1941 и 1945–1949 гг. (АМ..., с. 484; Харатишвили, с. 63–68; СПФ АРАН, ф. 800, оп. 1, д. 2913, л. 1).

Варлам Даристанович Дондуа (1895–1969) — грузиновед, автор ряда исследований по истории Грузии и Кавказа. Преподавал в ЛГУ (филологический и восточный ф-ты) и в ТбилГУ грузинский язык, историю грузинской литературы, историю Грузии (АМ..., с. 485; Харатишвили, с. 68–72).

⁷ Иван Иванович Зарубин (1887–1964) — иранист, профессор ЛГУ. Создатель отечественной школы изучения живых иранских языков, основатель отечественного памироведения (АМ..., с. 319; БРЭ; Милибанд, 2008; Решетов, с. 36).

Ваш институт (Институт этнографии. — Г. К.) цел и невредим, судя по рассказам приехавших в апреле. Часть сотрудников уехала, часть осталась (Бломквист⁸, например). Маркон⁹ я видел в день моего отъезда в конце февраля, когда она встала после болезни. Я просил ее ехать с нами, но она отказалась. Ничего тревожного о Вашей невестке и внучке в городе я не слышал от нее. Приехавшие в конце марта и в начале апреля о Маркон ничего дурного не передавали. Вот все, что я знаю по этим делам. Мои домашние живы и здоровы и просили Вам передать привет. К моему огорчению, Иг[натий] Юл[ианович] (Крачковский. — Г. К.), Беляев¹⁰, Семенов¹¹, Борисов¹² со мной не поехали. Борисов собирался ехать со мной,

---

⁸ Евгения Эдуардовна Бломквист (1890–1956) — этнограф. Изучала быт бухтарминских старообрядцев (на севере Казахстана в долине р. Бухтармы, правом притоке Иртыша), в котором сохранялись некоторые черты, уже исчезнувшие на основной территории расселения русского народа. Занималась этнографией народов Северной Америки. Много лет работала в ИЭ (Е. Э. Бломквист).

⁹ Аполлония Игнатьевна Маркон (1900–1967) — тюрколог. Работала в ЛГУ на кафедре этнографии филфака, затем на кафедре тюркской филологии востфака, где преподавала тувинский язык. В 1952 г. возглавила диалектологическую экспедицию, в которой собрала обширный материал по языку, фольклору и быту тофаларов — тюркоязычного населения в одном из районов Иркутской обл. Печатных работ нет. В архиве ИВР сохранилась рукопись «Грамматика тофаларского языка» и материалы по грамматике тувинского языка (Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 140; СПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 314, 426).

По воспоминаниям, А. И. Маркон — «ассистент кафедры этнографии до войны, верный помощник И. Н. Винникова, а во время отсутствия И. Н. по сути возглавившая кафедру» (Торчинская).

¹⁰ Виктор Иванович Беляев (1902–1976) — арабист, палеограф, знаток арабской литературы и поэзии, памятников арабской историографии, восточной рукописной книги. Почетный доктор Будапештского ун-та, чл.-корр. Академии арабского языка (Каир). Большая часть его работ посвящена арабским рукописям в различных отечественных собраниях. В разные годы заведовал Арабским кабинетом ЛОИВ и кафедрой арабской филологии востфака ЛГУ (АМ..., с. 581; Милибанд, 2008; Памяти В. И. Беляева).

¹¹ Даниил Владимирович Семенов (1890–1943) — арабист-универсал, в области арабистики занимался литературным и разговорным языками, современной литературой и рукописями, к. филол. н. Преподавал в ЛВИ и ЛГУ. Его «Хрестоматия разговорного арабского языка» используется до сих пор. Как ученый секретарь ИВ возглавил небольшую группу из пяти сотрудников, которая осталась в блокадном Ленинграде для охраны имущества института. Скоропостижно скончался летом 1943 г. (АМ..., с. 590; Долинина, с. 441; Милибанд, 2008; Решетов, с. 37).

¹² Андрей Яковлевич Борисов (1903–1942) — семитолог и иранист, к. филол. н. Специалист по арамейской и иранской эпиграфике. Издатель уникальных еврейско-арабских памятников из собрания Фирковича (РНБ). Исследователь средневековой еврейско-арабской философской литературы (работы собраны в монографию, опубли-

но болезнь жены помешала ему, где он сейчас, я не знаю. Еще раз привет и лучшие пожелания, надеюсь, что скоро увидимся.

Ваш А. Рифтин

л. 8

Курорт Боровое¹³ Акмолинск[ой] обл. пр[оф]. И. Н. Винникову.

№ 5 (5) (л. 9, 10 — письмо с конвертом)

л. 9

Саратов
10.VI 42 г.

Дорогой Исаак Натанович!

Несколько дней тому назад В. И. Цинциус получила письмо от Маркон А. И., из которого мы узнали, что она эвакуировалась из Ленинграда и находится сейчас в Ярославской области, Судай, Судайского района, деревня Маркови, проживая у Матрены Яковлевны Рябковой. Сегодня, когда я собрался писать Вам, Бутинов¹⁴ показал мне Ваше письмо от 22 мая. Я не знаю, получили ли Вы мое письмо, которое я давно написал Вам и отправил одновременно с телеграммой, на которую я имел Ваш ответ. Вы пишете Бутинову, что не собираетесь приехать к нам в Саратов, и это очень меня огорчило, так как Ваше присутствие здесь крайне необходимо. Всех славистов-этнографов мы оставили в аспирантуру, объявляем набор на этнографическое отделение, и я не мыслю себе, как это можно

кованную посмертно). Ст. н. с. ГЭ, преподаватель ЛГУ (Борисов, 2002; Избранные письма Борисова Коковцову; Милибанд, 2008; Старкова, 2006, с. 222–227; Письмо А. П. № 11; Приложение 6/2: Дьяконов).

Авраам бен-Самуил Фиркович (1785–1874) — караимский писатель, археолог, лекционер. Получив от российского правительства открытый лист на сбор материала по истории караимов в Крыму и на Кавказе, производил раскопки на старинном кладбище в Чуфут-Кале, Феодосии и др. местах, собирал рукописные памятники, в том числе старинные свитки Торы (Пятикнижие), и документы еврейских общин. Привез собрание древних рукописей из Египта и других восточных стран. Коллекция Ф. была продана в Императорскую публичную библиотеку (совр. РНБ) (ЕЭ).

¹³ Курорт Боровое в Северном Казахстане служил во время войны местом эвакуации для научных работников АН СССР (Долинина, с. 419, примеч. 11).

¹⁴ Николай Александрович Бутинов (1914–2000) — этнолог. Закончил филфак ЛГУ (в 1942 г. в Саратове). Ведущий специалист по австралийско-океанической и общей этнографии. Занимался дешифровкой письменности о. Пасхи. Доказывал приоритет общинных структур по отношению к роду и исконное сосуществование материнского и отцовского рода (БРЭ; Милибанд, 2008).

будет проводить без Вас. Я очень надеюсь, что Вы к осени будете с нами, если все будет благополучно. Я должен сказать Вам, что работа в своем коллективе для нас, живущих на чужбине, имеет огромное значение. По крайней мере, для меня сейчас это все. Напишите мне, пожалуйста, как Ваше здоровье, как чувствует себя Мария Ефимовна. Очень бы хотел узнать о Ваших планах на будущее, в которые входила бы и работа в университете. Сообщите мне также, как поживают А. А. Фрейман¹⁵, А. П. Баранников¹⁶, О. Н. Никонова¹⁷, В. М. Алексеев¹⁸. Передайте им, пожалуйста, что ЛГУ имеет соответствующее решение высших инстанций собирать университетских людей. По первому их сообщению я могу их вызвать для работы в ЛГУ и сделаю это с величайшим удовольствием. Пишите мне и не забывайте меня. Крепко жму Вашу руку. Привет всем.

Всегда Ваш А. Рифтин

Маркон я вызвал телеграфно в Саратов.

л. 10 лиц. (конверт)

Курорт Боровое Акмолинской обл.

Профессору Исааку Натановичу Винникову

Отп[р.] А. Рифтин, Саратов, гостиница Россия, ком[н]. 418.

---

¹⁵ Александр Арнольдович Фрейман (1879–1968) — иранист. Чл.-корр. АН СССР, заслуженный деятель науки Таджикской ССР, д. философии Гисенского ун-та, член Американского, Германского и Польского обществ востоковедов, чл.-корр. Академии наук Ирана. Основная сфера интересов — изучение отдельных иранских языков (пехлевийского, хорезмийского, согдийского и др.), издание надписей на этих языках, создание сравнительно-исторической грамматики и этимологического словаря иранских языков. Внес значительный вклад в осетиноведение. Многие годы заведовал кафедрой иранской филологии ЛГУ и возглавлял Иранский кабинет, затем Сектор иранской филологии ИВ (АМ..., с. 592; Милибанд, 2008; Оранский).

¹⁶ Алексей Петрович Баранников (1890–1952) — индолог, цыгановед. Акад. АН СССР. Исследовал древние и новые индийские языки. Перевел многие произведения индийской литературы, в том числе «Рамаяну». Автор работ о языке, быте и фольклоре цыган. Директор ИВ (1938–1940), зав. кафедрой индо-тибетской (с 1951 г. индийской) филологии на востфаке ЛГУ (БРЭ; Милибанд, 2008; Лобанова; Приложение 5/2).

¹⁷ Ольга Николаевна Никонова (1887–1969) — к. филол. н., доцент кафедры немецкой филологии ЛГУ. Преподавала в 1938–1951 гг. (Филфак СПбГУ-Р).

¹⁸ Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) — китаевед. Акад. АН СССР. Автор трудов по китайской литературе, фольклору, театру и переводов из китайской художественной литературы (БРЭ; Милибанд, 2008).

№ 6 (6) (л. 11 — письмо без конверта¹⁹)

Саратов
17.III <1>943

Дорогой Исаак Натанович!

Был очень рад получить от Вас письмо и выполнить Вашу просьбу. Одновременно посылаю Вам подписанные и заверенные документы. Мне только не совсем ясно, каким образом Вы хотите действовать, в то время как все основные документы находятся в Ленинграде. Поэтому я попросил нашу научную часть немедленно затребовать их из нашего города, чтобы в нужный момент либо переслать их Вам, либо представить в Москву, если Вы этого захотите. Я лично думаю, что если все дело представит ЛГУ, то это пройдет быстрее и организованнее. Напишите мне, считаете ли Вы мои соображения и действия правильными, или нет, и что Вам хотелось бы от нас в этом отношении.

Я писал Вам несколько раз в Боровое, но, к сожалению, ответа от Вас не получил. Впоследствии я узнал, что Вы переехали в Ташкент, но не знал Вашего адреса.

Общие сведения о том, как мы живем, Вам, вероятно, известны. Вот уже полгода, как я, поссорившись с начальством, ушел из деканата (см. письма А. П. № 12, 15, 17). Могу сказать совершенно объективно, что факультет находится в состоянии полного развала, который мы с Вами никогда не переживали. Мой наследник²⁰ уже подал заявление об уходе, что будет дальше, мне не совсем ясно. Хорошо, что здесь есть несколько друзей, с которыми легче жить и работать. Мне удалось объединить всех наших лингвистов вокруг одной коллективной темы, и эта работа протекает живо и интересно. Ваших питомцев (этнографов. — Г. К.) я не забываю: организовал для них специальный семинар комплексного характера, в котором принимает участие и В. Я. Пропп²¹. Каждый делает доклады по своей специальности по теме — социальная организация и идеология первобытных обществ. Напишите мне, что Вы об этом думаете. В остальном мы живем очень и очень скромно, надеемся на лучшее будущее, на нашу встречу и совместную работу. Я был бы Вам очень благодарен,

¹⁹ Есть отметка: Отв. 10.IV.43.

²⁰ Г. А. Гуковский, см. письма А. П. № 12, 17.

²¹ Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970) — фольклорист, литературовед, лингвист, этнограф, д. филол. н. Преподавал в ЛГУ в 1937–1969 гг. Вел курс по русскому фольклору, спецкурсы по сказке, по проблеме комического (РГЭС; Филфак СПбГУ-Р).

если бы Вы написали мне о научной жизни в Ташкенте и о наших знакомых и друзьях по факультету. Если Вам нетрудно, то сообщите мой адрес В. И. Беляеву, который, по сведениям от И. Ю. Крачковского, находится в Ташкенте. Пишите мне и не забываете меня. Наш сердечный привет Марии Ефимовне от всех нас.

Всегда Ваш А. Рифтин

№ 7 (7) (л. 12 — почтовая карточка)

л. 12 лиц.

*Саратов
17.X 43*

Дорогой Исаак Натанович!

Я получил Ваше письмо и могу сообщить Вам, как обстоят дела с Вашими документами. По моему настоянию наша администрация три раза писала в Ленинград. Когда наши представители посетили наш родной город в августе, то они тоже имели соответствующее поручение. Сюда прибыли присланные из Л[енингра]да дела, но я никак не могу добиться от М. А. Гуковского²², чтобы эти дела разобрали. Надеюсь, что там находится и Ваше дело. Если же его там нет, то я договорился с М. А. Г., что мы будем писать в Москву, чтобы там все было оформлено по нашему представлению, но я надеюсь все же, что дела пришли. Я очень хорошо понимаю Ваше недоумение по поводу медленного течения всех событий, но Вы, вероятно, и не представляете всей нашей обстановки и отношения к людям. Мы накануне ухода Александра Михайловича²³, проработавшего пятнадцать лет!

Я очень радуюсь за Вас, что Вы интенсивно работаете и подарите нам большую работу. От всей души желаю Вам успеха. Что каса-

---

²² Матвей Александрович Гуковский (1898–1971) — д. ист. н., проф. ЛГУ, директор научной библиотеки ГЭ. Особо значительный вклад внес в исследование итальянского Возрождения, член Международного института по изучению творчества Леонардо да Винчи (Италия), Института Леонардо да Винчи (Франция) (БСЭ-3).

²³ Вероятно, Александр Михайлович Комаров (1892–?) — физик, доцент. Родился в крестьянской семье. Окончил физико-математический факультет Петроградского педагогического института. Преподавал физику в средних школах и вузах Ленинграда. Был заведующим в школах, занимал различные должности в системе РОНО. В 1930–1943 гг. работал в ЛГУ сначала директором Научно-исследовательского института физики при ЛГУ, затем заведующим учебной частью ЛГУ и проректором по учебной работе. Далее был взят в аппарат ВКВШ. Один из авторов учебника «Рабочая книга по физике», издал «Лекции по молекулярной физике». В период блокады в составе спецгруппы сотрудников физического факультета ЛГУ вел важную научную работу по заданию штаба ЛВО (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 745).

ется меня, то я потихоньку работаю, стараюсь стоять вдали от всего, чем я раньше занимался, ибо не вижу ничего привлекательного. Надеюсь, что эта зима последняя в Саратове. Передавайте привет М. Е. от всех нас. Я сообщу Вам через <...> (несколько слов выцветли. — Г. К.). Крепко(?) жму руку. Ваш(?) А. Р.

л. 12 об.

Штамп: [Прос]мотрено военной цензурой

Куда: Ташкент, Пролетарская ул., д. № 4, кв. № 18

Кому: Профессору И. Н. Винникову.

№ 8 (8) (л. 13 — почтовая карточка)

л. 13 лиц.

Саратов
25.I 44

Дорогой Исаак Натанович!

Я очень давно ничего от Вас не имею.

Я обещал сообщить Вам результаты раскопок в нашем заведении. Сейчас, наконец, они закончены, и, к сожалению, Вашей работы не оказалось. Я неоднократно советовался с властями, и мы пришли к выводу, что надо дело об утверждении возобновить. Здесь у нас есть постановление ученого совета ун[иверсите]та. Если Вы пришлете мне имеющиеся у Вас документы: 1) отзывы оппонентов, 2) протокол факультета, то мы попробуем отсюда ходатайствовать перед Москвой. Было бы очень хорошо иметь саму диссертацию, но я предвижу, что Вам трудно будет с ней расстаться. Попробуем обойтись без нее. Это единственный выход, который я могу Вам предложить. Очень грустно, что все так безумно затягивается, но это стиль нашей работы, к сожалению. В. И. Ц[инциус] Вам писала, вероятно, о предполагаемых изменениях на факультете. Я отношусь к ним без всякого восторга и стараюсь стоять в стороне. Сейчас живем надеждой на скорое возвращение домой, здесь ничего не изменится к лучшему. Работаю много, занят всякими делами. Мои домашние живут потихоньку. Пишите мне и не думайте, что я Вас забыл: я не изменю моим старым друзьям. Привет М. Е.

Весь Ваш А. Рифтин

л. 13 об.

Куда: Ташкент, Пролетарская ул., д. № 4, кв. № 18

Кому: Исааку Натановичу Винникову

№ 9 (9) (л. 14 — телеграмма)

л. 14 лиц.

Срочная Ташкент Пролетарская 4 кв 18 Винникову Саратова
Организуются филологический и восточный факультеты телегра-
фируйте куда отнести этнографию²⁴ Рифтин

№ 10 (10) (л. 15 — записка в виде телеграммы)

л. 15 лиц.

Боровое Акм[олинской] Винникову Саратова
Выезжайте Саратов работать университете Декан Рифтин

л. 15 об.

Какие-то пометки, явно не имеющие отношения к лицевой сто-
роне. Почерк не Рифтина.

ПИСЬМА И. М. ДУНАЕВСКОЙ²⁵
(Личный архив И. М. Дунаевской)

№ 11 (1)

Саратов 13-го августа 1942

Дорогая Ира!

Я получил Ваше первое письмо из армии и тотчас же ответил Вам. По-видимому, мое послание Вас не достигло. Кратенько сообщу, что мы кончили здесь второй семестр, начавшийся 1-го апреля, выпустили с госэкзаменами четвертый курс, сейчас готовим новый учебный

---

²⁴ Кафедра этнографии в 1945/46 уч. г. находилась на востфаке ЛГУ, заведовал кафедрой И. Н. Винников (Приложение 5/2).

²⁵ Ирина Михайловна Дунаевская (1919–2014) — хеттолог, к. филол. н. Ее мать, Г. М. Дунаевская, была одна из первых женщин-инженеров в России (принимала участие в строительстве Волховской и Днепровской ГЭС). И.М. поступила на отделение германистики филфака ЛГУ, по предложению А. П. Рифтина перешла на отделение ассириологии. В 1945 г. после демобилизации восстановилась на немецком отделении, т. к. заниматься ассириологией было не у кого (А. П. умер, И. М. Дьяконов еще не был демобилизован), и окончила ЛГУ как германист-лингвист, поступила в аспирантуру востфака по специальности «хеттология». Внесла весомый вклад в изучение хаттского языка, одного из реликтовых неиндоевропейских языков древнего Ближнего Востока. Издала монографию «Язык хеттских иероглифов», «Законы Хеттского царства» (перевод и комментарий: ВДИ. М., 1952. № 4), а также научные переводы работ видных зарубежных ученых: Фридрих И. «Дешифровка забытых письменностей и языков», «История письма»; Дирингер Д. «Алфавит»; Гельб И. Е. «Опыт изучения письма» и др. Переводы неоднократно переиздавались. Работала ст. н. с. в ЛОИВ. Участник ВОВ: вступила в народное ополчение, затем добровольцем ушла на фронт, служила переводчицей в разведотделе. Трижды была ранена. Оставила книгу воспоминаний о войне «От Ленинграда до Кёнигсберга. Дневник военной переводчицы (1942–1945)» (Милицанд, 2008; сайт ИВР РАН (www.orientalstudies.ru)).

год и делаем прием на первый курс. Студенты — на уборке урожая, как и большинство преподавателей. Остались здесь доктора и старики. Хлопот по деканату достаточно, т[ак] к[ак] мои помощники тоже уехали, и я отдуваюсь за всех, работая к тому же в МПВО Университета. Если у нас в городе я был начальник объекта, который я люблю всеми силами своей души, то здесь я боец санитарной команды. Единственное мое спасение — мои научные занятия. Я работал очень много и достиг кое-каких результатов, которые нравятся окружающим и обнадеживают мою дальнейшую работу. Здесь, в Саратове, удалось обобщить то, над чем я работал семь лет в Ленинграде. Отрицание и утверждение оказал[ись] только одной небольшой частью более общей закономерности языка и мышления, которую мне, я думаю, удалось сформулировать и показать в стадильном развитии. Я все-таки ученик Н. Я. Марра! Все это отвлекает меня, и когда мы с Вами увидимся, то я расскажу Вам, какие любопытные вещи скрывает наш язык! Но вот события, которые на общем не очень веселом фоне, не дают мне покоя. Я получил почти одновременно известия, что умерли Наташа Овсянникова и Андрей Яковлевич Борисов. Наташа эвакуировалась с мужем в Архангельск, и они оба там ушли в мир иной после сыпняка. Она стоит передо мной, как живая, такая женственная и скромная, с виновато-лукавым видом, когда она не могла приготовить текст и зывала глазами к моей помощи. Теперь только Вы одна остались у меня. Поберегите себя, надо кончить то, что мы с вами начали <в> 1938 году. Не менее трагично случилось <с> А. Я. Борисовым. Он в июне эвакуировался, в дороге заболел дизентерией и умер в больнице в Орехово-Зуеве 10 июля. Один, без родных и знакомых, в чужом месте ушел один из самых талантливых людей нашей науки, такой хороший и порядочный человек. Я не могу простить себе, что я не настоял на его отъезде с нами в феврале. Ну, больше не буду Вас огорчать. Пишите мне регулярно, я буду отвечать Вам. Пишите о себе и других. Надо держать связь, надо выжить, чтобы жить. Жму Вашу руку и обнимаю Вас.

Ваш А. Рифтин

№ 12 (2)

Саратов
3. XII 42

Дорогая Ира!

Из Ваших писем я должен сделать вывод, что два моих ответа до Вас не дошли. Усиленно надеюсь, что дойдет это мое письмо.

Я должен чистосердечно [пр]изнаться Вам, что я испытываю чувство зависти по отношению к Вам: Вы находитесь в центре борьбы, недалеко от нашего города; я же со своей специальностью стою как-то в «стороне от схватки». Но я стараюсь делать все, что я могу: много научно работаю, читаю лекции на первом курсе, читаю агитаторам о языке. Времени для научной работы у меня стало значительно больше, так как в сентябре месяце, после трехлетней работы, я должен был уйти из деканата, не поладив с нашим ректором. Новым деканом у нас Гр. Гуковский²⁶, заместителем его Будагов²⁷. Как и все учебные заведения, начали год первого октября, набрали первый курс. Представьте мою радость, когда я узнал, что среди студентов нового приема есть один убежденный ассириолог²⁸. Он оказался очень серьезным и хорошим юношей, которого я рекомендовал на классическое отделение, ибо читать клинопись здесь невозможно. Питаю надежду, что после войны он вернется к нам. Мы не только учимся, но и выполняем различные трудовые повинности. По просьбе нового деканата я взял на себя руководство лингвистическим объединением на факультете. Доклады обещают быть интересными. Уже сделали доклад В. И. Цинциус о дублетных формах в тунгусо-маньчжурских языках²⁹, Э. И. Каратаева³⁰ о сложном предложении в современном русском языке. Сейчас у нас идет научная сессия,

²⁶ Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) — литературовед, профессор Ленинградского и Саратовского университетов, автор первого курса лекций по истории русской литературы XVIII в., исследователь творчества Пушкина и Гоголя. Был в разные годы зав. кафедрой истории русской литературы, и. о. декана филфака, проректором ЛГУ по научной работе. В 1949 г. в период культа личности Сталина был репрессирован и скончался в Лефортовской тюрьме, посмертно реабилитирован (БРЭ; Филфак СПбГУ-Р).

²⁷ Рубен Александрович Будагов (1910–2001) — языковед, специалист в области общего языкознания и романской филологии, чл.-корр. РАН. Декан филфака ЛГУ (1947–1948), позже зав. кафедрой романской филологии МГУ (БРЭ; Филфак СПбГУ-Р).

²⁸ По-видимому, речь идет о Ростиславе Васильевиче Кинжалове (1920–2006), исследователе культуры и искусства народов доколумбовой Америки, прежде всего древних майя, переводчике поэзии этих народов. Он также известен как филолог-классик, востоковед (автор кн. «Памятники культуры Сасанидского Ирана» совместно с иранистом В. Г. Лукониным), специалист по мифологии народов древнего мира. Д.и.н., заслуженный деятель науки РФ. Его труды неоднократно публиковались за рубежом (в Венгрии, Германии, Мексике, США и др.). Многие годы работал в ГЭ и МАЭ. Преподавал в ЛГУ: читал спецкурсы по греческой папирологии на востфаке и по этнографии Америки на истфаке. Автор популярных исторических романов («Конец священного круга», «Сокровища Великой богини» и др.). В его мемуарах «Из прошлого» есть воспоминания об А. П. (Кинжалов; Корсун, с. 92–93; Милибанд, 2008; Приложение 6/2: Кинжалов).

²⁹ В настоящее время используется термин «тунгусо-маньчжурские языки» (ЛЭС).

³⁰ Элеонора Иосифовна Коротаева (Каратаева) (1910–1978) — д. филол. н., профессор. Преподавала в 1937–1977 гг., вела общие и специальные курсы лекций

связанная с 25-летием Октября. Уже сделали доклады Гр. Гуковский, Эйхенбаум³¹, Балухатый³², Пропп, Иоффе³³ — каждый по своим разделам. В эту субботу будет и мой доклад, посвященный советскому языкознанию за 25 лет. Помимо научных докладов на секции мы устраиваем еще общегородские собрания филологов, где ставятся доклады общего характера. По-видимому, в декабре мне предстоит выступить с докладом в день марровской годовщины. Как видите, мы стремимся делать все, что мы можем: готовить кадры и научно работать. Как я писал уже выше, я сижу над работой целый день. Я уже один раз писал Вам о некоторых результатах, но они до Вас не дошли еще или пропали. Скажу только, что из моих теорий о местоимениях и значений, связанных с ними, удалось, если я не ошибся, объяснить целую систему грамматических категорий. В качестве примера приведу Вам генезис множественного числа (ср. письмо А. П. № 15. — Г. К.). Вам известно, конечно, выражение: «видимо-невидимо» (народа и т. д.), «тьма тьмушая» (людей и т. д.), «необозримое количество»; все они значат «много», но это «много» подано с точки зрения зрительно-пространственной: количество таково, что оно захватывает все видимое поле зрения и выходит за его пределы, т. е. переходит в невидимое пространство. Теперь понятно, почему «тьма» = «много». Если Вы теперь вспомните, что показатели мн. ч. во многих языках являются местоимениями «далекими», то картина для группы мн. числа ряда языков будет ясна (ср. наше³⁴ мн. ч. на -û-, которое < wa; любопытно турецкое мн. ч. на lar, которое, по-моему, вышло из *ol-aga «невидимое место» и т. п.). Если во всем этом я не ошибаюсь, то со временем можно будет иметь в руках твердый путь для анализа различных категорий, которые выражены местоимениями. Я могу сказать, что курс я буду строить теперь совсем

по синтаксису современного русского языка. Заведовала кафедрой русского языка (Филфак СПбГУ-Р).

³¹ Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) — историк и теоретик литературы, текстолог, заложивший основы научного издания русских классиков, д. филол. н., профессор. В 1920-х гг. теоретик «формального метода» в литературоведении, занимался вопросами композиции, стиля, ритма. В позднейших работах стремился анализировать литературную позицию автора на широком историческом и культурном фоне (труды по Лермонтову и Толстому). Преподавал в 1921–1949 гг. Заведовал кафедрой истории русской литературы ЛГУ (БСЭ-3; РГЭС; Филфак СПбГУ-Р).

³² Сергей Дмитриевич Балухатый (1892–1945) — литературовед, библиограф, текстолог; чл.-корр. АН СССР, декан филфака ЛГУ (1943–1945). Автор трудов о М. Горьком, А. П. Чехове, по теории библиографии (БРЭ; Филфак СПбГУ-Р).

³³ Иеремия Исаевич Иоффе (1888–1947) — искусствовед, теоретик и специалист по истории русского и западноевропейского искусства, проф. ЛГУ (Доброклонский).

³⁴ Имеется в виду аккадский язык.

иначе. Много времени я уделяю сейчас вопросам первобытного мышления, после всего этого в наших древних текстах многое стало для меня осмысляться совсем по-другому. Но об этом я постараюсь рассказать Вам на лекциях! А Вы, моя дорогая и единственная, держитесь крепко, помогайте Вашим боевым друзьям бить немцев, передайте им мой низкий поклон и пожелание «ни пуха ни пера». Пишите мне. Я крепко обнимаю Вас.

Ваш А. Рифтин

Адрес Игоря³⁵: ППС 1475, часть 021. Я недавно получил от него первую открытку.

№ 13 (3)

Саратов
22. I 44

Дорогая моя Ира!

Ваше письмо пришло в радостные для нас дни освобождения нашего родного города. Знаю, что Ваша ассирийская душа тоже помогает гнать фашистов, и радуюсь еще более. У нас ходят слухи, что к весне мы уже вернемся обратно. Так это или нет — будет видно в ближайшее время. Пока мы закончили научный год и заканчиваем первый семестр. Моя группа по мн[ожественному] числу составила сборник, в котором есть и моя статья. Кроме того, я дал еще одну статью. На юбилейной сессии, которую собираются организо-

---

³⁵ Ученик А. П. Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999) — ассириолог широчайшего диапазона, основатель отечественной афразистики, д. ист. н., чл.-корр. Британской АН, почетный член Британского Королевского азиатского общества, почетный доктор гуманитарных наук Чикагского университета. Окончил ассириологическое отделение кафедры семито-хамитской филологии филфака ЛГУ, был членом этой кафедры. Изучал языки, историю и культуру Шумера, Аккада, Вавилонии, Ассирии, Мидии, Урарту и др. государств древнего Ближнего Востока. Мастер художественного перевода (Эпос о Гильгамеше, ряд библейских текстов и др.). Автор и соавтор 32 книг и нескольких сотен статей. Преподавал в ЛГУ на истфаке, филфаке и востфаке, руководил многочисленными аспирантами в СССР и за рубежом. Работал ст. н. с. ГЭ и гл. н. с. ЛО ИВ. Ответственный секретарь оргкомитета Международного конгресса востоковедов (1960 г., Москва). Участник ВОВ, в частности, был переводчиком с норвежского языка при штабе советского командования в г. Киркенесе, впоследствии стал почетным гражданином этого города. (Берлев и Грибов, с. 173–174; БРЭ; Дьяконов, 1995, с. 638 сл., с. 738; Милибанд, 2008; Приложение 2/1, ст. А. П. № 18; Приложение 5/1; Русинова).

На кафедре ассириологии и гебраистики востфака ЛГУ И. М. преподавал аккадский и шумерский языки, введение в семитологию, историю ассиро-вавилонской литературы, историческую географию древней Передней Азии, вел музейную практику, составил программу по аккадскому языку на 5 лет обучения (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1102, л. 56–58; д. 1240, л. 58, 61, 63; д. 1415, л. 80–83, 85, 87; д. 1568, л. 55–60).

вать в связи с 125-л[етием] ЛГУ, я также буду делать доклад на тему, которая Вас, вероятно, заинтересует: «Основные принципы построения теории стадий в языке»³⁶. Мне кажется, что удалось внести кое-что новое в эту проблему и сформулировать четыре стадии в развитии языка. В качестве принципа я положил структуру предложения. Посмотрим, как это будет принято.

Работы у меня очень много. Ко мне липнет всякая организационная работа. Я руковожу научной группой, председатель производственного сектора месткома, руковожу студенч[еским] кружком, читаю лекции педагогам города Саратова, нашим педагогам, в частях Кр[асной] Армии, редактирую сборник, составляю обзор районной печати, участвую в юбилейной комиссии, веду политинформацию на факультете. На мне лежит существенная часть нашего быта — кооператив научных работников. Не скрою от Вас, что я стал «специалистом» по военным делам, которыми очень увлекаюсь. От непосредственных факультетских дел я стою далеко, и они меня не радуют — нашего старого филфака больше нет.

Ну, вот, кажется, и все. Вместе с Вами надеюсь на скорое возвращение в город и знаю, что нас ожидает очень много работы, но, как Вы знаете, я никакой работы не боюсь. Пишите мне и не обижайтесь, что я отвечаю редко. Когда мы с Вами встретимся, я все Вам объясню. Я крепко целую Вас и желаю Вам, как всегда, «ни пуха ни пера».

Ваш А. Рифтин

№ 14 (4)

Ленинград
8.XII 44

Дорогая Ира!

Я могу, наконец, сесть написать Вам. Удивительно суматошно было все это время. Прием, начало занятий, бесконечные заседания, напоследок научная сессия. Начну с самого начала. На мой цикл поступили две девушки, с которыми я и веду занятия. Одна из них способная и культурная³⁷, другая малость хуже. С помощью

³⁶ См. Приложение 2/1, ст. А. П. № 19, 23.

³⁷ По-видимому, речь идет о Н. Б. Янковской. Нинель Болеславовна Янковская (1925–2009) — историк-ассириолог, издатель клинописных текстов, д. ист. н. Автор книги «Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX века до н. э.)». Ведущий сотрудник ГЭ (Милибанд, 2008; Приложение 6/2: Дьяконов).

Ашшура³⁸ и других богов мы добрались уже до середины третьего похода Санхериба³⁹, а по грамматике до глаголов *mediae infirmae*⁴⁰. Надеюсь, что некий толк из них получится. На занятия с ними уходит десять часов в неделю. Как всегда веду «Введение» на первом курсе. В зале сидит 350 человек, складывающихся из филологов и востоковедов. По-видимому, есть очень хороший народ как среди первых, так и среди вторых. Через несколько дней будет традиционный коллоквиум по семантике, на котором смогу познакомиться с ними поближе. На сессии 21-го делал доклад, тезисы которого Вам посылаю. Прений, к сожалению, не было. 25-го делал в ИВАН'е другой доклад, посвященный условным предложениям в эпоху первой вавилонской династии⁴¹. Здесь были прения, которые были для меня благоприятны. Тезисов этого доклада у меня, к сожалению, нет, поэтому я Вам их не посылаю. Подробности условных предложений в письме не опишешь, и я их опускаю, хотя есть некоторые любопытные вещи, которые привлекли внимание присутствующих. Параллельно с подготовкой этих докладов я много сидел над диссертацией, которую также значительно продвинул. Как видите, дел было довольно много, а предстоит еще больше. 19-го этого месяца надо выступать с докладом о Марре в день десятилетия его смерти. К новому году надо сделать еще две статьи, для которых материал собран, но писать я еще не написал. Придется сидеть день и ночь, чтобы успеть все это сделать. Правда, сердце мое довольно сильно сдало за последние месяцы, но все это необходимо сделать в срок! На сессии был ряд интересных докладов, но, в общем, она была очень перегружена и протекала вяло. Заседания были каждый день, и это очень утомило весь наш народ. Я лично устал сверх всякой меры. Сегодня, наконец, последнее заседание, и через несколько дней можно сесть за статьи. Одна из них будет посвящена наклонениям в аккадском языке, другая — проблеме стадиальности. Набежало еще несколько интересных тем, которые должен буду пока отложить, хотя они меня волнуют и все время притягивают мое внимание, одна из них: связь посессивности и пассивности. Но об этом в другой раз. На факультете, между нами, пусто и скучно. Народ ходит, так как есть расписание. Кроме этого, ничего нет. Стараюсь бывать там как

³⁸ Ашшур — верховный бог Ассирии (Мифы народов мира).

³⁹ Синаххериб (Санхериб — в соответствии с вокализацией еврейского текста Библии) (704–681 гг. до н. э.) — царь Ассирии (Мієгоор, р. 180).

⁴⁰ Глаголы со средним слабым корневым согласным в аккадском языке.

⁴¹ См. Приложение 2/1, ст. А. П. № 26.

можно меньше. Как и прежде, с удовольствием веду политинформацию и военные и международные обзоры, на что тоже уходит довольно много времени. Согласитесь, что я дал Вам полный отчет о моей деятельности за истекший период времени. Могу сообщить Вам, что часто вижу Вашу мать, которая все время проводит в хлопотах по известным Вам делам.

Желаю Вам удачи, пишите мне подробнее о себе.

Всегда Ваш А. Рифтин

Штамп: Просмотрено [военной цензурой].

№ 15 (1) ПИСЬМО В. М. ЖИРМУНСКОМУ⁴² (СПФ АРАН, ф. 1001, оп. 3, д. 711, л. 1, 2)

Саратов
22.XII 1942

Дорогой Виктор Максимович!

Сегодня полтора года войны. За этот период на мою долю ленинградца выпало достаточно много. Мои родители умерли в течение одной недели в очень тяжелой обстановке, а то, что было на факультете, тебе, вероятно, хорошо известно. Я не только вынес один на своих плечах весь период блокады, но и вывез наш факультет. Мне кажется, что только невероятное нервное напряжение и выдержка помогли мне перенести все это и выжить. По приезде в Саратов я заболел и был на волосок от гибели. Потом опять завертелась факультетская машина в новых условиях. Я был завален очень большим количеством писем чисто делового характера, на которые приходилось ежедневно отвечать. Но одновременно я обнаружил, что я не могу писать письма моим друзьям. Привычка постоянно сдерживать себя и острота воспоминаний сделали для меня переписку почти невозможной. Ко всему этому прибавилась еще та своеобразная

---

⁴² Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) — лингвист, литературовед, фольклорист. Акад. АН СССР, член Датской, Британской, Саксонской и др. академий, почетный доктор Берлинского, Краковского, Оксфордского и др. университетов. Основоположник отечественного сравнительно-исторического литературоведения. В языкознании — основоположник отечественной германистики. Автор ряда работ по тюркологии. Основа языковедческой концепции Ж. — исторический подход к языковым явлениям, признание неразрывной связи истории языка с историей его носителей. Автор книг «Байрон и Пушкин», «Тюркский героический эпос» и др. Преподавал в ИмПГУ–ЛГУ в 1915–1971 гг., читал спецкурсы о Байроне, об английской поэзии XVIII в. Заведовал в разные годы кафедрами романо-германской филологии, истории западноевропейских литератур, немецкой филологии. (БРЭ; Милибанд, 2008; РГЭС; Филфак СПбГУ-Р).

обстановка, которая сложилась у нас здесь, которая существует и теперь. Должен сознаться, что последнее обстоятельство имеет для меня большое значение, так как я не переношу органически нечистой атмосферы: у нас на факультете всегда был чистый воздух. В этих условиях общение было для меня еще более затруднительно, ибо писать обо всем этом просто противно. Вот и причина моего молчания, дорогой мой. Создавшаяся обстановка характеризует и общий фон, на котором произошел мой уход из деканата, о котором ты тоже знаешь. В конечном счете я рад этому, потому что у меня больше теперь времени для научных занятий. Можешь мне поверить, что я отнесся ко всему очень спокойно и только с любопытством наблюдал и наблюдаю легкомыслие Гриши (Г. А. Гуковского. — Г. К.) и неизвестные мне раньше черты характера Матвеева (М. А. Гуковского. — Г. К.). Я вообще не собирался сидеть в деканате более трех лет, но, конечно, во время войны я этот вопрос не ставил бы. Окидывая взором прошлое, я ни в чем не могу себя упрекнуть и могу объективно сказать, что факультет находился в цветущем состоянии до войны и держался целиком на мне во время войны. Я не настолько наивен, чтобы ждать благодарности за все то, что мною было сделано, совершенно удовлетворен отношением ко мне моих товарищей по работе, а в особенности письмами студентов ко мне с фронта. Я не занимаюсь ни самоутешением, ни самооправданием. Лицо, которое заставило меня уйти, слишком хорошо известно своими качествами, чтобы я мог предъявлять какие-либо претензии или требования. Сейчас напряжение, бывшее у меня все время, начинает спадать, факультетские дела давно уже отошли, я сижу и работаю. Не могу не отметить, что работаю еще с января этого года и достаточно много. С удовольствием вижу, что семья наших востоковедов пополнилась еще одним ученым: В. М. Жирмунским! И я сидел здесь над грамматическими категориями в турецком языке. Меня интересовали местоимения, и кое-что, вероятно, удалось подметить. Все это было использовано в докладе, который я делал в конце августа. Меня все еще интересует категория видимого и невидимого в языке и мышлении, и на эту тему я сделал доклад. В этом аспекте для меня разъяснились и некоторые формы множественного числа и вообще понимание количества в различных языках. В частности, общетурецкое «лар» мне также хотелось бы объяснить, исходя отсюда. В нем, как ты, вероятно, знаешь, видят два элемента: (о)л + ар, где первый — указательное местоимение самое далекое, т. е. невидимое, а второй, в сущности, остается неизвестным. Если вспомнить образования «бура», «шура» и «ора», вышедших из бу + ара, шу + ара,

о + ара, где «ара» значит «место», то (о)лар можно предположить возникшим из ол + ара, дословно «далекое, невидимое место». Наши выражения «видимо-невидимо», «необозримый», «тьма тьмушая» помогают раскрыть такое образование мн[ожественного] ч[исла]. Здесь дело идет о зрительно-пространственном понимании множества, которое известно нам у первобытных народов. Можно раскрыть так: «предметов так много, что они занимают видимую часть поля зрения и переходят в невидимое пространство». Поскольку невидимая часть больше видимой, то она и становится по преимуществу выражением множества: наше «тьма» (по-моему, не из монгольско[го] *tòmen!*). Турецкое олара > (о)лар(а), где отпадают начальный и конечный гласные из-за суффиксального положения этого форманта. Мне известны и другие точки зрения на лар: 1) ол + а + р 2) о-лар 3) ула-р 4) ил-ер и 5) лар — целое слово с самостоятельным значением. Но все они, по моему, не могут удовлетворительно объяснить содержание и форму этого суффикса. Я проверил это на ряде других языков, в том числе и индоевропейских, и получил сходную картину. Мне любопытно будет узнать твое мнение, а также ташкентских туркологов (так в тексте. — *Г. К.*) по поводу этих гипотез! Я предложил тему о мн[ожественном] ч[исле] в качестве коллективной для лингвистов факультета на 1943 год, и она была принята. Я занимался еще рядом других тем в области грамматических категорий, но об этом в другой раз, если тебе будет интересно. Параллельно меня занимали вопросы генезиса метафоры и ритма, что тебя, вероятно, тоже интересует. Все это увлекает меня, лингвистическая среда у нас здесь есть, и мне научно нескучно. Судя по тому, что мне говорила Мария Лазаревна⁴³, ты много работаешь над узбекским эпосом и фольклором и пишешь книгу. Желаю тебе успеха в этом. Наш быт тебе известен, мы живем скромно и тихо: жена служит, Вова учится. Как всегда читаю языкознание на первом курсе и готовлюсь к спецкурсу по истории грамматических категорий для аспирантов-этнографов. Моих студентов-восточников здесь нет: двое⁴⁴ из них погибли, а третья на фронте в качестве переводчицы (И. М. Дунаевская. — *Г. К.*). За последнее время к нам никто не приезжал, и новых людей я не видел. Ив. Ив. Мещанинову я давал знать о себе и о некоторых своих желаниях, но ни разу от него ничего не имел. М. Л. передавала мне, что виделась с ним в Свердловске (совр. Екатеринбург. —

⁴³ Мария Лазаревна Тронская (Троцкая) (1896–1987) — д. филол. н., профессор. Преподавала в 1925–1976 гг. курсы лекций по истории западноевропейских литератур (Баренбаум, с. 172–173; Филфак СПбГУ-Р).

⁴⁴ Одна из них, возможно, Н. Овсянникова (письмо А. П. №11).

Г. К.) на сессии Академии наук⁴⁵. Напиши мне, пожалуйста, что ты знаешь о нем. Я буду ждать письма от тебя и обещаю аккуратно отвечать тебе. Напиши мне о себе и о наших общих ташкентских друзьях, что делаете в научном отношении, обо всем, что найдешь интересным сообщить мне. Приношу тебе и Т. Н.⁴⁶ мои самые лучшие пожелания и надежды на лучшее будущее в 1943 году. Сердечный привет тебе и Т. Н. от моих домашних. Крепко жму руку и обнимаю.

Твой А. Рифтин

Шор⁴⁷ и Шрайбер⁴⁸ шлют свой привет.

№ 16 ПИСЬМО П. К. КОКОВЦОВУ (СПФ АРАН, ф. 779, оп. 2, д. 351, л. 1)

Ленинград
27. III 1928 г.

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Спешу сообщить Вам, что божество встречается в нововавилонских именах собственных и имеет чтение ^{ilu}mâr bîti. Указания на тексты дают: Вг.⁴⁹ № 12473, Meissner S.A.I⁵⁰ № 2735

⁴⁵ Общее собрание Академии Наук СССР 3–8 мая 1942 г. в г. Свердловске (см. Список использованной литературы).

⁴⁶ Татьяна Николаевна Жирмунская (Яковлева), художница — первая жена В. М. Жирмунского. Их сын А. В. Жирмунский (1921–2002) — морской биолог, акад. РАН, организатор пяти биостанций на Дальнем Востоке и Дальневосточного морского заповедника, создатель Института биологии моря ДВНЦ, с 2005 г. носящего его имя. Участник ВОВ (Академик от моря; БРЭ).

⁴⁷ Владимир Ефимович Шор (1917–1971) — литературовед и переводчик, к. филол. н., доцент. В 15 лет потерял руку. Окончил филфак ЛГУ (1940). В Саратове написал диссертацию «Творчество братьев Гонкур» (1943), которая хранится в Научной библиотеке им. А. М. Горького СПбГУ. Автор ряда работ в области литературной критики и теории перевода. Переводил стихотворные произведения В. Гюго, Ш. Бодлера, Ж. Расина и др., романы В. Скотта, Жорж Санд и др. Заведовал кафедрой иностранных языков в Ленинградском горном институте, преподавал в ЛГПИ (КЛЭ; Писатели Ленинграда).

⁴⁸ Элеонора Лазаревна Шрайбер (1918–2004) — к. филол. н., доцент. Вела в 1935–1940, 1954–1978 гг. практические занятия по французскому языку. Один из первых исследователей творчества Жоржа Сименона. Член Союза писателей СССР (Филфак СПбГУ-Р).

«В трагические дни февраля 1945 г., когда не стало моего отца, а тело его оставалось еще дома, мы с мамой несколько ночей спали в квартире у Э. Л. Шрейбер (так в тексте. — Г. К.)...» (Приложение 6/1: Воспоминания В. А. Рифтина).

⁴⁹ Brünnow R. E. Classified list = A classified list of all simple and compound cuneiform ideographs occurring in the texts hitherto published, with their Assyro-Babylonian equivalents, phonetic values etc. Leiden, (1887–)1889. Indices zu meiner «Classified list» Leiden, 1897 (Borger).

⁵⁰ Meissner B. SAI (Seltene assyrische Ideogramme. AB 20). Leipzig, 1910 (Borger).

(приведено чтение), в особенности же К. Tallqvist: Neubabylonisches Namenbuch⁵¹.

Искренне преданный Вам А. Рифтин

**ПИСЬМА И. Ю. КРАЧКОВСКОМУ
(СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 775, л. 1-19)**

№ 17 (1) (л. 1, 2, 3 — письмо с конвертом)

л. 1, 2

*Саратов
15.XII 42.*

Дорогой и глубокоуважаемый Игнатий Юлианович!

Мне никогда не забыть того чувства, которое охватило меня 22-го февраля, в день нашего отъезда из города, когда у входа на факультет я вторично прощался с Верой Александровной⁵². Вы оставались, мы уезжали, будущее было очень темным. Уже по приезде в Саратов я имел сведения о Вас от Н. В. Юшманова и от других моих друзей. Потом пришли сведения о Вашем приезде в Москву, о санатории и о жизни в этом городе. Совсем недавно С. В. Колесник⁵³ сидел у меня

---

⁵¹ Tallqvist K. L. Neubabylonisches Namenbuch zu den Geschäftsurkunden aus der Zeit des Šamašsumukin* bis Xerxes. ASSF 32/II. Helsingfors, 1905 (Borger).

*Shamash-shuma-ukin (Mieroop, p. 313)

⁵² Вера Александровна Крачковская (Фармаковская) (1884–1974) — жена и соратник И. Ю. Крачковского. Специалист в области арабской эпиграфики, палеографии и мусульманского искусства, д. ист. н. Член Американского института персидского искусства и археологии. Работала в разные годы в ГЭ, ст. н. с. в ИИМК. В ЛГУ и АХ читала курсы по арабской эпиграфике, по истории материальной культуры и искусства арабов, по истории искусства Ирана, по истории искусства Ближнего Востока в средние века. Автор более 130 работ. Основала журнал «Эпиграфика Востока». Много сделала для увековечивания памяти И. Ю. Крачковского: проявила настойчивость в издании 6-томного собрания сочинений И. Ю. и его перевода Корана, завещала его библиотеку, включая собрание арабских и персидских рукописей, ГПБ (совр. РНБ), систематизировала архив И. Ю., написала воспоминания о нем (Беляев..., 1964; Долинина, с. 438–439; СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 7, д. 46 /Беляев: некролог и список работ В. А./).

Первым браком В. А. была замужем за В. В. Фармаковским (инженер-технолог, конструктор), родным братом чл.-корр. АН Б. В. Фармаковского (археолог, антиковед) и М. В. Фармаковского (художник, реставратор).

⁵³ Станислав Викентьевич Колесник (изредка — Колесник) (1901–1977) — физико-географ и гляциолог. Акад. АН СССР. Участвовал в горных экспедициях по Средней Азии (на Тянь-Шане и др.), исследовал о-ва Новой Земли. Основные труды посвящены теоретическим вопросам физической географии. В разные годы заведовал кафедрой физической географии ЛГУ, директор Института озероведения АН СССР, президент

и рассказывал о встрече с Вами. От С. А. Козина⁵⁴ и от С. В. Колесника Вы, по-видимому, достаточно подробно информированы о нашей саратовской жизни. Мне хочется прибавить еще несколько штрихов, чтобы картина была полнее. Со мной приехало сюда 80 студентов и около сорока преподавателей нашего факультета, с которыми и начались занятия с 1 апреля этого года. Это были интересные занятия людей, всего месяц тому назад покинувших город в блокаде. Но люди постепенно отошли, окрепли и занимались своим делом. В июле закончили занятия, август ушел на экзамены, факультет окончило около 30 студентов. Научно у нас было оживленно и интересно. Мы организовали общегородское объединение филологов, на заседания которого выносились наиболее интересные доклады. Мне представляется очень любопытным то обстоятельство, что огромное большинство наших научных работников еще в Ленинграде очень напряженно работали. Этот темп сохранился у большинства членов факультета и здесь. Мне лично выпала на долю возможность сделать три доклада, последний из которых был посвящен двадцатипятилетию советской лингвистики на юбилейной сессии, организованной факультетом.

Мы набрали несколько десятков студентов на первый курс и начали занятия первого октября. Естественно, что мы перемежаем академические дела с различного рода хозяйственными работами, что совершенно неизбежно в наше трудное время. Я не могу назвать наш быт особо трудным, в особенности после ленинградских условий, но он был бы легче, если бы его организацией занимались систематически и серьезно, чего, к сожалению, нет. Как Вы, вероятно, уже знаете, в учреждении создавалась очень своеобразная, мягко выражаясь, атмосфера, которая ни в малейшей степени не подходит ни к какому советскому учреждению вообще, а к нашему в особенности. После трехлетней работы в деканате, которая протекала на глазах у всех, при моем уходе из администрации мне было сказано, что я разваливаю факультет, создаю склоку и групповщину. Моя независимость и самостоятельность, умение служить, но не прислуживать-

---

Географического общества СССР, вице-президент Международного географического союза. Его именем назван ряд ледников (БРЭ).

⁵⁴ Сергей Андреевич Козин (1879–1956) — монголовед. Акад. АН СССР. Изучал быт, общественный и политический строй, культуру, языки монгольских народов. Автор научных переводов монг. версии эпоса «Гэсэр», героической поэмы калмыков «Джангар», монг. хроники 1240 г. (первый полный перевод с научными комментариями). Преподавал в ЛВИ и ЛГУ. В 1944–45 гг. декан востфака ЛГУ (БРЭ; Приложение 5/2).

ся в данной обстановке не пришлось ко двору. Это только один штрих и еще не очень выпуклый. Об остальном разрешите умолчать. Моим наследником явился Гр. Гуковский. По его просьбе я сохранил за собой руководство научной работой по лингвистической группе факультета. Научная работа, которой я занимаюсь, как уже упоминал выше, очень усиленно, и общение с целым рядом милых и интересных людей, собранных в одном общежитии, составляют отраду моей саратовской жизни.

Письма, которые я получаю, сообщают о жизни наших товарищей, разбросанных по всей стране. По моим приблизительным подсчетам, за все время войны наш факультет потерял около сорока преподавателей. Перед всеми нами будет стоять трудная задача собирания наших научных и преподавательских сил. Мне передавали, что Вы заняты сейчас именно этим. Если я, хотя бы в малейшей степени, могу быть Вам полезен в этой работе, то я сделаю все, что только в моих силах. Я все время вспоминаю А. Я. Борисова, с гибелью которого внутренне никак не могу примириться. Меня очень беспокоит судьба его рукописей, которые попали в Казань вместе с его вещами. Как мне сообщил Стратановский⁵⁵, ехавший вместе с ним, он сдал вещи А. Я. коменданту общежития работников АН, но не может припомнить его фамилии. Я писал туда, но ответа не получил. Мне хотелось просить Вашей помощи в этом деле, т[ак] к[ак] мне известно, что среди рукописей была законченная или почти законченная докторская диссертация А. Я. Мне известны почти все подробности его последнего путешествия и та личная трагедия, которую ему пришлось пережить в дороге, и многое другое, что стало ясным для меня уже после смерти.

Дорогой Игнатий Юлианович, если у Вас найдется время написать мне несколько слов о себе и Вере Александровне, о наших общих друзьях и о чем Вы найдете нужным, то это доставит мне большую радость. Я передаю вам и Вере Александровне мои самые лучшие пожелания и надежды на лучшее будущее в наступающем 1943 году.

Всегда любящий Вас и уважающий Вас А. Рифтин

Мой адрес: Саратов, ул. Кирова, д. № 18, комн. 418.

---

⁵⁵ Георгий Андреевич Стратановский (1901–1986) — к. ист. н., известный переводчик древнегреческих и новолатинских авторов. Соавтор М. Н. Ботвинника по книгам «Знаменитые греки», «Знаменитые римляне». Доцент кафедры классической филологии ЛГУ, преподавал древнегреческий и латинский языки. В 1938–1939 гг. был репрессирован. Провел год в блокадном Ленинграде (Зайцев..., 1988; Филфак СПбГУ-Р).

л. 3 лиц. (конверт)

Москва, Большая Калужская, д. № 13, кв. № 4
Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому
Отпр. А. Рифтин, Саратов, ул. Кирова, [д. №] 18, ком[н.] 418

л. 3 об. (конверт)

Штамп: Просмотрено военной цензурой Саратов

№ 18 (2) (л. 4 — почтовая карточка)

л. 4 лиц.

*Саратов
20.III 43*

Дорогой и высокоуважаемый Игнатий Юлианович!

Был очень обрадован Вашими письмами и прошу простить мне запоздалый ответ: готовился к докладу о мн[ожественном] числе в семито-хамитских языках. Хочется думать, что кое-что удастся прояснить в этом вопросе, кроме того, что сейчас для меня работа — единственная отрада. Атмосфера у нас по-прежнему продолжает оставаться душной, и я мечтаю вырваться отсюда, хотя, как Вы сами хорошо понимаете, это очень нелегкая задача.

За это время имел письма от И. И. Мещанинова и Жирмунского. По сведениям И. И., работа у них в ИЯМ'е идет хорошо, интересно и интенсивно. В. М. Ж[ирмунский] также много работает как над вопросами языка, так и литературы (узбекский эпос). Не могу пожаловаться и на нашу лингвистическую группу, где оживленно и интересно. Мне писал также и И. Н. Винников. В конце марта он собирается к своим арабам, задумав грамматический очерк. Сознаю, что я очень скучаю по дорогому для меня окружению моих товарищей-востоковедов, по нашей кафедре, которая не имеет сейчас возможности продолжить свою деятельность. Вы очень обрадовали меня сообщением о судьбе рукописей А. Я. Борисова. Сейчас я смогу ответить всем моим друзьям, которые о них беспокоились. И у нас наступает весна, хочется верить в лучшее будущее, в наше общее здоровье и будущую работу. Мой сердечный привет Вере Александровне. Не забывайте меня. Любящий А. Р.

л. 4 об.

Штамп: Просмотрено военной цензурой Саратов
Куда: Москва, Б. Калужская, [д. №] 13, кв. [№] 4

Кому: Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому
Адрес отправителя: Полевая почта №... Часть №... А. Рифтин,
Саратов, ул. Кирова, [д. №] 18, ком[н.] 418.

№ 19 (3) (л. 5, 6, 7 — письмо с конвертом)

л. 5, 6

Саратов
12.VII 43

Дорогой Игнатий Юлианович!

Я очень долго не отвечал Вам. Причина этого — одиночество. Я очень тоскую по нашей кафедре, которая могла бы отпраздновать весною этого года первые десять лет своего существования. Я очень хочу верить, что наши труды не пропадут, и после войны мы все опять соберемся, опять начнем вместе строить нашу науку. Но пока мне очень грустно. Факультет собирается возобновить прием на наше отделение, не понимая всех сложностей этого дела. В связи с этим я, может быть, вызову в Саратов Старкову⁵⁶, которая находится в Арзамасе и преподает в ср[едней] школе.

Все время уходит у меня либо на диссертацию, которая постепенно продвигается вперед, либо на огород. Ваш ученик в роли огородника делает кое-какие успехи, радуется всходам картофеля и надеется снять хотя и небольшой, но все же урожай. В итоге ощущаю очень большую усталость и не знаю, каким образом мне удастся ее

---

⁵⁶ Клавдия Борисовна Старкова (1915–2000) — семитолог (гебраист, арабист, кумрановед), д. филол. н. Автор книг: «Литературные памятники Кумранской общины», «Тексты Кумрана» (в соавторстве с А. М. Газовым-Гинзбергом и М. М. Елизаровой), «Воспоминания о прожитом», ст.: «Евреи Европы», «Евреи в России и СССР» (опубликованы в Приложении к «Воспоминаниям...»). Подготовила к изданию труды А. Я. Борисова. Многолетний сотрудник ЛО ИВ. В 1944–1949 гг. на кафедре ассириологии и гебраистики востфака ЛГУ вместе с И. Н. Винниковым преподавала древнееврейский язык и литературу (Беляев..., 1960, с. 107; Милибанд, 2008; Приложение 5/1; Старкова, 2002).

Анатолий Михайлович Газов-Гинзберг (1929–1995) — семитолог, гебраист, к. филол. н., н. с. ЛОИВ АН СССР. Автор монографии «Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней)» (АМ..., с. 583; Милибанд, 1975).

Мargarита Михайловна Елизарова (1938–1978) — к. ист. н., занималась историей иудейских общин в римскую эпоху, н. с. ЛОИВ АН СССР. Автор монографии «Община терапевтов (Из истории ессейского общественно-религиозного движения I в. н. э.)» (АМ..., с. 584; Милибанд, 2008).

Терапевты (от греч. «служить», «исцелять», в данном случае имеется в виду «исцелять душу») — иудейская община в Египте римского времени.

ликвидировать. С середины июля по середину августа придется работать на подсобном хозяйстве нашего учреждения. Начиная со времени блокады, я привык уже к физическому труду и хочу думать, что справлюсь и с этой задачей, хотя сердце пошаливает довольно основательно.

За это время имел письма от И. Н. Винникова и И. И. Мещанинова. И. Н. очень меня огорчил состоянием своего здоровья и изменениями в служебном положении. Сколько сил и энергии он отдал своему институту! Не знаете ли Вы, почему все это произошло? И. Н. мне жаловался на нехорошее отношение к нему. Все это имеет довольно дурной привкус, который, по-видимому, получает сейчас достаточно широкое распространение. От И. И. Мещанинова, который, по слухам, сейчас находится в Москве, я имел бодрое письмо, полное надежд на скорое возвращение домой. Он устал от чествований, но работает много: написал работу в 30 п. л.! Он сообщил мне, что коллектив ИЯМ работает плодотворно. По его сведениям, Н. В. Юшманов окончательно отошел и тоже включился в общий ритм их научной работы.

Обстановка у нас прежняя, и никаких перспектив на ближайший отрезок времени я не вижу. При полном равнодушии окружающих наш факультет развален окончательно. Организационная беспомощность и неумение руководить чем бы то ни было превосходят все мне известное. Мне бы очень хотелось вырваться отсюда, но я не знаю куда, да и трогаться с семьей, устраиваться на новом месте с нашим более чем скромным имуществом мне представляется сейчас затруднительным. Я писал И. И. Мещанинову о возможности работать в ИЯМ, но ответа от него не имею. Вероятно, прием новых сотрудников теперь не так прост. Таким образом, надо будет сидеть и ждать здесь, пока вся ситуация не изменится.

Я прошу принять мои самые лучшие пожелания и передать сердечный поклон Вере Александровне.

Всегда уважающий и любящий Вас А. Рифтин

л. 7 лиц. (конверт)

Москва, Б. Калужская, [д. №] 13, кв. [№] 4
Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому

л. 7 об. (конверт)

Штамп: Просмотрено военной цензурой
На об. конверта есть пометки, видимо, И. Ю. Крачковского.

№ 20 (4) (л. 8, 9, 10 — письмо с конвертом)

л. 8, 9

Саратов
10. XI 1943

Дорогой Игнатий Юлианович!

Вот уже месяц, как мы начали занятия. Осень прошла быстро, и мы стоим на пороге зимы. Если оставить в стороне выборы в АН⁵⁷, которые занимали наш коллектив, то важнейшими событиями будут: пересмотр устава у[ниверсите]та и реорганизация нашего ф[акульте]та. Мне хочется сообщить Вам о последней. Начальство стремится восстановить старый устав. Поскольку ранее существовал восточный ф[акульте]т (см. Приложение 5/2. — Г. К.), то необходимо восстановить и его. Так как известно, что есть недвусмысленное решение совета ф[акульте]та, которое не совпадает с желанием начальства (оно состоялось в Л[енингра]де незадолго до войны, как Вы, вероятно, хорошо помните), то этот вопрос не ставится на здешнем совете, а передается в особую комиссию. В нее вошли: историки, экономисты и востоковеды (Штейн⁵⁸, Козин и я). Уже состав этой комиссии показывает Вам, что имеется в виду создать организацию, которая бы готовила «комплексного специалиста». Единственным человеком который резко выступил против всего этого, был Ваш покорный слуга. Когда на заседании комиссии уж очень явственно пронеслись максимилиановские ароматы⁵⁹, то С. А. К[озин] (который сначала стоял за восточный, потом, поговорив со мной, перешел на мою сторону, а на заседании комиссии вдруг опять стал рьяно защищать восточный) робко заметил, что хорошо было бы, прежде чем выносить решение, спросить мнения наших ведущих востоковедов. Ответом послужило заявление, что в таком вопросе можно обойтись и без мнения востоковедов... Комиссия

⁵⁷ Общее собрание Академии Наук СССР 25–30 сент. 1943 г. (см. Список использованной литературы).

⁵⁸ Виктор Мориче/ович Штейн (1890–1964) — Китаист, историк, экономист. Занимался экономикой древнего и современного Китая. Был финансовым советником рев. гоминдановского правительства (Китай, 1925–1927). В разные годы — зав. кафедры экономики и истории стран Востока ЛВИ, проф. ЛГУ (в 1946–1949 гг. декан востфака), зав. кабинетом Дальнего Востока ЛОИВ / ЛОИНА (1956–1962). В 1922–1955 гг. неоднократно подвергался репрессиям, в последний раз по «Ленинградскому делу» (АМ..., с. 593; БРЭ; Люди и судьбы...; Милибанд, 2008).

⁵⁹ Имеется в виду, что большинству членов комиссии новый восточный факультет виделся весьма похожим на ЛВИ, который до слияния его с МВИ (он же МИВ), располагался в Максимилиановском переулке, ныне пер. Пирогова (Долинина, с. 422, примеч. 35).

всеми голосами против одного вынесла решение: организовать восточный факультет. Для составления необходимых документов выбрали опять комиссию, в которую включили и меня. Я ограничился тем, что указал, какие кафедры следует считать «восточными», и никакого участия больше не принимал.

Таким образом, все, что мы делали последние десять лет, создавая объединение филологий, летит в пропасть «рассудку вопреки, наперекор стихиям»⁶⁰. Но на этом творческая мысль реформаторов не остановилась. Тот обрубок, который останется после выделения восточных кафедр, тоже подвергнется трансформациям. Решено особой комиссией, а не советом ф[акультета], раздробить романо-германскую филологию на несколько кафедр. Карликовый факультет будет иметь и карликовые кафедры, на которых после войны, при обеднении людьми, жизнь едва будет теплиться. Таковы перспективы, если все это будет проведено в жизнь. Мне кажется, что все же без мнения востоковедов и западников нельзя обойтись. Так как устав должен будет проходить московские инстанции, в частности ВКВШ, где сейчас работает Золотухин⁶¹, то, может быть, следовало бы обратить внимание серьезных людей на то, что вся эта «организационная» деятельность может нанести непоправимый ущерб нашему образованию и нашей науке. Мне хотелось бы сообщить это И. И. Мещанинову, но, к сожалению, я не знаю, где он теперь находится. Ходили слухи, что он перебрался в Москву. Если он видится с Вами, то был бы Вам очень благодарен, если бы Вы рассказали ему о наших делах. Было бы очень хорошо, если бы основные члены нашего ф[акультета], находящиеся в Москве, сказали свое веское слово по этому поводу. В остальном наша жизнь протекает без изменений: уделяем достаточно много времени быту, который заметно улучшился, внимательно следим и радуемся нашим военным успехам. Надежда на близкое возвращение все возрастает, а вместе с ней все сильнее желание увидеть и встретиться с дорогими и близкими людьми. Я надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии, как и Вера Александровна, и шлю мои самые лучшие пожелания.

Всегда Ваш А. Рифтин

---

⁶⁰ А. П. цитирует Чацкого (А. С. Грибоедов. Горе от ума. Дейст. 3, явл. 22).

⁶¹ Сохранилась краткая характеристика А. П., подписанная в январе 1938 г. П. Золотухиным, и. о. директора I ЛГПИИЯ. В октябре 1939 г. директором ЛГУ был назначен П. В. Золотухин (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 47; 275 лет СПбГУ, с. 322).

л. 10 лиц. (конверт)

Москва, Б. Калужская, д. № 13, кв. № 4

Академику И. Ю. Крачковскому

Отпр. А. Рифтин, Саратов, ул. Кирова, [д. №] 18, к[омн.] 418

л. 10 об. (конверт)

Штамп: Просмотрено военной цензурой

№ 21 (5) (л. 11, 12, 13 — письмо с конвертом)

л. 11, 12

31. XII 43

Саратов

Дорогой Игнатий Юлианович!

Сегодня последний день сорок третьего года. И я хочу передать Вам и Вере Александровне мои поздравления к Новому году и большое желание увидеться и работать вместе с Вами <в> нашем городе. Верится, что этот час не так уж далек. Верится также, что то, что пришлось пережить за все это время, будет стерто новыми, надеюсь, более благоприятными событиями. Уходящий год я могу помянуть добром только в одном отношении: я довольно много думал и работал. Мне кажется, что я стою на пороге некоторых результатов, которые будут полезны при исследовании фактов истории языка и сознания. У меня появилась уверенность, что можно найти и сформулировать объективные критерии развития языка и сознания, на основе которых можно построить общую теорию развития в аспекте стадиальности. Стадиальность — страшное слово, очень затасканное у нас, к сожалению, лишенное конкретного содержания. Сознаю, что, докладывая восемь лет тому назад у нас на кафедре об отрицании и утверждении, я не знал, что я вступаю в область, для разработки которой одной научной жизни мало. Я стараюсь проверить себя, как могу. Я организовал и участвую совместно с В. Я. Проппом в аспирантском семинаре для этнографов. Задумал я его так, что комплексно рассматриваются: социальная организация, верования, мифы и фольклор, язык и мышление. На последнем заседании В. Я. Пропп сказал мне, что в результате совместной работы удалось разрешить в самом существенном такое сложное явление, как «медвежий праздник»⁶². Здесь

---

⁶² Медвежий праздник — комплекс представлений и обрядов, связанных с медведем. Встречается у народов таежной зоны Евразии. Элементы М. п. известны у индейцев Северной Америки (БРЭ).

подтвердились мои общие построения на материале фольклора. Другую проверку я произвожу на лингвистическом материале в группе, работающей над мн[ожественным] числом. Сейчас работа уже закончена, составляется сборник. Мои наблюдения относительно происхождения ряда суффиксов мн[ожественного] ч[исла] из указательных местоимений и причины такого возникновения, как я думаю, можно считать подтвержденными на фактах мн[ожественного] ч[исла] из самых различных языковых систем. В этом разрезе, может быть, найдут себе объяснение и образования типа *sanaqāt* и *sanaḥāt*, в которых мне хочется видеть указат[ельные] местоимения *wa* и *ha*, соединяющиеся с показателями ж[енского] р[ода]. В новом году мы взяли коллективную тему, посвященную модальности.

Все эти работы составляли единственную опору моего бытия, если не считать того, что я стал почти «специалистом» по военным вопросам, выступая с обзорами и политинформацией на факультете. Я вынужден объективно констатировать — как Вы знаете, я никогда не был мнительным и подозрительным человеком, — что подвергаюсь преследованию в нашем заведении. Мне все время помогала моя выдержка. Но вот почти новогодний подарок. Несколько дней тому назад я случайно увидел свое личное дело. Представьте мое удивление, когда на первой странице я прочел приказ ВКВШ от 17.III 43 за № 855-к за подписью Королева⁶³, согласно которому я освобожден от заведования нашей кафедрой в связи с переходом на другую работу. А приказом от 5.VI⁶⁴ на меня возложено и. о. зав. кафедрой общего языкознания. Все это сделано было без моего ведома и согласия, более того, мне никто ничего не сказал о моем освобождении. Почему-то ВКВШ, вопреки своему обычаю, также не поставил меня в известность. Что все это было сделано по инициативе нашего учреждения, в этом нет никаких сомнений. Всем известно, что я всегда принимал участие в работах кафедры общего языкознания, заботился о ней и здесь, читая курсы, и т. д. Но зачем же надо было переводить меня с основной кафедры на побочную? Если у меня не было нагрузки по моей кафедре, то она была по другой. Это только один из случаев, об остальных позвольте мне умолчать. Сейчас у меня есть основания предполагать, что меня постараются перевести в какой-либо педвуз для заведования каф[едрой] общего

⁶³ Приказ за подписью зам. председателя ВКВШ М. Королева. В перечне, кому рассылать приказ, нет А. П. (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 1).

⁶⁴ В перечне рассылки этого приказа есть А. П. (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 4).

языкознания, обставив это как помощь оккупированным и ныне освобожденным районам и т. п. Во всяком случае у меня недавно потребовали опять документы, утаив, зачем все это нужно.

Как видите, я очень мешаю, имея самостоятельное лицо и известную твердость характера. Но вы знаете также, дорогой Игнатий Юлианович, что я по своей природе оптимист, что я люблю свое дело и постараюсь отстоять его, что в Москве мне помогут в случае нужды. И я вступаю в новый год, правда, немного усталый, но полный веры в лучшее будущее, в которое входит и возвращение, и работа на нашей кафедре. Я еще раз желаю Вам всего самого лучшего и приношу свои поздравления.

Всегда Ваш А. Рифтин

л. 13 лиц. (конверт)

Москва, Б. Калужская, [д. №] 13, кв. [№] 4
Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому
Отпр. А. Рифтин, Саратов, ул. Кирова, [д. №] 18, ком[н.] 418

л. 13 об. (конверт)

Штамп: Просмотрено военной цензурой

№ 22 (6) (л. 14, 15, 16 — письмо с конвертом)

л. 14, 15 (отмечено: пол[учено] 5.V)

*Саратов
27.IV 44*

Дорогой Игнатий Юлианович!

Я очень давно не писал Вам, ибо прошедшие месяцы были очень суматошливыми. В начале этого года я оформлял свои статьи, собрал и отредактировал лингвистический сборник нашего факультета, который отправлен в Ленинград для печати. Не успел я закончить эту работу, как пришлось готовить доклад для юбилейной сессии, который я озаглавил так: «Основные принципы построения теории стадий в языке». Мне хотелось обобщить и сформулировать все то, над чем я работал и думал почти семь лет. Сессия не состоялась, а было юбилейное торжество в том стиле, который нам теперь присущ. Известные Вам документы в силу своей объективности получили единодушную оценку. Должен сообщить Вам, что Ваше имя постоянно фигурировало в связи с этим. Одновременно мы получили презент в виде восточного факультета. Специально упоминалось, что Иван Иванович (Мещанинов. — Г. К.) сыграл большую роль

в этом деле. Я надеюсь, что при встрече я поговорю с ним достаточно обстоятельно по этому поводу. На особом заседании, где было сообщено постановление, Сергей Андреевич (Козин. — Г. К.) получил публичное предложение заняться организацией нового факультета. После этого С. А. просил меня принять участие в работах тройки под его председательством. Я сообщил ему, что в тройку я не хочу входить, ибо моя точка зрения известна, но консультировать филологические вопросы я буду. Как Вы хорошо представляете себе, я не испытываю никаких восторгов при мысли, что мне надо будет играть роль кормилицы при мертворожденном младенце. Мой отказ поставил «тройку» в несколько затруднительное положение. Поэтому за меня взялось начальство. Мне было сказано, что «надо перестать играть в принципиальность, т[ак] к[ак] решение состоялось», «так как я назначил С. А., то ему надо помочь» и т. д. Я ответил, что по языковой линии я помогу, а ввязываться в это трудное предприятие, да еще в Саратове, я не нахожу возможным. В итоге меня включили по приказу в оргтройку, которая и приступила к работе. Тотчас же обнаружились две позиции: личная и деловая. Первую занял и проводит С. А., вторая поддерживается мною. Как мне известно, Вы на практике убедились в том, во что все выливается, когда исходят только из «лиц». Я представил в тройку проект структуры факультета по отделениям, циклам, кафедрам. Мое предложение было в основном принято без поправок, кроме двух отделений, на которых я настаивал и настаиваю. Я имею в виду этнографическое и северное. На этнографическом я, по-видимому, настоял, что же касается северного, то С. А. и В. М. Ш[тейн] решительно его отвергают. В качестве аргументов выступают: 1) раньше не было, 2) зачем нам связываться и т. п. Наше семито-хамитское отделение мне пришлось разбить на три: 1) арабское, 2) хамитское (египет[ский] и африканские языки), 3) ассириологии и гебраистики, куда войдет и сирология.

Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение по этому проекту. На принятии этого проекта деятельность тройки, в общем, приостановилась, если не считать того, что С. А. ведет усиленную переписку, рассылая предложения различного рода. Старик очень огорчается тем, что эта эпистолярная деятельность еще не дала тех результатов, которые ему хотелось бы получить. Положение с факультетом стало затруднительным, когда выяснилось, что ИВАН не едет в этом году. Как мы выйдем из этого положения, мне еще неясно. Полный туман представляет собой и проблема декана. По-

следняя идея С. А. — предложить этот пост нашему начальству! Виктор Морицович еще не пришел в себя после такого предложения... С. А. хотел навязать мне составление пятилетних планов всех двенадцати отделений. Мне пришлось решительно отклонить это, т[ак] к[ак] я не считаю возможным делать работу зав. кафедр, кроме того, не чувствую себя компетентным в ряде областей истории, экономики и т. д. Таким образом, все еще на бумаге, а многое, и очень важное, и на бумаге не существует. Все это очень грустно. Я постараюсь и впредь держаться как можно дальше от всяких организационных дел и функций. Сейчас мы начинаем готовиться к периоду, который произойдет в начале июня. Первые три факультета должны уехать в начале мая. Таким образом, через два с небольшим года мы вернемся домой. Сведения о моей квартире меня очень огорчили: она начисто разграблена. Вероятно, что погибли мои картотеки и часть библиотеки. Я подготовил себя к тому, что в ряде областей клинописи мне нельзя будет работать, если собранные мною за двадцать лет материалы погибли. Впрочем, это будет видно в Ленинграде. Когда Вы собираетесь в Ленинград? Думаете ли Вы переехать летом этого года, или Вам предстоит провести еще год в Москве? В протоколах АН я прочел, что организована Московская группа востоковедов. Признаться, я не совсем представляю себе эту организацию после Вашего отъезда в Ленинград. Кто из востоковедов будет работать в Москве постоянно? Мне передавали, что под Вашим руководством эта группа работает очень интересно. Мне очень интересно будет узнать, как находящиеся в Москве востоковеды отнеслись к нашему восточному факультету. Я надеюсь, дорогой Игнатий Юлианович, что мое письмо застанет Вас в добром здравии и позволит передать Вам и Вере Александровне мои самые лучшие пожелания. Буду очень рад получить Ваше письмо еще в Саратове.

Всегда Ваш А. Рифтин

л. 16 лиц. (конверт)

Москва, Б. Калужская, [д. №] 13, кв. [№] 4
Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому
Отпр. А. Рифтин, Саратов, ул. Кирова, [д. №] 18, ко[мн.] 418

л. 16 об. (конверт)

Штамп: Просмотрено военной цензурой

№ 23 (7) (л. 17, 18, 19 — письмо с конвертом)

л. 17, 18

Ленинград
5.VII 44

Дорогой Игнатий Юлианович!

Наступил, наконец, тот момент, когда я имею возможность написать Вам уже из Ленинграда. Восемнадцатого июня наш эшелон выехал из Саратова и благополучно прибыл 24-го в Ленинград. Все дни после нашего приезда ушли на оформление прописки, карточек и т. п. Сейчас это все уже заканчивается, и завтра, вероятно, я получу уже общегражданские и литерные карточки. Моя квартира цела, но весьма основательно опустошена: мы с женой напоминаем молодоженов, которым надо строить новый дом. К счастью, уцелела полностью моя библиотека и картотека, значительная часть которой была выброшена на пол. Мы постепенно приводим все в порядок, не пугаясь того, что работы впереди еще очень и очень много. Любопытно, что нет никакой жалости, вернее сожаления об утраченных вещах. Ленинград произвел на меня впечатление тяжелобольного, который медленно поправляется. На улицах мало знакомых лиц, кажется, будто переменялось все население города. Со слов Козина и Штейна я знаю, что Ваша квартира цела и нуждается в незначительных доделках. Я надеюсь, что в самом ближайшем будущем мы увидим Вас и В. А. в родном Ленинграде.

Я могу сообщить Вам, что сконструирован временный деканат востфака. И. о. декана — С. А. Козин, и. о. зам. декана — В. И. Цинциус. Не могу не сознаться Вам, что я приложил максимум энергии для того, чтобы устранился от всякой административной работы на факультете. Это не значит, что я не помогу там, где это нужно будет. Я вошел в приемную комиссию от востфака и взял на себя составление типового пятилетнего плана факультета, но сделаю все это без того, чтобы быть в составе администрации факультета. Как член приемной комиссии должен сказать, что заявлений на наш факультет почти нет. Мне еще неизвестно, что имеется в саратовской приемной комиссии, но особых надежд на нее я тоже не возлагаю. Насколько я себе представляю, старших курсов на арабском отделении не будет. Таким образом, надо предполагать, что реально будет существовать только один первый курс. В этом случае вполне достаточно будет В. И. Беляева и Старковой, которых мы будем вызывать из Ташкента в самое ближайшее время, чтобы к началу занятий (1-го октября)

они имели возможность наладить свой быт. Чураков⁶⁵ в Ленинграде, я уже говорил с ним и получил его согласие. Сложнее обстоит дело с Н. В. Ю[шмановым]. Дело не в нем, а в его жене, как Вы знаете. Козин должен будет позаботиться об этом, и я надеюсь, что он этого добьется. Мне думается, что с преподавательским составом на первый год у Вас на кафедре все будет благополучно, а там видно будет.

Хочу верить и надеюсь, что мое письмо застанет Вас в добром здравии, что Вы хорошо отдохнете и наберете сил, что наша встреча в Ленинграде совсем, совсем близка. Сердечный привет В. А.

Всегда Ваш А. Рифтин

л. 19 лиц. (конверт)

Москва, Б. Калужская, д. № 13, кв. № 4
Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому
Отпр. А. Рифтин, Ленинград, ул. Гоголя 12/9, кв. 23

л. 19 об. (конверт)

Штамп: Просмотрено военной цензурой

**№ 24 (8) Письмо И. Ю. Крачковскому
(помета: пол[учено] 3.VI 1944, СПФ АРАН,
ф. 1026, оп. 2, д. 243, л. 51)**

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович!

С чувством живейшего удовлетворения извещаю Вас, что по приказу ректора Ленинградского государственного ордена Ленина университета Вы назначены членом ученого совета и заведующим кафедрой арабской филологии восточного факультета с 1 сентября с. г. с полным окладом.

В связи с этим позволяю себе просить Вас сообщить состав членов Вашей кафедры с указанием фамилий, имен, отчеств и адресов, чтобы факультет мог вызвать их в Ленинград.

Все сведения следует направить по адресу: г. Ленинград, ул. Восстания, д. № 47, кв. № 6, проф. В. М. Штейну. Первое заседание ученого совета факультета состоится предположительно в середине июля с. г. в Ленинграде.

Член оргтройки востфака А. Рифтин

---

⁶⁵М. В. Чураков — арабист. Изучал историю Северной Африки в новое время (АМ..., с. 291; Крачковский, 1958, с. 179).

ПИСЬМА И. И. МЕЩАНИНОВУ
(СПФ АРАН, ф. 969, оп. 1, д. 504, л. 1, 3, 4, 5)

**№ 25 (1) (л. 1 — письмо-треугольник
с адресом на оборотной стороне)**

л. 1 лиц.

*Саратов
25.IX 42.*

Дорогой Иван Иванович!

Мои письма, по-видимому, к тебе не приходят. А ведь уже скоро год, как мы не виделись друг с другом. Я не должен писать тебе о том, что случилось за то время: тебе, вероятно, все хорошо уже известно. Я бы очень хотел работать у тебя в институте, так как для востоковедных дел здесь нет никакой библиотеки, никаких студентов. Если это возможно, то телеграфируй мне и вызови меня. Мой адрес: Саратов, ул. Кирова 18, б[ывшая] гостиница «Россия», ком[н.] 418. Крепко целую тебя и обнимаю от своего имени и от С. К. (жены. — Г. К.), и Вовы (сына. — Г. К.).

Твой А. Рифтин

л. 1 об.

Алма-Ата, Государственный университет, филологический факультет, Академику Ивану Иванович Мещанинову.

Сбоку приписка: декан Мамедов.

№ 26 (2) (л. 3, 4)

12.VII 43

Дорогой Иван Иванович!

Твое письмо пришло тогда, когда я совсем уже потерял надежду получить ответ. Я очень был рад за тебя, прочтя в газетах и услышав по радио о премировании тебя самой почетной премией в нашей стране. Из твоего письма я узнал, что эту радость выразили многие лица и организации, и еще более возрадовался: я всегда чувствовал себя принадлежащим к тому коллективу лингвистов, к которому относишь себя и ты. Еще раз поздравляю тебя от всей души! Не менее ты порадовал меня и тем, что написал в эти трудные для нас дни работу в 30 п. л. о частях речи. Так как эта проблема меня очень интересует, то мне хотелось бы получить от тебя подробное письмо с изложением плана книги и основных положений и идей. Хотя я на

основании последних твоих работ и могу представить себе, как шла твоя мысль, но ты привык дарить нас неожиданностями научного порядка, поэтому было бы любопытно узнать от тебя самого, как ты это все задумал и реализовал, как связались члены предложения по стадиям с частями речи, ибо не сомневаюсь, что все это выросло у тебя из синтаксиса на определенной ступени развития предложения и истории его членов. Не так ли? С нетерпением жду ответа на эту тему. Могу сообщить тебе, что и я не теряю времени даром: пишу диссертацию, хотя еще не знаю, когда я ее кончу. Ты спрашиваешь меня, что происходит в нашем заведении. Оно развалено и разложено. В частности, наш факультет находится в очень плачевном состоянии: таким я его никогда не видел и, надеюсь, больше никогда не увижу после окончания войны. Балухатый — третий декан за этот учебный год⁶⁶. В делах он мало что знает и понимает и относится совершенно формально: он не пошел по доброй воле и собственному желанию, а по принуждению. Я его уважаю как порядочного человека, но в административных ролях он совершенно беспомощен. У всех образовалось равнодушно-апатичное отношение, никого ничто не удивляет. Люди привыкли к тому, что на факультете все плохо, ничего не ладится, все идет шиворот-навыворот. Ответственность за все это несет непосредственное начальство, которому никакие законы не писаны. Это следует понимать буквально, а не метафорически! Мы живем в атмосфере такого «блата» и разложения, что моментами нет сил дышать. Вот почему я спрашивал тебя о возможности работы в ИЯМ. Ты, надеюсь, понимаешь, что мне уходить после стольких лет работы, и какой работы, не очень легко и приятно, но очень уж тошно бывает в нашем миленьком заведении. Твое молчание в ответ на мой вопрос я могу понять только в одном смысле: у тебя такой возможности в данный момент нет. Если я ошибаюсь, то сообщи мне об этом.

Верочка (? — Г. К.), по-видимому, должна будет уехать из нашего заведения и уйти из аспирантуры, т[ак] к[ак] она не совсем поладила с Балухатым и Гуковским. Я считаю, что они слишком поторопились уволить ее, т[ак] к[ак] она не без способностей к литературоведению. Но в нашей обстановке, где происходят и более удивительные вещи, все это возможно. Ну, вот, кажется, и все. Желаю тебе здоровья и скорой встречи с нами.

Всегда твой А. Рифтин

С. К. и Вова кланяются.

---

⁶⁶ После А. П. и Г. А. Гуковского (письмо А. П. № 12).

Дорогой Иван Иванович!

Получил только что телеграмму с предложением срочно прислать свое заявление. Посылаю его вместе с этим письмом. Я не должен много говорить, чтобы передать те чувства, которые меня охватили при одной мысли, что я не должен буду целиком зависеть от ун[иверсите]та, а смогу работать в ИЯМ'е с людьми, которых я давно и хорошо знаю. При нашей встрече в Ленинграде, которая не за горами, я надеюсь все это изложить тебе устно. Благодаря тебя за это, я хочу сообщить предварительно некоторые сведения о себе, которые могут тебе понадобиться. Родился в Харькове в 1900 г. С 1907 г. живу постоянно в Ленинграде. Гимназию окончил в 1917 г. с золотой медалью. До 1920 г. работал в Петрокоммуне и «Скорой помощи». С 1920 — в ЛГУ, который окончил по двум факультетам: <в>1923 и 1925 г. С 1925 по 1928 аспирантура в ЛГУ–ИЛЯЗВ. Работал в ун[иверсите]те и аспирантуре у Марра, Коковцова, Шилейко, Крачковского, Мещанинова, специализируясь по ассириологии и общему языкознанию. С 1928 по 1937 н. с. ИРК–ЛНИЯ, с 1930–32 ИЯМ, с 1930 — в ЛГУ, где <в> 1933 организовал и ведаю кафедрой семитохамитской филологии, ныне ассириологии и гебраистики, руководя всеми курсами по ассириологии. <С> 1934 г. веду в ЛГУ курс Введения в языковедение, читая этот курс и в других ВУЗ'ах Ленинграда.

Организационная работа (главное): зав. кафедрой в ЛГУ, зав. кафедрой до 1942 в Ин[ститу]те иностранных языков, пом[ощник] декана по научной части филфака ЛГУ (1937–1938), декан филфака ЛГУ (1939–1942).

Работы: 14 печатных, 2 в печати, 5 в рукописи. Пишу докторскую на тему: Отрицание в аккадском языке в свете модальных отношений. (Четверть работы уже написал в Саратове и здесь, в Ленинграде).

Вот, кажется, и все. Жду тебя с нетерпением. Крепко жму руку и обнимаю.

Всегда твой А. Рифтин

**№ 28 (4) Телеграмма Мещанинову
(СПФ АРАН, ф. 969, оп. 1, д. 171, л. 120)⁶⁷**

10/XII 43 г. (дата написана от руки. — Г. К.)

= Москва Большая Калужская 14 Президиум Академии Академику Мещанинову = Саратова = Горячо поздравляю учителя

⁶⁷ Поздравление в связи с 60-летием со дня рождения, 30-летием научной деятельности и получением ордена Ленина.

друга шлю лучшие пожелания надеюсь скорую встречу = Рифтин

**№ 29 (5) Телеграмма Мещанинову
(СПФ АРАН, ф. 969, оп. 1, д. 172, л. 49)⁶⁸**

Алма-Ата Кирова 89 = Саратова = Академику Мещанинову = Сердечно поздравляем и целуем Рифтины Адуся (так в тексте. — Г. К.)

Слева написано от руки «отвечено».

**№ 30 (6) Телеграмма Мещанинову
(СПФ АРАН, ф. 969, оп. 1, д. 173, л. 154)⁶⁹**

Ленинграда — Москва Волхонка 18 Академику Мещанинову —
От всей души поздравляем — Рифтины
5 08

**№ 31 ПИСЬМО К. Б. СТАРКОВОЙ
(Архив востостокоедов ИВР РАН, ф. 158)**

*Саратов
22.1.44*

Дорогая Тата!

Не сетуйте на меня за мое молчание: такова обстановка и таково настроение. Ваше решение я одобряю, потому что у меня нет уверенности за дальнейшую судьбу нашей кафедры, равно как мне неясно мое участие в ее работах. Так складываются обстоятельства, о которых писать нет желания.

В этих условиях Ваша работа в ИВАН'е — единственный и самый лучший выход. Вы остались одна по Вашей специальности, и Вам необходимо приложить все силы, чтобы ее укрепить и продолжить. Мне очень грустно, что я практически ничего не могу сейчас сделать в этом направлении. Я только вижу и знаю, что я хорошо сделал, что не вызвал Вас сюда. Сейчас, как Вы понимаете, все горит желанием как можно скорее вернуться в Ленинград. По-видимому, это произойдет весной. Но для этого еще ничего не сделано ни у нас, ни в городе. Пока мы заканчиваем первый семестр и готовимся к 125-летию юбилею⁷⁰, который хотят проводить в Саратове!

⁶⁸ Поздравление в связи с присуждением Государственной премии за 1942 г.

⁶⁹ Поздравление в связи с присвоением звания Героя Социалистического Труда (видимо, уже только от жены и сына А. П., т. к. А. П. умер 6.03.1945 г., а на московском штампе дата 13. 8. 45).

⁷⁰ Речь идет о юбилее ЛГУ (ср. Приложение 4/3: Предварительные замечания).

Вашему молодому будущему ученому скажите, что надо ждать условий приема к нам, когда мы вернемся в город. Пока я ничего сказать не могу, т[ак] к[ак] не представляю себе, что там будет в этом отношении.

У меня наладилась регулярная переписка только с И. Ю. Крачковским и И. И. Мещаниновым. От Н. В. Юшманова я не имел ни одного письма, хотя писал ему и поздравил его с избранием в члены-кор[респонденты] АН. Сейчас в Саратов приехал Липин⁷¹, который будет работать на истфаке и поедет с нами в Ленинград.

От Ники⁷² я получил недавно телеграмму и собираюсь ему ответить. Ну, вот, кажется, и все о других. О себе могу сообщить, что на мне висит много всяких организационных и общественных дел: ко мне липнет всякая работа. Научно я успел кое-что сделать: сдал в печать две статьи, готовлю доклад для юбилейной сессии. Немного написал для докторской, но все это идет медленно.

Передайте привет маме и Вале⁷³ и не забывайте меня.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Рифтин

№ 32 Опубликовано письмо В. К. Андреевой-Шилейко⁷⁴ (послано из Ленинграда 21.XI.1930 г., см.: Владимир Шилейко: Последняя любовь..., с. 285).

⁷¹ Лев Александрович Липин (1908–1970) — ученик А. П. Рифтина, многолетний преподаватель аккадского и шумерского языков на востфаке ЛГУ. Автор книг, которые были начальными учебными пособиями нескольких поколений отечественных ассириологов: «Аккадский язык» (из серии «Языки народов Азии и Африки», основанной проф. Г. П. Сердюченко); «Аккадский (ассиро-вавилонский) язык». Вып. I. «Хрестоматия с таблицами знаков». Вып. II. «Словарь» (Милибанд, 2008).

⁷² По-видимому, имеется в виду Николай Петрович (в Воспоминаниях Ника) Ерехович (1913–1945, сын генерала П. А. Ереховича, коменданта Аничкова дворца, одного из императорских дворцов в Петербурге, крестник Николая II и императрицы Марии Федоровны, учился в одной группе с И. М. Дьяконовым) — египтолог, семитолог, ассириолог. Уже в студенческие годы сдал в печать две крупные статьи, посвященные проблемам земледелия и скотоводства на Древнем Востоке, получившие высокую оценку академиков В. В. Струве и Н. И. Вавилова. В 1938 г. был арестован и отправлен на Колыму, в 50-градусные морозы, сопровождая лендлизировские (т. е. поставляемые из США) танки, обморозил легкие и там же вскоре после окончания срока ссылки умер от туберкулеза (Люди и судьбы...).

⁷³ Валентина Федоровна Подтягина, арабистка, жена брата К. Б. (Старкова, 2006, с. 205).

⁷⁴ Вера Константиновна Андреева-Шилейко (1888–1974) — вторая жена В. К. Шилейко, кандидат искусствоведения. Она закончила Московские высшие женские курсы, работала до 1949 г. в ГМИИ на должности ученого сотрудника-специалиста, в 1950-е гг. стала доцентом на кафедре истории искусства Московского городского педагогического института. Много и успешно занималась итальянским искусством. Написала доктор-

Приложение 1

СВЕДЕНИЯ О ГИМНАЗИИ И. Г. ЭЙЗЕНБЕТА, В КОТОРОЙ УЧИЛСЯ А. П. РИФТИН

1 сентября 1906 г. было открыто Еврейское частное мужское училище I класса И. Г. Эйзенбета с курсом гимназии. В мае 1907 г. училище было преобразовано в частную еврейскую гимназию И. Г. Эйзенбета. Она предназначалась для лиц иудейского вероисповедания и имела права правительственных гимназий для учащихся. С 1910/11 учебного года гимназия занимала третий этаж здания по адресу Театральная площадь 18¹. Здание было угловым, его второй фасад выходил на Крюков канал. Заведующий гимназией Илья Гилариевич Эйзенбет, иудейского вероисповедания, окончил в 1900 г. с дипломом I степени историко-филологический факультет Императорского Московского университета, был кандидатом филологических наук (Весь Петербург, 1908, III отд., с. 870; Лойцянский, с. 23; Хаеш, 1993, с. 45–48; ЦГИА СПб. Путеводитель..., с. 60–61; ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 11046, л. 10).

А. П. учился в гимназии И. Г. Эйзенбета с 1909 по 1917 г. Л. Г. Лойцянский², одноклассник и друг А. П., оставил воспоминания о гимназии той поры:

скую диссертацию о влиянии древнекитайской живописи на живопись раннего Возрождения, но не защитила из-за резко ухудшившихся отношений между СССР и Китаем (Владимир Шилейко: Последняя любовь..., с. 7, 18, 20, 295).

¹ На этом доме висит доска: «Здесь в январе 1820 года на квартире декабриста Федора Николаевича Глинки состоялось совещание руководителей Союза Благоденствия, на котором впервые в истории русского освободительного движения было принято решение бороться за установление республики». В настоящее время в здании располагается дирекция Марининского театра.

² Лев Герасимович (Гершонович) Лойцянский (1900–1991) — профессор Ленинградского политехнического института (ныне Санкт-Петербургский технический университет), член Международной академии астронавтики, автор многих учебников и монографий в области теоретической механики, механики жидкости и газа (Лойцянский, оборот титульного листа; Хаеш, 1995).

«Конкретной причиной своего интереса к науке в те ранние годы я по праву считаю пребывание в течение девяти лет (восемь — в основных и один год — в подготовительном классе) в частной гимназии. Она отличалась от специализированных реальных и коммерческих училищ широтой гуманитарного воспитания и вместе с тем высоким уровнем преподавания физико-математических и естественнонаучных предметов...

Остановлюсь, хотя бы вкратце, на описании этого, поистине фундаментального этапа моего становления как специалиста. Приведу лишь далеко не полный список предметов, обозначенных тогдашними терминами в «аттестате зрелости»...

Вот этот список: Закон Божий³, к которому мы относились так же, как учащиеся 80-х годов (XX в. — Г. К.) к «идеологическим» предметам; русский язык с церковно-славянским и «словесностью», под которой понималась история русской (включая древнерусскую и церковно-славянскую) литературы; философская пропедевтика (психология и логика); законоведение (краткий очерк исторических кодексов права); латинский язык и древнеримская литература; математика (элементарная и теоретическая арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия); физика; физическая и экономическая география; история (древняя, средняя, новая и отдельно русская⁴); природоведение; немецкий и французский языки и литература на этих языках...

Преподавание русского языка оживлялось выделением истории литературы от древней Руси до петровских времен. Подробно разбирались литературный и исторический аспекты «Слова о полку Игореве», отдельные отрывки которого я до сих пор помню дословно. Читали мы поучения Феофана Прокоповича⁵, а особенно запомнилась его вдохновенная речь на смерть Петра. Я до сих пор помню наизусть отдельные отрывки замечательных сатир Антиоха Кантемира⁶

³ Более точное название — «Закон еврейской веры» (Хаеш, 1993, с. 46).

⁴ Возможно, в том или ином виде преподавалась и история еврейского народа. В официальных документах такого предмета нет, но в списке учебников С.-Петербургской еврейской гимназии И. Г. Эйзенбета значится: Дубнов С. М. «Учебник еврейской истории» (Хаеш, 1993, с. 47; ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 11758, л. 9–10).

⁵ Феофан Прокопович (1681–1736) — церковный и общественный деятель, украинский и русский писатель, архиепископ. Окончил Киевско-Могилевский коллегиум. Сподвижник Петра I: помощник в деле управления церковью (уничтожение патриаршества, учреждение Синода), поборник идеи неограниченной самодержавной власти, утверждал правомерность суда над царевичем Алексеем (БСЭ-3).

⁶ Антиох Дмитриевич Кантемир (1708/9–1744) — российский государственный деятель, дипломат, поэт-сатирик, переводчик. Сын Д. Н. Кантемира, молдавского господаря; светлейший князь. Странник реформ Петра I, был дружен с Ф. Прокоповичем (БРЭ; БСЭ-3).

“На хулителей наук”. Знаменитый “Недоросль” Фонвизина мы не только читали на уроках “в лицах”, но и ставили на гимназической сцене силами учеников.

Исключительное внимание уделялось, естественно, творчеству А. С. Пушкина. Подробно разбирались “Евгений Онегин” и “Медный всадник”, сопровождавшиеся заданиями классных и домашних сочинений. Заучивались наиболее замечательные стихотворения, отрывки, монологи из “Бориса Годунова”. Мы глубоко изучали поэмы и стихи М. Ю. Лермонтова. “Вечера на хуторе близ Диканьки”, “Нос” и повести “Шинель”, “Женитьба”, “Тарас Бульба” Н. В. Гоголя сыграли большую роль в нашем духовном развитии. Сцены из “Горя то ума” А. С. Грибоедова мы также разыгрывали на уроках “в лицах” и представляли в спектаклях.

Большую роль в пробуждении в нас политических мыслей сыграли полные глубокого публицистического содержания поэмы Н. А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”, “Русские женщины”, статьи В. Г. Белинского, Д. И. Писарева и особенно Н. А. Добролюбова “Что такое обломовщина”, “Темное царство”, “Луч света в темном царстве”, “Когда же придет настоящий день?”.

Мы подробно разбирали содержание романов, углублялись в описание образов героев Н. И. Тургенева (так в тексте, но явно имеется в виду И. С. Тургенев. — *Г. К.*) и И. А. Гончарова в своих домашних сочинениях. Эти сочинения служили проверкой нашего умения разбираться в переживаниях и поступках типичных для той эпохи людей — Лаврецкого, Базарова, Рудина, Обломова, Инсарова и др. Особенно важным было овладение литературной речью, не говоря уж о грамотности.

Преподавание истории велось не по каким-то специально адаптированным для средней школы учебникам, а по фундаментальным сочинениям Кареева⁷, Платонова⁸ и других, книгам “Восток

---

⁷ Николай Иванович Кареев (1850–1931) — историк нового времени, чл.-корр. Росс. АН, с 1929 г. почетный член АН СССР. Занимался историей Франции конца XVIII в. и историей Польши. Автор трехтомного труда «Историки Французской революции» и др. книг. Проф. Варшавского и Петербургского университетов, в последнем читал курс «История Западной Европы в новое время». Был членом к.-д. и 1-й Государственной думы (СИЭ).

⁸ Сергей Федорович Платонов (1860–1933) — историк, акад. АН СССР. В центре его научного внимания события 2-й пол. 16 — нач. 17 в. в России (времена «смуты»). Был председателем комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина, директором Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) и Библиотеки АН СССР. По политическим взглядам остался монархистом. Был арестован, сослан в Самару, где и умер (СИЭ).

и мифы”⁹, “Римские древности”¹⁰, многочисленным литературным источником. Мы читали “Фараона” Б. Пруса¹¹ о жизни Древнего Египта, “Камо грядеши” Г. Сенкевича¹², создавшего яркий образ дохристианского Рима. Замечательные повести Вальтера Скотта “Айвенго”, “Робин Гуд” и другие раскрывали перед нами образы средневековья. Тому же способствовали драма Г. Лессинга¹³ “Натан Мудрый” и замечательная трилогия Д. С. Мережковского “Христос и Антихрист” о начале христианской эры (Юлиан Отступник¹⁴), об эпохе Возрождения (Леонардо да Винчи) и о русском Возрождении (Петр Первый). Повести И. И. Лажечникова “Бусурман” и “Ледяной дом” рассказывали о царствовании Иоанна III, Анны Иоанновны и Бирона. Повесть А. К. Толстого “Князь Серебряный” переносила нас в жестокое царствование Ивана Грозного. Наш глубокий интерес к истории питался не только содержанием уроков и чтением литературы, но и экскурсиями в Эрмитаж по залам античной культуры первого этажа и высокого искусства живописи и скульптуры более поздних эпох на втором и третьем этажах.

К филологическому циклу предметов относилось прекрасно поставленное в гимназии преподавание двух “живых” иностранных языков — французского и немецкого, и одного “мертвого” — латинского¹⁵...

Преподавание языков было совсем не похоже на профанацию преподавания последующих лет. Мы изучали таких французских класси-

---

⁹ Возможно, имеется в виду: Восток и мифы. Издание восьмое с рисунками. Пг., 1916. (Составил К. А. Иванов, директор Императорской Николаевской Царскосельской гимназии. Издание I — 1903 г., II — 1904, VI — 1912, VII — 1914.)

¹⁰ Возможно, имеется в виду: Г. Зоргенфрей и К. Тюлелиев. Римские древности. Пособие для гимназий и самообразования. С рисунками, картами и планами. Второе, исправленное издание. СПб.; М., 1913.

¹¹ Болеслав Прус (1847–1912) — польский писатель, участник польского восстания 1863–1864 гг. Ценил русскую литературу, особенно Л. Н. Толстого (КЛЭ).

¹² Генрик Сенкевич (1846–1916) — польский писатель, автор романов «Потоп», «Пан Володыёвский» и др. За роман «Камо грядеши» удостоен Нобелевской премии (КЛЭ).

¹³ Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781) — немецкий писатель, просветитель (КЛЭ).

¹⁴ Флавий Клавдий Юлиан Отступник (Flavius Claudius Julianus Apostata, 331–363) — римский император (361–363). Став императором, открыто объявил себя сторонником языческой религии, издал два эдикта против христиан, восстановил языческие храмы. Автор ряда сочинений против христиан. После его смерти антихристианские эдикты были отменены и прекращены гонения на христиан (БСЭ-3).

¹⁵ Преподавался и древнееврейский язык, называемый также «библейским», а в гимназических ведомостях успеваемости он назывался просто «еврейским» (Хаеш, 1993, с. 46; ЦГИА СПб, ф. 129, оп. 1, д. 1, л. 7; д. 2, л. 12).

ков, как Альфонс Доде с его замечательными “Письмами с мельницы” и “Необычайными приключениями Тартарена из Тараскона”, Виктор Гюго с романтическими повестями, Мопассан с рассказами и др. Такие образцы немецкого стихосложения, как поэмы И. Шиллера¹⁶, “Песни о Нибелунгах” с героической фигурой Зигфрида — любимца богов, его возлюбленной златокудрой Брунгильдой, ее соперницей Кримгильдой и предателя Хагенда навсегда остались в моей памяти.

Вспоминаю, как в конце 60-х годов, находясь по приглашению крупного немецкого коммерсанта на его вилле под Мюнхеном, я, несколько вдохновленный ужином с большим числом напитков, вздумал читать по-немецки по памяти одну из баллад Шиллера. Мне это удалось, но в одном месте я запнулся, и никто из присутствовавших на ужине немцев не смог мне помочь. Хозяин виллы послал сына за томиком Шиллера из своей обширной библиотеки. Сын вернулся и, к всеобщему смущению, сообщил, что Шиллера в библиотеке не оказалось.

Особо отмечу латинский язык, поразивший меня своей величием и развитой грамматикой. Никаких трудностей в произношении не было, так как никто не знал, каково было это произношение в древней Италии. До сих пор так и неизвестно, как надо произносить: Цезарь или Кесарь, Цицерон или Кикерон¹⁷. Мы свободно разбирались в грамматических формах, но главное место в преподавании уделялось переводу и построчному грамматическому разбору великих творений Овидия Назона, Вергилия, Цицерона, Тита Ливия¹⁸, Юлия Цезаря, Горация. Эти знания способствовали повышению общей культуры и, кроме того, несомненно помогали усвоению “живого” французского, немецкого, а в дальнейшем английского и итальянского языков...

В последнем классе преподавалась философская пропедевтика, состоявшая из психологии с логикой и законоведения. Осуществлялось преподавание логики и психологии талантливым педагогом,

---

¹⁶ Иоганн Кристоф Фридрих Шиллер (1759–1808).

¹⁷ Лат. «с» произносилось в древности как русское *к*: *dicere* [дикэрэ] ‘говорить’. Однако, в позднейшее время «с» стали произносить как русское *ц* перед *e*, *i*, *u* и перед дифтонгами *ae*, *oe*. Например, *Cicero* — в классический период читалось ‘Кикеро’, в позднейшее время — ‘Цицero’ (Зайцев..., 1966, с. 58).

¹⁸ Тит Ливий (Titus Livius, 59 до н. э. — 17 н. э.) — автор прославленного труда «Римская история от основания города» (период с древнейших времен до 9 г. до н. э.), объемом в 142 книги, из которых сохранилось 35 книг. Этот труд признается как ценный источник по социальной и политической истории и религии древнейшего и республиканского Рима и одновременно как высокохудожественное произведение (БРЭ).

высококультурным человеком Е. Я. Голантом, после революции ставшим профессором педагогики Института имени Герцена. Из курса психологии особенно большое впечатление на меня произвел закон Вебера–Фехнера о количественной связи между раздражением и вызываемым им ощущением. Если раздражения увеличивать в геометрической прогрессии, то ощущения будут возрастать только в арифметической прогрессии. Много иллюстраций этого закона, утверждающего спасительные тенденции мозга, наблюдал я в своей жизни. Логика, как наука о способах доказательства и опровержения, тесно переплеталась у нас с учением о постулатах в геометрии, чем меня особенно привлекала.

Наш преподаватель законовещения был помощником присяжного поверенного, т. е. молодым адвокатом, работавшим под руководством известного “цивилиста”¹⁹ и общественного деятеля М. М. Винавера²⁰. Мы часто видели своего учителя во фраке, возвращавшегося или направляющегося в суд. Это очень впечатляло. Наряду с основами римского права и с “кодексом Наполеона” наибольшее внимание уделялось, конечно, основным принципам российского законодательства. Уважение к “закону” было в нас крепко отработано...

Многие выпускники нашей гимназии оставили свой след в истории. Так, мой одноклассник и друг Александр Рифтин стал крупным ассириологом, деканом восточного факультета Ленинградского государственного университета²¹...

В 1913 году царское правительство отпраздновало трехсотлетие дома Романовых. Торжественные собрания по этому поводу носили чисто официальный характер. Никакого ликования ни в народе, ни в либеральной части общества по этому поводу не было.

Когда я учился в старших классах гимназии, началась первая мировая война. Мы жили летом 1914 г. на даче в Териоках (теперь Зеленогорск). Я шел за газетой по Андреевской улице в вокзальный киоск, навстречу мне ехал велосипедист и кричал: “Война!” К вечеру уже шла мобилизация, и на митинге, собравшемся в курортном

¹⁹ Юрист — специалист по гражданскому праву.

²⁰ Максим Моисеевич Винавер (1863–1926) — политический и общественный деятель, юрист, мемуарист. Член ЦК к.-д., учредитель Союза для достижения полноправия еврейского народа в России, министр внешних сношений в Крымском краевом правительстве (1918–1919); с 1920 г. жил в Париже, преподавал в Институте славяноведения, участвовал в ряде эмигрантских изданий (БРЭ).

²¹ А. П. сыграл важную роль в создании восточного факультета ЛГУ, но его деканом не был. В 1939–1942 гг. он был деканом филологического факультета (Автобиография А. П.; Приложение 5/2).

парке, какой-то интеллигент в очках “воодушевлял” толпы мобилизованных. Запомнились мне его слова: “Солдаты, вы идете не умирать, вы идете побеждать!” Толпа пела “Прости, Господи, люди твоя”, но никакого восторга не выражала.

К осени на Варшавском вокзале образовался эвакуопункт, который принимал раненых, прибывавших в санитарных поездах, и переправлял их в городские лазареты. Мы, добровольцы, в основном студенты и гимназисты, ухаживали за ранеными, переписывали их фамилии, кормили и поили, писали письма родным, выносили их из вагонов на носилках, а потом вносили в специально приспособленные трамвайные вагоны. Я долго выполнял эти дежурства, к которым меня привлек мой старший брат. Вскоре пошел на фронт мой двоюродный, а вслед за ним и родной брат.

В гимназии было объявлено всеобщее воинское обучение (Всевобуч) и выполнялось оно самым действенным образом на специальных уроках, посвященных усвоению воинских уставов и обучению разбору и чистке винтовки. Строевые занятия с ружьями проводились нами в городском манеже. К нам был приставлен специальный военный руководитель — бравый офицер в чине, кажется, штабс-капитана, по фамилии Очеретько, веселый и добродушный украинец, который на первом же занятии очень нас к себе расположил, сообщив, что его фамилия не имеет ничего общего с “редькой”, а происходит от украинского слова “очереть”²², означающего “тростник”. Военные упражнения удачно дополнили наши физкультурные занятия и, главное, значительно облегчили мне дальнейшее прохождение военной службы...

Хочу отметить, что меня окружал в гимназии узкий круг моих ближайших друзей, которые упорно учились, имея всегда перед глазами мечту “выйти в люди”, стать инженерами, врачами, юристами, быть может, даже учителями гимназии; все эти профессии в то время были окружены большим почетом. Моя безграничная любовь к гимназии моей юности покоится на глубоком убеждении, что там я получил запас знаний, необходимых в жизни, там я выработал навыки к умственному труду и самостоятельному творческому мышлению.

В мае 1917 года я получил “Золотой” аттестат зрелости, удостоверявший, что Л. Г. Лойцянский окончил полный восьмиклассный курс с отличными успехами в науках, в особенности же математических. Золотую медаль по обстоятельствам революционного времени уже не выдавали. Помню лишь, что абитуриент мог обменять

---

²² Укр. «очерет» означает «камыш».

эту медаль на полную студенческую экипировку: двубортную куртку и брюки из очень стойкого на износ сукна.

Передо мной открылись все пути и, прежде всего, возможность продолжать свое образование. Я был хорошо подготовлен для поступления в высшую школу и мог выбирать будущую специальность. Минуло мне тогда шестнадцать лет» (Лойцянский, с. 17–24).

Сохранился аттестат зрелости А. П. Вот выдержка из него: «Дан сей аттестат сыну купца Александру Пейсаховичу Рифтину иудейского вероисповедания, родившемуся в Харькове 12-го ноября 1900 года, в том, что он, вступив в Петроградскую гимназию И. Г. Эйзенбета 20-го августа 1909 года, при отличном поведении, обучался по 1-ое мая 1917 года и окончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружил нижеследующие познания: в Законе Божием, русском языке с церковнославянским и словесности, философской пропедевтике, законоведении, латинском языке, математике, физике, математической географии²³, истории, географии и природоведении, немецком языке, французском языке — отметки 5 (пять). Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках в особенности же в латинском и новых языках²⁴ педагогический совет постановил наградить его золотой медалью и выдать ему аттестат, предоставляющий все права, обозначенные в §§ 130–132 устава гимназий и прогимназий 30-го июля 1871 года» (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 6).

В гимназии широко практиковались внеклассные занятия: экскурсии в Ботанический и Зоологический сады, в различные музеи, например в Сельскохозяйственный, располагавшийся в Соляном городке (Фонтанка, 10), Зоологический, Этнографический, Горный и др. Преподаватели водили учащихся в театры. Был исторический кружок, на котором разбирались рефераты учеников, написанные на заданную тему. Существовал гимназический хор. Был кружок мандолинистов и духовой оркестр. Для желающих давались платные уроки рояля и скрипки. В гимназии занимались гимнастикой, ручным трудом (лепка из глины, обучение приемам изготовления гравюр и др.). В хорошую погоду устраивались прогулки в Лесное, Стрельну, Удельнинский парк. (Хаш, 1993, с. 47–49).

---

²³ Математическая география — раздел географии, излагающий сведения о движении Земли как планеты, о ее форме и величине, о способах исчисления времени. В настоящее время предмет «математическая география» рассматривается в рамках астрономии и других наук (КГЭ).

²⁴ По-видимому, имеются в виду русский, немецкий и французский языки.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ А. П. РИФТИНА¹

1. Опубликованные работы

Монография

Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР (М.; Л., 1937, 175 с., LXXXIX табл.):

«Работа проф. А. П. Рифтина продолжает публикацию клинописных памятников наших собраний, начатую М. В. Никольским и В. К. Шилейко. Книга состоит из публикации 147 текстов в автографии, транскрипции и (за исключением б) в переводе, с подстрочным филологическим и библиографическим, отчасти юридическим комментарием. Книге предпослано краткое юридическое введение. Перед каждым текстом даются его дата и краткое изложение содержания, перед каждым разделом — краткое введение, разбирающее построение данной категории памятников... Обработка текстов обнаруживает выдающуюся филологическую эрудицию автора, прекрасное знание памятников старовавилонской эпохи. Комментарии вводят читателя в тонкости библиографии вопроса» (Дьяконов, 1940, с. 238).

---

¹ В основу списка положен аннотированный список работ А. П., составленный П. Н. Берковым (см.: Берков П. Н.). После указания названия работы А. П. приводятся аннотации П. Н. Беркова и Н. М. Постовской (см.: Постовская), а также замечания других авторов.

Павел Наумович Берков (1896–1969) — литературовед, чл.-кор. АН СССР, чл.-кор. Германской АН. Область научных интересов: русская литература XVIII–XX вв., литература народов СССР, проблемы взаимосвязей русской и зарубежной литератур, книговедение, библиография, история библиофильства, текстология. Автор монографий о Сумарокове, Капнисте, Куприне, по истории журналистики, «Русские книголюбы» и др. Преподавал в ЛГУ в 1934–1969 гг. (БРЭ; Филфак СПбГУ-Р).

Наталья Михайловна Постовская (1917–1997) — египтолог, к. ист. н., многолетний редактор, секретарь, затем ответственный секретарь ВДИ (Милибанд, 2008; Н. М. Постовская).

«Публикация и интерпретация 147 юридических и административных документов из собраний ЛОИИ, Гос[ударственного] Эрмитажа и Московского музея изобразительных искусств; автография 146 клинописных документов» (Берков П. Н., с. 13).

«“Старовавилонские документы в собраниях СССР” представляют собой необходимое продолжение и дополнение к известной работе М. Шорра². Здесь Рифтин проявил себя не только как блестящий филолог... но и как историк и, прежде всего, как историк права, который сумел дать юридическую интерпретацию и оценку собранным документам, а также определить значение, которое они имеют для характеристики социально-экономической системы старовавилонского общества»³ (Klíma. S. 450–451).

«Публикуемые тексты были сгруппированы автором по историко-юридическому принципу (усыновление, раздел имущества, займы, купля-продажа, наем свободных и рабов, аренда, дарение). Публикация Рифтина получила высокую оценку; она является одним из тех основных изданий, без которых не может обойтись теперь ни один ассириолог, занимающийся данным периодом» (Постовская, с. 140).

Статьи

1. Система шумерских числительных // Языковедные проблемы по числительным. I. Сборник статей. Л., 1927, с. 177–190. Издан отдельный оттиск.

«Семантика шумерских числительных в свете нового учения о языке» (Берков П. Н., с. 12).

Работа «посвящена системе шумерских числительных (таблица знаков, происхождение и образование слов для обозначения числительных)» (Постовская, с. 59).

2. Die altsumerische Wirtschaftstexte (mit 1 Tafel) // Сборник египтологического кружка при Ленинградском государственном уни-

---

² Schorr M. Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts. VAB 5. Leipzig, 1913.

³ «...denn seine Altbabylonische Dokumente in den Sammlungen der Sowjet-Union bilden eine unentbehrliche Fortsetzung und Ergänzung des berühmten Werkes von M. Schorr (UAR). Rifting hat sich dadurch nicht nur als ein glänzender Philologe vorgestellt..., sondern auch als ein Historiker und vor allem als Rechtshistoriker erwiesen, der die juristische Interpretation und Würdigung der gesamten Dokumente sowie auch die Aufstellung von daraus sich ergebenden Konsequenzen für die Beurteilung der sozial-ökonomischen Struktur der altbabylonischen Gesellschaft zu finden mußte».

Вместо UAR, видимо, обычно используется сокращение UAZP (Borger).

верситете. Л., 1929. 1, с. 15–17 и 1 табл. Издан отдельный оттиск⁴.

«146 поправок к публикации М. В. Никольского; автография трех таблеток из собрания Музея палеографии АН СССР⁵ (ныне ЛОИИ)» (Берков П. Н., с. 12).

«Преемником В. К. Шилейко в изучении языков и публикации источников по древнему Двуречью стал его ученик, занимавшийся и под руководством П. К. Коковцова, лингвист и ассириолог А. П. Рифтин. С самого начала своей научной деятельности А. П. Рифтин показал себя безукоризненно тщательным филологом. В одной из первых своих статей (*Die altsumerische Wirtschaftstexte*) он опубликовал в автографии и транскрипции три таблетки из собрания Музея палеографии Академии наук СССР, содержащих документы хозяйственной отчетности времени Лугальанды и Урукагины, не попавшие в издание М. В. Никольского, а также дал уточнения к многим таблеткам данного издания (дан перечень. — Г. К.)» (Постовская, с. 59).

3. *Über einige altbabylonische Kaufurkunden (mit 1 Tafel)* // Сборник египтологического кружка при Ленинградском государственном университете. Л., 1930. 4, с. 26–30 и 1 табл. Издан отдельный оттиск.

«О формуле 4 торговых документов; автография и перевод таблетки № 1562 Московского музея изящных искусств» (Берков П. Н., с. 12).

В одной из своих работ П. Кошакер⁶ поместил небольшую рецензию на эту статью. При повторной публикации таблички № 1562 ГМИИ А. П. учел мнение Кошакера (Рифтин А. П., с. 53–55).

4. В. К. Шилейко. 2(14)/II 1891 — 5/X 1930 (некролог). Список работ проф. В. К. Шилейко // Сборник египтологического кружка

---

⁴ Документы, изданные А. П., легли в основу исследования В. В. Струве «Значение шумерийского документа, изданного А. П. Рифтиным, для изучения эпохи правителей Лагаша — Лугальанды и Урукагины» (Струве, 1960).

Лугальанда — правитель шумерского города-государства Лагаш, предшественник Уруинимгины (Грауе, р. 241–243).

Уруинимгина / Урукагина (ок. 2400 до н. э.) — правитель шумерского города-государства Лагаш (Миегоор, р. 41).

⁵ Содержал коллекции Н. П. Лихачева, в том числе клинописную (Приложение 6/2: Дьяконов).

⁶ Пауль Кошакер (Paul Koschaker, 1879–1951) — историк права. Начинал с изучения истории римского права, затем перешел к изучению истории права в других регионах древности, в частности, в тех, где были распространены клинописные системы письма, например, провел текстологическое исследование Законов вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) (Ries).

при Ленинградском государственном университете. Л., 1930. 6, с. 1–4. Издан отдельный оттиск.

5. Шилейко Владимир Казимирович // Сообщения ГАИМК. Январь 1931. 1, с. 30.

6. Шумерский язык // БСЭ. М., 1933. Т. 62, стб. 754–756.

«Историческая, морфологическая и синтаксическая характеристика шумерского языка» (Берков П. Н., с. 12).

7. Из вавилонского права // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сборник статей. Л., 1934, с. 437–442.

«Старовавилонские документы из области уголовного права. Публикация и интерпретация документа из собрания ИКДП (ныне ЛОИИ) АН СССР» (Берков П. Н., с. 12).

«А. П. Рифтин опубликовал протокол процесса о краже раба из Ларсы от 29 года Римсина»⁷ (Постовская, с. 84).

8. Старовавилонский договор об аренде из Сиппара // Академия наук СССР — XLV — Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935, с. 757–760.

«Автография, транскрипция, перевод и комментарий табл[етки] № Гол. 5220 Московского музея изобразительных искусств» (Берков П. Н., с. 12).

9. Хетто-каппадокийские языки // БСЭ. М., 1935. Т. 59, стб. 510–511.

«Сжатая характеристика языков хеттского, лувийского, хаттского, хурритского (субарийского), палайского и арийского» (Берков П. Н., с. 12).

10. К происхождению вавилонского частно-правового акта // Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей. М.; Л., 1937, с. 3–10.

«Анализ форм вавилонских купчих; гипотеза об их происхождении из храмовой отчетности» (Берков П. Н., с. 12).

11. Процесс о свадебном подарке времени Samsuiluna из Sippar'a // Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей. М.; Л., 1937, с. 11–18.

«Публикация и интерпретация клинописного документа из собрания ИКДП (ныне ЛОИИ) АН СССР» (Берков П. Н., с. 13).

12. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке (предварительное сообщение) // СЯ. Л., 1937. Т. III, с. 59–67.

---

⁷ В статье А. П. Рим-Син (с. 441), в совр. транскрипции Rim-Sin (Mieroop, p. 304); в русской передаче принято: Рим-Син (Бикерман, с. 182).

«О развитии сложного предложения в аккадском языке а) аналогично индоевропейским языкам и б) через именную конструкцию» (Берков П. Н., с. 13).

«В 1937 и 1941 г. были опубликованы две статьи А. П. Рифтина (данная статья и статья № 16 настоящего списка. — Г. К.), рассматривающие вопрос о subjunctiv'e в аккадском языке. Написанные одновременно, они неразрывно связаны друг с другом. Исходя из наблюдений [фон] Зодена, который доказал, что в аккадском был падеж на "u" со значением локатива, и А. Унгнада, который определил придаточное предложение со сказуемым в форме на "u" как именную конструкцию, А. П. Рифтин пришел к следующим выводам: 1) сложное предложение в аккадском (и в большинстве других языков) возникает либо из сочинения двух простых предложений, либо внутри простого предложения через оборот с отглагольным именем (второй путь особенно ярко прослеживается также в шумерском языке); 2) в аккадском языке оборот с отглагольным именем в локативном падеже на "u" замещается придаточным предложением со спрягаемой формой глагола, субстантивизированной путем сохранения локативного показателя "-u", восходящего к именной форме; отсюда возникает так называемый субъюнктив, который не является самостоятельным наклонением, а представляет собой, собственно, особую форму изъявительного наклонения, но употребляемую для предиката придаточных предложений; 3) аналогичной, первоначально субстантивизированной, формой изъявительного наклонения является также так называемый вентив (терминатив, энергикус) с окончанием -a(m), восходящим к первоначально локативному (выражающему предел движения), а затем аккузативному показателю -a(m). Исходя из этих выводов, автор затем анализирует также арабский глагол» (Постовская, с. 146–147).

13. Восточные кафедры филфака // Ленинградский университет. 1938. 12 мая, с. 12.

14. Происхождение наречия // 120 лет Ленинградского государственного университета. Научная сессия, посвященная 120-летней годовщине со дня основания университета (1819–1939). 16–20 апреля 1939 года. Тезисы докладов. Л., 1939, с. 122–123.

15. Об образовании наречий // Ученые записки ЛГУ. Л., 1940. № 60. Серия филологических наук. Вып. 6. Доклады по филологии, посвященные 120-летней годовщине Ленинградского государственного университета (1819–1939), с. 51–56.

«Гипотеза об образовании наречий из имен существительных или иных субстантивизированных слов путем перехода из дополнения в обстоятельство» (Берков П. Н., с. 13).

16. К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 13–23 октября 1937 г. М.; Л., 1941, с. 127–132.

«Исследование образования и развития некоторых наклонений в пределах аккадского и арабского языков; установление единства развития наклонений в этих языках» (Берков П. Н., с. 13).

«Крупный лингвист и ассириолог, ученик Н. Я. Марра и П. К. Ковцова, в своих работах со всей основательностью привлекал арабские материалы и осветил ряд темных фактов арабской грамматики» (Крачковский, 1958, с. 171).

17. Филологический факультет // Отчет о деятельности Ленинградского государственного университета за 1940 год. Научно-исследовательская работа. Л., 1941, с. 149–150.

18. Кафедра семито-хамитской филологии // Там же, с. 159–160.

19. Основные принципы построения теории стадий в языке // Научная сессия, посвященная 125-летию Ленинградского университета. Тезисы докладов. Саратов, 1944, с. 304 (ср. письма А. П. № 13, 22 и статью А. П. № 23).

20. Академик Н. Я. Марр (К 10-летию со дня смерти) // Ленинградская правда. 1944. 20 декабря, с. 4.

«Сокращенный текст доклада на юбилейной сессии памяти Н. Я. Марра, устроенной ИЯМ'ом и ЛГУ» (Берков П. Н., с. 13).

21. Год назад // Ленинградский университет. 1945. 27 января, с. 2.

«Воспоминание о слушании в Саратове в январе 1944 г. радиопередачи о снятии блокады с Ленинграда» (Берков П. Н., с. 13).

22. К категории наклонения в аккадском языке // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1945. № 2, с. 28.

«Анализ взаимоотношений вида и наклонений в аккадском языке как отражения зрительно-пространственного восприятия мира» (Берков П. Н., с. 13).

«В середине 40-х годов вышел в свет ряд его статей (в том числе несколько опубликованных посмертно), которые лишь в незначительной степени отражают достигнутые автором результаты в анализе структуры различных древних языков Передней Азии» (Постовская, с. 202).

23. Основные принципы построения теории стадий в языке // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. Л., 1946, с. 19–29.

24. Из истории множественного числа // Ученые записки ЛГУ. Л., 1946. № 69. Серия филологических наук. Вып. 10, с. 37–53 (ср. письма А. П. № 12, 21).

«Посмертно опубликованная работа А. П. Рифтина посвящена развитию категории множественного числа имени существительного, которое автор прослеживает на материале шумерского, семитских и хамитских языков. В интересующем нас аспекте древних языков Передней Азии А. П. Рифтин пришел к следующим заключениям. В шумерском языке автор констатирует наличие различных форм множественного числа для класса существительных вещей (включающего и рабов) и для класса существительных людей (а также богов); для второго из них автор объясняет формы множественного числа с суффиксом *-ene*, как происходящие от местоимения **ne* (“тот далекий”), формы с суффиксом *-(m)eš*, как происходящие от *eš* (“три, много”), и формы с удвоением, как первоначально свойственные всем именам; для первого класса — класса вещей — А. П. Рифтин устанавливает происхождение суффикса *-há* от слова *ha* (“много, десять”) и его значение (“различного сорта, вида”). Место суффиксов множественного числа в предложении, их предикативную позицию автор объяснял тем, что категория множества составляла первоначально неотъемлемую качественную характеристику предмета. Для семитских языков, в частности аккадского, автор устанавливает происхождение некоторых суффиксов множественного числа из указательных местоимений. В итоге автор приходит к выводу, что в большинстве случаев суффиксы множественности восходят к указательным местоимениям» (Постовская, с. 203).

25. Категории видимого и невидимого мира в языке (предварительный очерк) // Ученые записки ЛГУ. Л., 1946. № 69. Серия филологических наук. Вып. 10, с. 136–152 (ср. письмо А. П. № 15).

26. К условным предложениям в эпоху I вавилонской династии // СВ. М.; Л., 1947. IV., с. 129–134 (ср. письмо А. П. № 14).

«А. П. Рифтин дает подробный обзор типов аккадского условного предложения на основе составленной автором полной словарной картотеки текстов этого времени (бессоюзное; с союзом *šumma* как сложносочиненное; с союзом *um*; с отрицанием *ul*; с отрицанием *lā*, отрицающим нереальные наклонения); прослеживается развитие употребления претерита для сказуемого условного

предложения, а также развитие глагола “быть” (baŭ); автор полагает, что претерит этого глагола первоначально появился в отрицательно-условных предложениях и притом сравнительно поздно» (Постовская, с. 203–204).

В этой статье А. П. проявил себя «как блестящий филолог» (Klíma, S. 451).

27. *Борисов А. Я., Рифтин А. П., Юшманов Н. В.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. Фик, д. 127, л. 52–67). Предисловие и публикация Г. Х. Каплан // ППВ № 2 (17). СПб., 2012, с. 315–326.

2. Редактирование

1. *Аникеева Н., Будкевич М., Ворченко О., Рифтин А., Суздаев А., Суздаева К.* Русский язык. Учебная книга для V года ФЗС и I года ШКМ. Под редакцией А. П. Рифтина и при методической консультации Е. И. Досычевой. М.; Л., 1932⁸.

2. Серия «Строй языков» под общей редакцией А. П. Рифтина. Вып. I–XI. Л., 1935–1939.

Первоначальный замысел был осуществлен лишь частично — вместо предполагавшихся 28 выпусков (см. редакционное предисловие к вып. 1, с. 3) были опубликованы 11: вып. 1 — *Ильин Б. А.* Строй английского языка. Л., 1935; вып. 2 — *Колтакчи Е.* Строй японского языка. Л., 1936; вып. 3 — *Понте Н. Н.* Строй халха-монгольского языка⁹. Л., 1936; вып. 4 — *Бертельс Е.* Строй языка пушту (афганский). Л., 1936; вып. 5 — *Щуцкий Ю. К.* Строй аннамского языка¹⁰. Л., 1936; вып. 6 — *Васильев Б. А., Щуцкий Ю. К.* Строй китайского языка. Л., 1936; вып. 7 — *Юшманов Н. В.* Строй амхарского языка¹¹. Л., 1936; вып. 8 — *Юшманов Н. В.* Строй языка хауса¹². Л., 1937; вып. 9 — *Холодович А. А.* Строй корейского языка. Л., 1938; вып. 10 — *Юшманов Н. В.* Строй арабского языка. Л., 1938; вып. 11 — *Дмитриев Н. К.* Строй турецкого языка. Л., 1939.

⁸ Постановлением НКП в 1933 г. допущен к использованию в школе наряду со стандартным <учебником> (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 6).

⁹ Один из группы монгольских языков (наряду с бурятским, калмыцким и др.), официальный язык Монголии, развивается на базе халхаского диалекта (ЛЭС).

¹⁰ Устаревшее название вьетнамского языка (ЛЭС).

¹¹ Амхарский язык — один из эфио-семитских языков. Распространен в Эфиопии (ЛЭС).

¹² Хауса — один из чадских языков. Распространен в Нигерии, Нигере, Камеруне, Гане, Бенине, Того, Судане (ЛЭС).

«Очерки содержат краткие описания морфологических и синтаксических структур, выполненные по единому плану. В вводных разделах сообщались необходимые общие данные о языках и краткие сведения по фонетике и лексике. Как указывалось в типовых предисловиях, особое внимание должно было уделяться синтаксису: “Необходимость эта вытекает как из организующей роли предложения во всем строе речи, так и из того, что как раз этот раздел в традиционных грамматиках оставался в тени, иногда даже совсем выпадал” (см. редакционное предисловие к вып. 1, с. 3). Требование особого внимания к форме предложения было, несомненно, связано с общим направлением грамматических исследований, проводившихся в Институте речевой культуры, а также со специальным интересом А. П. Рифтина к вопросу о типологических различиях в оформлении сложного предложения... В отличие от стадияльно-типологических исследований, проводившихся в Институте языка и мышления, типологическая серия Института речевой культуры имела синхронно-сопоставительный характер» (Десницкая, с. 32–33).

3. Труды юбилейной научной сессии [Ленинградского государственного университета]. Секция филологических наук. Л., 1946. Редакционная коллегия: проф. М. П. Алексеев¹³, проф. С. Д. Балухатый, проф. П. Н. Берков, проф. А. П. Рифтин. Отв. редакторы: проф. С. Д. Балухатый, проф. П. Н. Берков.

3. Неопубликованные работы и доклады¹⁴

1. Выражение a-šà(g)-ga šu-dug₄-ga в «Стеле коршунов» («Рукопись»; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 26).

2. Староассирийский документ в собрании ИКДП («Рукопись»; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 6).

3. Происхождение внутренней флексии в семитских языках и основные проблемы семитского глагола («Совместно с проф.

---

¹³ Михаил Павлович Алексеев (1896–1981) — литературовед. Акад. АН СССР и ряда иностранных академий, почетный доктор университета в Оксфорде, Сорбонны и др. Автор трудов по истории русской, английской, французской, немецкой, испанской литератур, кн.: «Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.)» «Пушкин и мировая литература». Читал курсы по английской литературе раннего средневековья, по истории литературы США и др. Зав. кафедрой истории зарубежных литератур, декан филфака ЛГУ (1945–1947, 1950–1953). (БРЭ; Филфак СПбГУ-Р).

¹⁴ Тексты не обнаружены. Названия взяты из списка П. Н. Беркова и из дошедших авторских списков научных работ. В скобках приведены замечания А. П., взятые в кавычки.

Н. В. Юшмановым, доложено в ЛИФЛИ, готовится к печати»; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 7).

4. К происхождению родит[ельного] падежа («Рукопись»; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 26)

5. Место родит[ельного] падежа в шумерийском («Доложено в ЛИФЛИ, готовится к печати»; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 7).

6. Отрицание, утверждение и вопрос («Рукопись»; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 26) / Об отрицании и утверждении в языке («Доложено в ЛИФЛИ, готовится к печати»; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 7).

7. К происхождению наклонений в семитских языках («Доложено в ЛИФЛИ, готовится к печати»; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 7).

8. Научный лингвистический фильм «Язык жестов североамериканских индейцев». Союзтехфильм, 1935. Совместно с акад. И. И. Мещаниновым и доц. В. Н. Ярцевой («Консультация»; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 26, 43; Приложение 3).

9. К вопросу об общем языке в эпоху первой вавилонской династии («В рукописи»; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 6).

10. Лексика первой вавилонской династии («По письмам, юридическим и административным документам, готовится к изданию картотека из 10 тысяч карточек»; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 6).

11. 25 лет советского языкознания (см. письмо А. П. № 17).

12. Как мы говорим.

13. Н. Я. Марр и новое учение о языке.

14. Язык агитатора.

15. История отрицания в аккадском языке в свете общей теории и истории отрицания («Докторская диссертация, готовится»; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 26).

«Пишу докторскую на тему: Отрицание в аккадском языке в свете модальных отношений» (письмо А. П. № 27).

**МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ФИЛЬМА «ЯЗЫК
ЖЕСТОВ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ»¹**

**Приказ № 153а
по Институту истории, философии и лингвистики**

от 3-го ноября 1935 г.

1. Считаю принятым научно-учебный фильм «Язык жестов североамериканских индейцев», сделанный по заказу института Ленинградской фабрики Техфильм, и вести демонстрацию его в виде учебного пособия по общему языкознанию.

2. Отмечаю большую работу инициатора и научного руководителя фильма аспиранта III курса ЛНИЯ В. Н. Ярцевой² и премирую ее мес[ячной] стипендией.

3. Отмечаю большую работу, проделанную доц[ентом] Арчибальдом Финнеем³, проф[ессором] А. Б. Рифтиным (так в тексте. — Г. К.) и академиком И. И. Мещаниновым и выношу им благодарность.

---

¹ В подготовке этого приложения существенную помощь оказали историк кино П. А. Багров и к. ист. н., ст. н. с. МАЭ РАН С. А. Корсун.

² Ярцева Виктория Николаевна (1906–1999) — специалист по германским языкам и английской филологии, чл.-кор. АН СССР, директор ИЯ АН СССР (1971–1977 гг.). Проявляла интерес к кельтским, тюркским, кавказским, африканским, индейским и др. языкам, сыграла ключевую роль в издании многотомной энциклопедии «Языки мира», была главным редактором «Лингвистического энциклопедического словаря» (Семенов, Швейцер).

³ В 1928 г. русский ученый В. Г. Богораз и американский исследователь Ф. У. Боас договорились об обмене студентами. Благодаря этому Арчи (Арчибальд) Финней (Archie Finney), североамериканский индеец по происхождению, приехал в СССР. А. И. Жамойда, знавший Финнея, дал краткое описание его внешности и поведения: «небольшого роста коренастый человек, с черными волосами и с чуть желтым лицом, которое ничего не выражало, точно это была живая мумия»; «спокойный, тихий, с плавными движениями, с лицом, ничего не выражающим, что бы он ни говорил». В 1932–1937 гг. Финней был аспирантом МАЭ, а в 1935–1936 гг. — еще и доцентом ЛИФЛИ. В 1935 г. вышел русский перевод его работы «Сахаптин. Очерк языка Nez Percé», которую очень

4. Дирекции фабрики «Лентехфильм» гг. Н. Я. Гринфельду, М. П. Кресину и киностудии: режиссеру Н. В. Николаи (должно быть В. Н. Николаи. — Г. К.), А. Е. Кякшт и М. Фридолину — объявляю благодарность за работу, связанную с постановкой первого в мире научного фильма по лингвистике.

5. Организовать массовый просмотр фильма студентами и аспирантами ЛИФЛИ.

Директор ин-та проф. М. Г. Смирнов
(ЦГАЛИ СПб, ф. 328, оп. 1, д. 42, л. 115)

«Язык жестов»

Научно-попул[ярный] звуковой фильм, 1 ч[асть] 355 м. Пр[оизводст]во Лентехфильм, 1936 г., вып. 1938 г. Реж[иссер] В. Н. Николаи. Опер[атор] Фридолин. Конс[ультанты] проф. И. Мещанинов и проф. А. Рифтин.

Возникновение речи по теории акад. Марра. Употребление языка жестов у индейцев Северной Америки как способ общения между различными племенами. Демонстрация слов языка жестов, изображаемых руками и символизирующих явления природы, предметы, свойства, признаки, действия и т. д. Рассказ индейца (с помощью языка жестов) индианке другого племени легенды о том, как человек добыл огонь, демонстрирует индеец из племени Непэрсэ⁴» (Язык жестов, 1939).

ценил акад. Мещанинов. В 1937 г. Финней защитил диссертацию «Нумипу. Их обычаи и фольклор». Перед отъездом на родину он подарил МАЭ небольшое собрание одежды и домашней утвари индейцев (Ершова..., с. 21; Жамойда, с. 137–139; Корсун, с. 38–40, 45; Финней, 1935, 1937; ЦГАЛИ СПб, ф. 328, оп. 1, д. 49, л. 135, 136).

Владимир Германович Богораз (1865–1936; до принятия православия — Натан Менделевич, псевдонимы — Н. А. Тан, В. Г. Тан) — этнограф, фольклорист, лингвист, писатель, общественный деятель. Автор первых грамматик чукотского, эскимосского и эвенского языков. Участник международных конгрессов американистов. Работал в МАЭ, преподавал в ЛГУ (БРЭ).

Франц Ури Боас (1858–1942) — антрополог, археолог, фольклорист, лингвист. Многие годы вел полевую работу среди индейцев Британской Колумбии (БРЭ).

Александр Иванович Жамойда (род. 5. 12. 1921) — д. геолого-минералог. н., чл.-корр. РАН, вице-президент Всесоюзного (Всероссийского) палеонтологического общества. Много лет работал директором ВСЕГЕИ. Участник ВОВ (БРЭ).

Индийское племя нумипу (Nez Perce), язык которого относится к большой сахаптинской лингвистической группе, населяло плато бассейна реки Колумбия в Северной Америке. Оно имело общинную организацию, занималось охотой и собирательством. Мифология племени построена на взаимоотношениях зверей, птиц, рыб, насекомых (Финней, 1937, с. 1; Жамойда, с. 138).

⁴ Неперсе // не-персе (Ершова..., с. 21; Корсун, с. 45).

«Язык жестов»

Те, кто в детстве зачитывался Майн Ридом и Фенимором Купером, переживают при просмотре фильма “Язык жестов индейцев Северной Америки” много приятных минут. Картина заставляет вспоминать героев этой детской романтики — “Последний <из> могикан”», “Ястребиный коготь” и т. д.

Фильм — производство Ленинградской студии № 1 Союзтехфильм, сценарий В. Николаи и проф. А. П. Рифтина⁵, научная консультация акад. И. И. Мещанинова. Знаки сообщил и демонстрировал аспирант Академии наук Арчибальд Финней⁶ (индеец племени “не персе”), оператор М. Фридолин, режиссер В. Николаи.

Потемнел экран, и зазвучала музыка. Зрители видят и слышат акад. Н. Я. Марра, ныне умершего знаменитого лингвиста. Его выступление интересно, научные формулировки сжаты и чеканны. В поисках корней происхождения жеста акад. Марр обращается к доисторическим временам. Он подчеркивает, как доказано современной наукой, что первой речью человека “была речь мимики и телодвижений, т. е. язык жестов”⁷.

У индейцев Северной Америки язык жестов играл выдающуюся роль межплеменной связи, так как при наличии 200 диалектов индейской речи, племена, не имея языка жестов, не могли бы объясняться между собой.

Это — краткое вступление к теме. Затем идет объяснение наиболее употребительных обозначений языка жестов. Техника этого языка своеобразна. Лицо говорящего остается совершенно неподвижным, бесстрастным, как бы застывшим. Действуют только руки, быстрые и экономные в своих движениях. Двигаясь и останавливаясь, сочетая одно с другим, они многое объясняют и рассказывают тому, кто понимает язык жестов.

Руки изображают “верх”, “низ”, “близко”, “далеко”; показывают, как объяснить понятия: “ходить”, “прыгать”, “драться», “дитя”, “вигвам” и т. д.

Фильм сделан в двух вариантах. Первый — чисто научный — для Академии наук СССР. Он объясняет 750 жестов. Второй фильм —

⁵ Сам А. П. отмечал, что был консультантом (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 26).

⁶ Арчибальд Финней в 1935–1936 гг. был доцентом ЛИФЛИ (ЦГАЛИ СПб, ф. 328, оп. 1, д. 49, л. 135, 136).

⁷ И в настоящее время распространено мнение, что в процессе глоттогенеза языки жестов предшествовали звуковому языку (ЛЭС, с. 153).

популярный, для массовой аудитории, насчитывает 150 жестов. В этой заметке мы говорим о втором варианте.

Своеобразен и увлекателен язык жестов. Так, два пальца верхом на третьем пальце означает — “лошадь”. “Говорить” — это, когда пальцы быстро, быстро отскакивают от рта, “ссориться” — это два пальца то приближаются, то удаляются, насакивая один на другого. Это простые жесты, но есть и сложные для обозначения более сложных понятий. Они слагаются из нескольких простых жестов. Например, чтобы обозначить понятие “поезд”, употребляются два жеста, означающие “телега” и “огонь”.

Заканчивается фильм своеобразной новеллой о том, как у индейцев появился огонь. На берегу реки стоит живописный вигвам. Молодая индианка подбрасывает хворост в костер. Подходит молодой индеец, садится и жестами рассказывает девушке о том, что такое огонь и как индейцы о нем узнали.

Таков фильм “Язык жестов”. Он своеобразен от начала до конца и смотрится с неослабевающим интересом. За постановку этой картины, за создание “первого в мире лингвистического фильма” руководство фабрики и постановочный коллектив получили благодарность от Ленинградского института <истории>, философии и лингвистики.

В процессе производства режиссеру пришлось преодолеть значительные трудности. Сам по себе язык жестов динамичен и в кинематографическом плане довольно пластичен. Поэтому режиссеру лучше всего удалось отобразить язык жестов как таковой. Значительно хуже обстоит дело с бытовым оформлением, с показом уклада жизни индейцев Северной Америки. В трактовке быта режиссер пошел по пути макетов. Это будит у зрителя сомнения в реальности и правдивости показываемого.

Хороша музыка, хороши национальные мотивы. Здесь определенно чувствуется художественный вкус режиссера. Операторская работа не везде на должном уровне: наряду с хорошими по свету и теневой разработке кадрами встречаются и посредственные.

В целом фильм представляет собой значительный вклад в советскую кинематографию. Особенно же ценно то, что картина демонстрирует проникновение кино еще в одну сложную область — лингвистику» (Сухаревский).

А. И. Жамойда написал воспоминания о фильме, подкрепленные его дневниковыми записями: «В Лектории (имеется в виду городской лекторий на Литейном проспекте. — Г. К.) показали упомянутый

выше фильм. Арчи вышел, мило улыбнулся (на экране) и на фоне карты Сев[ерной] Америки начал показывать жесты, а голос говорил их значение. Штук 200 показал. Потом в нац[иональном] платье он рассказал на языке жестов про историю добычи огня (27/IV[1937]). Индейский костюм с головным убором из перьев был взят в МАЭ. Рассказывал Арчи в каких-то зарослях у костра, к которому сошлись индейцы (тоже в костюмах) разных племен, говорящих на разных языках. Язык жестов же был понятен всем. Некоторые жесты помню до сих пор» (Жамойда, с. 138).

Из автобиографии кинорежиссера и сценариста фильма В. Н. Николаи: «По предложению Академии наук и ЛИФЛИ снял первый в мире лингвистический фильм “Язык жестов”, зафиксировав свыше 500 знаков, разработка которых даст для советской лингвистики богатый материал для популяризации некоторых положений теории акад. Н. Я. Марра. В настоящее время заканчиваю звуковой популярный вариант этой темы при ближайшей консультации акад. И. И. Мещанинова» (ЦГАЛИ СПб, ф. 243, оп. 4, д. 162, л. 38–40).

Из личного листка по учету кадров учетного листа В. Н. Николаи: «10/XI 1934 г. от Института языка и мышления АН СССР получил благодарность за постановку первого в мире научного лингвистического фильма» (ЦГАЛИ СПб, ф. 243, оп. 4, д. 162, л. 30)⁸.

---

⁸ Пока не удалось обнаружить ни одной копии фильма.

**РАБОТЫ А. П. РИФТИНА,
ОБНАРУЖЕННЫЕ В АРХИВАХ**

**1. Грамматика шумерского языка
(Курс лекций проф. А. П. Рифтина, в обработке
И. М. Дьяконова)¹**

И. М. Дьяконов описал суть своей обработки:

«Вместо предисловия

Настоящая грамматика представляет собой запись курса проф. А. П. Рифтина, читанного им в 1935–36 учебном году в Ленинградском государственном университете. Отдельные места, не освещенные или недостаточно полно записанные во время чтения этого курса, а также некоторые новые данные, появившиеся за последнее десятилетие, включены мной дополнительно. Все принадлежащие мне вставки отмечены квадратными скобками. Мне принадлежат также незначительные изменения в порядке размещения отдельных разделов. Значительная часть примеров взята из грамматики Røeibel'a².

Хотя запись и не была стенографической, однако она вполне точно передает все мысли автора, в большинстве случаев излагая их дословно. Безвременная кончина моего учителя лишила возможности пользоваться его редактурой, а потому прошу все возможные ошибки и погрешности отнести на мой счет.

И. Дьяконов».

---

¹ И. М. Дьяконов отдал тетрадь с записью курса И. Т. Каневой, а она передала ее Г. Х. Каплан.

Ирина Трофимовна Канева (р. 1935) — шумеролог, автор первой отечественной грамматики шумерского языка. Она использовала в своей грамматике материалы из курса А. П. (Канева, с. 10; Милибанд, 2008).

² *Poebel A. Grundzüge der sumerischen Grammatik. Rostock, 1923 (Borger).*

2. Лекции по аккадскому языку А. П. Рифтина, записанные И. М. Дунаевской³

Сохранился машинописный текст программы по аккадскому языку для первого курса⁴.

1938/39 уч. год

филологический факультет ЛГУ

Программа

По аккадскому (ассиро-вавилонскому) языку

I-й курс 1938–39 уч. год (320 часов)

проф. А. П. Рифтина

I. Введение — 4 часа

Семитские языки. Аккадский язык и его место среди семитских языков. Основные моменты истории аккадского языка. Вавилонские и ассирийские диалекты.

II. Фонетика и письмо — 20 часов

Звуковой состав аккадского языка. Гласные и согласные. Их жизнь в слове. Слоги. Ударение. Письмо, его структура и передача звуков. Транскрипция.

III. Введение в строй речи

1) Слова знаменательные и служебные. Слово и его состав. Корень, аффиксы и их значение. Внутренняя флексия и ее роль. Краткая характеристика частей речи. Работа со словарем — 10 часов.

2) Краткие сведения о глагольном и именном предложении. Простое предложение и его члены. Части речи и члены предложения — 10 часов.

IV. Морфология

1. Местоимения и их значения — 10 часов.

Личные, самостоятельные, суффиксальные, указательные, детерминативные, вопросительные, неопределенные. Способы выражения возвратного местоимения. Роль местоимения в предложении.

2. Глагол и его значение — 60 часов.

Категории глагола (породы, классы, залог, вид, наклонение, лица, числа, род, причастие, инфинитив). Спряжение сильного глагола в основной породе и в производных породах. Роль глагола в предложении. Особенности спряжения некоторых сильных глаголов с начальным «н». Глаголы с начальным гортанным, с начальным «вав», с начальным «иот». Глаголы с «вав» и «иот» в середине,

³ Тетрадь с записью курса И. М. Дунаевская передала Г. Х. Каплан.

⁴ Ср. Приложение 6/2: Дьяконов.

с гортанным в середине. Глаголы с конечным «вав», «иот» и гортанными. Вдвойне слабые глаголы, глаголы недостаточные, четырехбуквенные. Присоединение местоименных суффиксов к глаголу.

3. Существительное и его значение — 10 часов.

Мимация. Род. Склонение и число. Функция падежей. Status constructus и описательный родительный. Значение Accusativ'a в аккадском языке. Status indeterminatus. Существительные и местоименные суффиксы. Типы образования существительных. Роль существительного в предложении. Согласование и управление.

4. Прилагательное и его значение — 6 часов.

Род. Склонение и число. Описательное выражение степеней сравнения. Типы образования прилагательных. Роль прилагательного в предложении и согласование с существительным.

5. Числительные и их значение — 6 часов.

Обозначение в письме. Числительные количественные и порядковые. Роль, место в предложении и синтаксические связи.

6. Частицы и их значение — 10 часов.

Предлоги, соединение с суффиксами. Роль в предложении.

Наречия, образования наречий. Роль в предложении.

Отрицательные частицы. Роль в предложении.

Союзы. Роль в предложении.

Отрицание и утверждение.

Нераздельные частицы. Междометия.

V. Синтаксис — 20 часов

1. Простое предложение. Обобщение пройденного в частях предложения в связи с частями речи. Порядок слов. Согласование и управление. Основные типы простого предложения.

2. Сложное предложение. Сочинение предложений. Подчинение предложений.

160 часов — практические занятия.

Литература:

1. Грамматика — Arthur Ungnad. Babylonisch-assyrische Grammatik⁵.

2. Хрестоматия — Delitzsch. Assyrische Lesestücke. 1912⁶.

3. Словарь — Delitzsch. Assyrische Lesestücke. 1912.

---

⁵ Ungnad A. Babylonisch-assyrische Grammatik mit Übungsbuch (in Transkription). München, 1906 bzw. 1926 (Borger).

⁶ Delitzsch F. Assyrische Lesestücke mit den Elementen der Grammatik und vollständigem Glossar, Einführung in die assyrische und semitisch-babylonische Keilschriftliteratur für akademischen Gebrauch und Selbstunterricht. AB 16. 5. Auflage. Leipzig, 1912 (Borger).

З. Борисов А. Я., Рифтин А. П., Юшманов Н. В.
История кафедры семито-хамитской филологии
(Музей истории СПбГУ. Ф. ФиК, д. 127, л. 52–67)

Работа была опубликована (Борисов, Рифтин, Юшманов, 2012). Здесь дается переиздание первой публикации с некоторыми уточнениями.

Предварительные замечания издателя

Исходная рукопись представляет собой 16 страниц машинописного текста (скорее всего, не первая копия). Она находится в архивном деле, озаглавленном «Материалы по истории кафедр восточного факультета к 120-летию ЛГУ». В настоящее время годом основания Петербургского университета считается 1724 г. (275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999, с. 10), но ранее в течение многих десятилетий годом основания считался 1819 г. (Григорьев; Ленинградский университет 1819–1944, с. 3)., следовательно, 120-летие университета по прежним подсчетам приходилось на 1939 г.

В статье излагается история преподавания семитологических дисциплин в Санкт-Петербургском–Ленинградском университете за 120 лет (1819–1939), рассказывается о зарождении африканистики в Ленинградском университете на исходе этого периода и показана роль во всех этих процессах целого ряда выдающихся отечественных востоковедов.

Работа, написанная в 1939 г., — памятник своей эпохи. В ней отчетливо ощущается атмосфера, царившая в нашей стране в 30-х гг. прошлого века, когда в филологической науке господствовало «новое учение о языке» — система взглядов по общим вопросам языкознания акад. Н. Я. Марра (ЛЭС), когда нельзя было упоминать репрессированных ученых (в данном случае М. Н. Соколова).

При подготовке к публикации рукописи была произведена незначительная техническая правка: устранены опечатки, кое-где выправлена пунктуация, раскрыты встречающиеся в машинописи сокращения некоторых слов, внесено единообразие в написание названий учреждений и университетских подразделений со строчной или прописной буквы, авторские примечания помещены в фигурные скобки и вставлены в текст.

Публикация

I

Кафедра семито-хамитской филологии филологического факультета ЛГУ имеет долгую историю, полную самых разнообразных

перемен. Первая дата в истории нашей кафедры — 1819 г., когда в составе кафедры восточной словесности на историко-филологическом факультете университета началось преподавание арабского языка, первым профессором которого был Ж. Ф. Деманж (1789–1839)⁷, не оставивший следов своей деятельности. Далее, с 1835 г. по 1855 г., существует уже самостоятельная кафедра арабской словесности. В 1855 г. в нашем университете был основан факультет восточных языков, где семитология была представлена уже двумя кафедрами: во-первых, уже существовавшей кафедрой арабской словесности и, во-вторых, только что основанной кафедрой еврейской, сирийской и халдейской словесности. На официальных названиях этих кафедр не отражался один факт, чрезвычайно важный для истории нашей кафедры: в начале XX века, когда задачи семитологии сильно возросли, представитель первой кафедры занимался также эфиопской словесностью, а представитель второй кафедры ввел в число факультативных предметов также ассириологию. Таким образом, обе кафедры вместе охватывали в основном всю семитологию: первая кафедра — южносемитские языки, вторая же кафедра — северосемитские языки. Октябрьская революция, внесшая переоценку ценностей во всю науку, не могла, разумеется, оставить университетское востоковедение в его дореволюционном состоянии. Чуть ли не ежегодно, начиная с 1919 г., менялись организационные формы исследования и преподавания общественных наук, менялись факультеты, отделения, кафедры, равно как менялись установки, планы, программы. Неудачный опыт выделения историко-филологических дисциплин в особый гуманитарный вуз (ЛИЛИ — ЛИФЛИ) привел университетское востоковедение к упадку; из двух семитологических кафедр не осталось ни одной, и из всех ранее преподававшихся семитских языков в течение ряда лет преподавался лишь один арабский, да и то в элементарном объеме — как вспомогательный предмет для иранистов, тюркологов и историков Ближнего Востока. Чрезвычайно любопытно не только для истории нашей кафедры, но и вообще для истории востоковедения, что в те годы было лишь две восточных кафедры в ЛИФЛИ: кафедра Зарубежного Востока (фактически исключительно дальневосточных языков) и кафедра Советского Востока (фактически исключительно ближневосточных языков). Единственный семитолог тогдашнего ЛИФЛИ преподаватель «вспомогательного арабского»

---

⁷ Жан-Франсуа (Иван Федорович) Деманж (1789–?) — арабист, ученик Сильвестра де Саси, выдающегося французского арабиста (Гульбин).

Н. В. Юшманов был членом и секретарем именно кафедры Советского Востока, т. е. по принципу обслуживания.

Только в 1933 г. университетская семитология возродилась и получила самостоятельную кафедру, хотя тогда еще в составе ЛИФЛИ, существующую ныне в виде кафедры семито-хамитской филологии филфака ЛГУ.

II

Основателем научного преподавания арабской словесности в нашем университете был проф. О. И. Сенковский (1800–1858), своеобразный и многогранный писатель, известный под псевдонимом барона Брамбеуса⁸. Он пробыл на своем посту с 1822 г. по 1847 г. В сравнении с ним малозаметны фигуры других университетских арабистов его времени, как, напр[имер], М. Г. Волкова⁹ (с 1823 г. по 1846 г.), но сам Сенковский, в свою очередь, уступал и по сделанному в области арабистики, и по авторитету среди востоковедов другому своему современнику — акад. Х. Д. Френу (1782–1851)¹⁰, не преподававшему в нашем университете.

Преемником Сенковского был египетский араб — шейх Мухаммед-Айяд Тантави (1810–1861). Еще до своего приезда в Россию Тантави у себя на родине славился блестящими знаниями и талантом, привлекавшими европейских ученых (у него учились известные иностранные арабисты, как, напр[имер], француз Френель¹¹). В нашем университете Тантави работал с 1847 г. до смерти, имея звание ординарного профессора; нужно отметить, что по трудолюбию наш шейх не отставал от знаменитых древнеарабских филологов и до самой смерти писал труды (преимущественно по-арабски) {Крачковский И. Ю. Шейх

---

⁸ Осип (Юлиан) Иванович Сенковский был широко известен еще как редактор популярного просветительского журнала «Библиотека для чтения» и востоковедного отдела в «Энциклопедическом словаре» Плюшара (БСЭ-3; Крачковский, 1958, с. 75–82).

Адольф Александрович Плюшар (1806–1865) — издатель, типограф, книготорговец. Издавал, в частности, «Энциклопедический лексикон», одно из первых русских энциклопедических изданий (КЛЭ).

⁹ Михаил Гаврилович Волков (1800–1846) — ученик О. И. Сенковского. Преподавал арабский язык в СПбУ. Был хранителем Азиатского музея, единственным и долготлетним сотрудником Х. Д. Френа (Гульбин).

¹⁰ Христиан Данилович Френ — основатель русской научной арабистики, акад. СПбАН. Преподавал арабский язык в Казанском университете. В своих трудах показал, что арабские источники дают ценный материал по истории России. Крупнейший специалист по восточной нумизматике. Основатель Азиатского музея (Крачковский, 1958, с. 55, 71–75; БСЭ-3).

¹¹ Фульгенций Френель (1795–1855) — французский востоковед (Крачковский, 1958, с. 261, 484).

Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810–1861) // Труды Комиссии по истории знаний. № 8. Л., 1929 [переиздана: Крачковский, 1958, с. 229–299. — Г. К.}.

Далее кафедра арабской словесности переходит к питомцу Казанского университета М[ихаилу] Т[имофеевичу] Навроцкому (1823–1871), который преподавал в нашем университете с 1855 г. до смерти, выпустил большое и долго служившее пособие «Опыт грамматики арабского языка» (СПб., 1867), но до конца жизни оставался и. д. экстраординарного профессора. Не в пример своим предшественникам следующий руководитель кафедры арабской словесности проф. В[ладимир] Ф[едорович] Гиргас (1835–1887), проработавший с 1865 г. по 1886 г., был питомцем нашего университета, где он защитил и обе диссертации — магистерскую «Права христиан на Востоке по мусульманским законам» (СПб., 1865) и докторскую «Очерки грамматической системы арабов» (СПб., 1873); кроме того, совместно со своим учеником бар[оном] В[иктором] Р[омановичем] Розеном он выпустил большую арабскую хрестоматию (СПб., 1875–1876), которой мы пользуемся и поныне; ничем не заменен до сих пор и арабско-русский словарь Гиргаса (Казань, 1881), сделанный к упомянутой хрестоматии и к Корану, но применяемый русскими арабистами при чтении любых арабских текстов {Крачковский И. Ю. В. Ф. Гиргас. К сорокалетию со дня его смерти // Записки Коллегии востоковедов. Том III. Вып. 1. Л., 1928, с. 63–90}.

Ученик и преемник Гиргаса академик барон В. Р. Розен (1849–1908), работавший в нашем университете с 1872 г. по 1908 г., был одним из крупнейших востоковедов нашей страны, деканом факультета восточных языков с 1897 г. по 1902 г. и учителем блестящей плеяды наших академиков-востоковедов В. А. Жуковского, В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга¹², Н. Я. Марра, П. К. Коковцева, И. Ю. Крачковского. Обе свои диссертации он защитил в нашем же универси-

---

¹² Валентин Алексеевич Жуковский (1858–1918) — иранист, чл.-кор. СПбАН, проф. СПбУ. Автор исследований в области персидского языка и литературы, фольклора, этнографии и истории Ирана, а также ряда трудов о мусульманских сектах и дервишских орденах в Иране. Автор кн. «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва». В соавторстве написал первую научную грамматику персидского языка (на нем.). Мировую известность принесла работа «Омар Хайям и “странствующие” четверостишия», в которой частично решена проблема подлинности приписываемых Омару Хайяму четверостиший (БРЭ, БСЭ-3).

Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) — знаток истории Средней Азии. В своих исследованиях затрагивал разнообразные вопросы, связанные с изучением Востока (Гульбин; Милибанд, 2008).

тете — магистерскую «Древнеарабская поэзия и ее критика» (СПб., 1872) и докторскую «Император Василий Болгаробойца» (СПб., 1883). Своими исследованиями он показал, что русская арабистика может с достоинством занять надлежащее место в мировой науке.

В дальнейшем кафедра переходит к проф. Н[иколаю] А[лександровичу] Медникову (1855–1918), преподававшему с 1890 г. до 1917 г. и защитившему в качестве магистерской и докторской диссертаций свой капитальный труд «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» (СПб., 1897–1903). Недостаток <пособий> по арабской грамматике, сильно мешавший успешному преподаванию столь трудного языка, побудил Медникова выпустить «Парадигмы глагольных форм арабского классического языка» (СПб., 1904). Для облегчения замысловатой задачи читать арабские стихи Медников раздавал студентам свои литографированные схемы стоп и размеров арабского стихосложения. Как в 1897 г., так и в 1909 г. выпускался литографированный студенческий конспект лекций Медникова по арабской грамматике, необычайно удачный для начинающих, но слишком недостаточный для продолжающих.

Уже с 1856 г. на факультете восточных языков было проведено то же разделение труда, что и в заграничных востоковедных вузах: европеец-профессор ведет теоретические курсы, преимущественно из области классической филологии данного восточного народа, а туземец-лектор ведет практические занятия по живому языку изучаемого народа. По кафедре арабской словесности более известны лекторы: Ф. Кельзи¹³ (с 1856 г. по 1882 г.), выпустивший разговорник арабского языка для русских; Ф. И. Сарруф¹⁴ (с 1882 г. по 1903 г.), оставивший ряд учебных пособий; А. Ф. Хашаб¹⁵ (с 1904 г. по 1916 г.), выпустивший «Образцы современной арабской письменности» (СПб., 1908) и «Грамматику арабского языка», ч. 1 (СПб., 1910). Грамматика Хашаба принесла большую пользу, и по ней учились многие

Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — индолог, исследователь фольклора и искусства Индии, Центральной Азии и Дальнего Востока, знаток истории распространения мировых литературных сюжетов. Акад., непререкаемый секретарь Импер. АН/РАН/АН СССР, директор АМ и ИВАН. Чл. ЦК к.-д., министр просвещения Временного правительства. В первые годы сов. власти подвергался обыскам и аресту. (Люди и судьбы...; Милибанд, 2008).

¹³ Абдаллах [Федор Иванович (Ильич)] Кельзи (1819–1912) (Гульбин, 2008).

¹⁴ Фадлаллах Иванович Сарруф (1826–1903) (Биографический словарь профессоров и преподавателей...; Крачковский, 1958, с. 138, 481).

¹⁵ Антон (Ангун/Антоний) Феодолусович Хашаб (1874–?) (Крачковский, 1958, с. 138–139; Долинина, с. 52, 442; Пылев, http://www.ksu.ru/fl6/bin_files/t2.doc).

советские востоковеды; в общем она составлена добросовестно, но отсутствие лингвистического подхода не позволяет учащемуся охватить ведущие моменты строя арабского языка, увязать арабский язык с другими семитскими языками и сознательно разобраться в наиболее запутанных уголках арабской грамматики.

После смерти Медникова руководство кафедрой арабской словесности перешло к уже упоминавшемуся ученику акад. В. Р. Розена — проф. И. Ю. Крачковскому, впоследствии академику и главе советской арабистики. Приступив к преподаванию в 1910 г., Крачковский значительно расширил круг предметов преподавания; начальный курс арабского языка стал предваряться или сопровождаться введением в арабистику — новым оригинальным предметом, сохраняющимся до наших дней и дающим широкое представление начинающим студентам-арабистам об арабах, их культуре и т. д.; изучение живых говоров арабской речи, раньше ограничивавшееся практическими занятиями с лектором, знавшим лишь родной говор и не имевшим специальной лингвистической подготовки, было поставлено Крачковским на высоту настоящей научной дисциплины — арабской диалектологии, т. е. сравнительной грамматики живых говоров и научного анализа как записей живых говоров, так и попыток литературной обработки говоров современными арабскими писателями; из грамматической литературы древних арабов раньше читали лишь синтаксис или морфологию, при Крачковском же стали читать и фонетику — область, где древнеарабские филологи намного опередили европейскую науку; в области истории арабской литературы Крачковский не ограничивается одним классическим периодом (до XIV века н. э.), как это было принято до него, но доводит свой курс до новой и новейшей арабской литературы, в научном изучении которой он вообще явился основоположником и для нас, и для заграничной науки. Немало новых объектов вовлек Крачковский и в свою научно-исследовательскую деятельность; в отличие от всех своих предшественников по кафедре он охватил действительно всю арабистику и во времени, и в пространстве: его привлекает и древнее, и новое, его интересуют и центры арабской учености, и глухие деревушки, жители коих нередко хранят древнейшие речевые элементы. Однако, и этим не ограничивается широта кругозора нашего ученого: от него не ускользают дисциплины, смежные с арабистикой; он всегда в курсе современных работ по семитологии вообще, от времени до времени делает ценные вклады в южноарабскую эпиграфику и абиссиноведение, а как историк арабской лите-

ратуры следит за литературоведением и мировой литературой. Перу Крачковского принадлежит свыше 300 печатных работ, среди которых магистерская диссертация «Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамаский» (Петроград, 1914); последний по времени «Список работ акад. И. Ю. Крачковского» издан Институтом востоковедения Академии наук СССР в 1936 г. Пользуясь широкой известностью не только на Западе, но, в противоположность своим предшественникам, и в арабских странах, наш ученый является главой советской арабистики и имеет множество учеников — не только арабистов, но и других специалистов по Ближнему Востоку.

Из учеников-арабистов акад. И. Ю. Крачковского здесь следует упомянуть рано умершего доцента И[вана] П[латоновича] Кузьмина (1893–1922), который впервые в университете (с 1920 г. по 1922 г.) ввел преподавание истории арабской философии {*Крачковский И. Ю.* Памяти И. П. Кузьмина // Восток. Т. II. 1923, с. 164; Записки Коллегии востоковедов. Т. II. Вып. 1. 1926, с. 175–180}.

На кафедре арабской словесности до сих пор не было лингвистов. Все предшествующие арабисты интересовались преимущественно литературой и историей арабов, лишь изредка и ненадолго касаясь вопросов языка. Еще Розен считал необходимым иметь на кафедре также лингвистов. Таковой нашелся нескоро; это ученик академиков И. Ю. Крачковского и П. К. Коковцева проф. Н. В. Юшманов, который в 1928 г. выпустил «Грамматику литературного арабского языка» с предисловием и под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, в том же году начал преподавать арабский язык и в 1929 г. защитил аспирантскую диссертацию «Семитские корневые разновидности». Перу Юшманова принадлежит много работ по различным вопросам языкознания, в том числе по прикладному языкознанию и алфавитному строительству.

III

Преподавание еврейского, сирийского и еврейско-арамейского (или, как его еще недавно называли, халдейского) языков началось в нашем университете с самого основания факультета восточных языков. В 14.IX.1855 г. в должности экстраординарного профессора по кафедре еврейской, сирийской и халдейской словесности был утвержден Д. А. Хвольсон¹⁶, занимавший кафедру до 1886 г. (с 21. XII.1870 г. — ординарный, с 14.IX.1880 г. — заслуженный профессор). Происходя из бедной еврейской семьи мелкого торговца

¹⁶ Даниил (Иосиф) Абрамович Хвольсон (1819–1911) (БСЭ-3).

в Вильно, Д. А. Хвольсон исключительно благодаря личной энергии и огромной одаренности сумел выбиться из косной и невежественной среды, получить солидное европейское образование и занять место одного из крупнейших европейских семитологов. Диапазон его знаний, обуславливающий область его научных интересов, был огромен; будучи в основном историком, он занимался и эпиграфикой, и историей литературы, с исключительным мастерством владея еврейским, арабским, сирийским и арамейским материалом, подкрепляя его солидной эрудицией в области классических языков и литератур. Из его трудов значительнейшим для своего времени является огромная двухтомная монография, посвященная любопытному вопросу о своеобразной культуре северомесопотамского города Харрана в эллинистическо-римское время и при арабах. Эта работа открыла ее автору путь в члены-корреспонденты Академии наук (1858 г.), действительным членом Академии Д. А. Хвольсон, несмотря на свою европейскую известность, избран так и не был, в значительной степени, несомненно, вследствие его еврейского происхождения. Из остальных работ Хвольсона заслуживают упоминания большой труд о найденных в Крыму надгробных еврейских надписях, затем изданный в двух вариантах — немецком и русском — всех известных в то время древних еврейских эпиграфических памятников, и, наконец, несколько работ, посвященных разоблачению пресловутых обвинений евреев в употреблении христианской крови, к которым, как известно, любило прибегать царское правительство для натравливания на евреев. В университете Д. А. Хвольсон читал все еврейские курсы, т. е. обзор грамматики еврейского языка, иллюстрируемый чтением легких прозаических библейских текстов, затем трудные — обычно пророческие — тексты и, наконец, памятники средневековой еврейской письменности экзегетического и философского содержания; еврейско-арабские тексты (Маймонид)¹⁷; им читался также общий обзор истории еврейской литературы, в основном библиографического характера. Еврейско-арамейские («халдейские») наречия преподавались главным образом на материале таргумов¹⁸, а также —

---

¹⁷ Маймонид — рабби Моше бен Маймон (аббревиатура РаМБаМ) (1135–1204), крупнейший представитель раввинистического иудаизма постталмудического периода, философ, врач, ученый-энциклопедист. Труды писал преимущественно по-арабски, их уже при жизни стали переводить на средневековый иврит (Encyclopaedia Judaica).

¹⁸ ‘Таргум’ (арамейск. «перевод») как термин обозначает арамейский перевод книг еврейской Библии, прежде всего Пятикнижия. Это особый жанр иудео-палестинской литературы I тыс. н. э., который представлял собой не только перевод в современном

по аггадическим текстам Вавилонского Талмуда¹⁹. Из сирийских текстов читались преимущественно отрывки из хроники Григория Бар-Эбрея (XIII в.)²⁰ по старой хрестоматии Кирша-Бернштейна²¹. Чтение лекций Д. А. Хвольсон продолжал почти до самой своей смерти (23.III.1911 г.), последние годы — уже на дому; равным образом последние его научные работы написаны в эти же годы, когда он, уже будучи слепым, принужден был диктовать свои статьи, собирая материал для них исключительно в своей необъятной памяти. Из учеников Д. А. Хвольсона, отличившихся так или иначе на ученом поприще, следует назвать: А. Я. Гаркави²², Я. И. Израельсона²³, Д. <Г.> Гинцбурга²⁴, Г. Г. Генкеля²⁵, крупнейшего современного семитолога в СССР П. К. Коковцова, арабиста В. Р. Розена, главу советской арабистики И. Ю. Крачковского, египтолога

понимании, но и форму пословного комментирования Священного Писания в духе толкования, принятого в еврейских общинах на момент составления таргумов (*Encyclopaedia Judaica*).

¹⁹ 'Аггада' (евр., арамейск. «повествование, предание») — законодательные тексты раввинистической литературы, прежде всего Талмуда (*Encyclopaedia Judaica*).

²⁰ Григорий Абу-л-Фарадж Бар-Эбрей (1226–1286) — один из самых выдающихся деятелей сирийской культуры. Сочетал теологические, философские и медицинские знания. Внес существенный вклад в различные области средневековой науки (Пигулевская, с. 112–113).

²¹ *Kirschii G. G. Chrestomathia Syriaca cum Lexico. Denuo edidit Georgius Henricus Bernstein. Pars Prior. Lipsiae, MDCCCXXXII. Pars Posterior. Lipsiae, MDCCCXXXVI. Lexicon Syriacum. Chrestomathiae Kirschianae denuo editae accommodatum a Georgio Henrico Bernstein. Lipsiae, MDCCCXXXVI.*

²² Авраам Яковлевич Гаркави (1835–1919) — семитолог. Разбирал, каталогизировал и публиковал древнееврейские, халдейские, самаритянские, еврейско-арабские рукописи из собраний Фирковича и иерусалимского архимандрита Антония. Собирал еврейские источники о хазарах. Занимался сказаниями о славянах и русских у арабских писателей. (Гульбин; Сотрудники РНБ).

²³ Яков Израйлевич Израельсон (1856–1924) — гебраист и арабист. Занимался преимущественно еврейско-арабской литературой. Перевел вместе с Г. Г. Генкелем сочинение Иосифа Флавия «Древности иудейского народа. Против Апиона» и написал к нему введение (СПб., 1895, 1898, переизд. М., 1990) (ЕЭ).

²⁴ Барон Давид Горациевич Гинцбург (1857–1910) — гебраист и арабист. Занимался арабской и еврейской поэзией, каталогизацией арабских рукописей в Учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел. Собрал ценную коллекцию еврейских книг и манускриптов (находится в РГБ). Основал высшее учебное заведение «Курсы востоковедения», где читал лекции по талмудической, арабской литературам и др. (ЕЭ; Крачковский, 1955, с. 69, 1958, с. 103; Лисицына, с. 38–44).

²⁵ Герман Германович Генкель (1865 — после 1932) — гебраист. Занимался описанием еврейских книг и рукописей в Публичной библиотеке (совр. РНБ). Перевел сочинение Иосифа Флавия «Иудейские древности» (СПб., 1900, перевод переиздавался неоднократно в 1990–2003 гг.) (Сотрудники РНБ).

В. С. Голенищева²⁶, крупнейшего советского ученого, лингвиста с мировым именем Н. Я. Марра, а также академиков Б. А. Тураева²⁷ и В. В. Бартольда и многих других.

С 11.VI.1886 г., после выслуги Д. А. Хвольсоном своего срока (В. В. Бартольд пишет: 35-летнего), кафедра еврейск[ой], сирийск[ой] и халдейск[ой] словесности сделалась вакантной, и лишь в 1893 г. (11.XII) чтение лекций по ней было поручено прив[ат-]доц[енту] П. К. Коковцову, остававшемуся на ней до 1928 года (и. д. экстра-орд[инарного] проф[ессора] с 16 мая 1900 г., ординарн[ый] проф[ессор] с 16 мая 1912 г.).

Преемник и ученик Д. А. Хвольсона акад. П. К. Коковцов родился 19.VI.1861 г. в г. Павловске в семье инженера. Заинтересовавшись Востоком, и в частности — еврейским языком, еще на школьной скамье, он в университете работал преимущественно под руководством Хвольсона, хотя кроме еврейского, сирийского и арамейского языков усиленно занимался также арабским языком, и, кроме того, персидским, турецким, санскритским и даже египетским и армянским языками. Весь этот языковой материал в соединении с основательным, полученным еще в средней школе, знанием классических языков составил солидную филологическую базу, отличающую все научные труды П. К. Коковцева. Следует отметить, что как филолог П. К. Коковцев шире даже Д. А. Хвольсона, особенно если к перечисленным выше языкам, которыми П. К. Коковцев занимался в университете, присоединить изученные им самостоятельно эфиопский и аккадский языки, причем преподавание второго из них на факультете восточн[ых] языков было впервые введено именно П. К. Коковцовым. Будучи оставлен при кафедре для приготовления к профессорскому званию (1884–1887), П. К. Коковцов по

---

²⁶ Владимир Семенович Голенищев (1856–1947) — египтолог, ассириолог, семитолог. Создал научные каталоги египетской и ассирийской коллекций Эрмитажа. Во время путешествий собрал замечательную коллекцию египетских, переднеазиатских и др. памятников (свыше 6 тыс. предметов находится в ГМИИ). Первооткрыватель и исследователь уникальных египетских иератических папирусов. Один из первых оценил подлинность и значение клинописных писем из Телль-эль-Амарны и табличек из Каппадокии. Основал кафедру египтологии в Каирском университете (БРЭ).

²⁷ Борис Александрович Тураев (1868–1920) — создатель русской школы египтологии и историков Древнего Востока. Автор монументальной двухтомной монографии «История Древнего Востока» (СПб., 1911–1914, 1915 (указатель); Л., 1935–1936), которая не имела себе равных по географическим и хронологическим рамкам охвата материала и составила целую эпоху в отечественной исторической науке (Милибанд, 2008; Струве, 1948).

защите диссертации 21.XI.1893 г. («Книга Сравнения Еврейского языка с Арабским Абу Ибрахима Исаака Ибн Баруна») был допущен к преподаванию, причем первые годы он преподавал лишь гебраистику на первых двух курсах (на остальных продолжал сверхштатно читать Хвольсон); позднее к нему перешло от Хвольсона преподавание сирийского языка и затем все остальные лекции. Как ученый П. К. Коковцов представляет собою крупнейшего семитолога в СССР и одного из крупнейших в мире. Его интересы лежат преимущественно в истории еврейско-арабской литературы, точнее — в области еврейско-арабской филологии, в которой он открыл и издал много нового и ценного материала. Кроме того, им написан ряд первоклассных работ из области семитской эпиграфики, а для истории народов СССР имеет большое значение его труд о еврейских источниках по истории хазар. В университете в течение многих лет П. К. Коковцов один вел все семитологические дисциплины, за исключением арабистики и эфиопистики; он читал еврейский, сирийский, арамейский и аккадский языки, сравнительную грамматику семитских языков и обзор разных семитских литератур, а также северосемитскую эпиграфику. Лишь после революции его ученики смогли освободить его от чтения начальных еврейских курсов и от сирийского языка. После 1928 года П. К. Коковцов не возвращался к преподаванию студентам, но продолжал заниматься с аспирантами и принимал участие в работах своих учеников. Из школы акад. П. К. Коковцова по линии ассириологии необходимо указать на талантливую ученого, рано умершего проф. В. К. Шилейко (5. X. 1930), читавшего курсы клинописи в 20-х годах, и на проф. А. П. Рифтина, начавшего заниматься ассириологией у проф. В. К. Шилейко, но продолжившего работу в этой области под руководством акад. П. К. Коковцева; по линии сравнительной грамматики семитских языков на проф. Н. В. Юшманова; по линии гебраистики и арамеистики на доцента А. Я. Борисова, работы которого посвящены преимущественно средневековой еврейско-арабской литературе и, в частности, философии. Последние три лица были воспитаны акад. П. К. Коковцовым уже в советское время.

IV

Успехи нового учения о языке акад. Н. Я. Марра, углубленное изучение истории Древнего мира и Ближнего Востока, разработка точек зрения мифа и фольклора вызвали потребность в подготовке квалифицированных кадров в области советского востоковедения, в частности — в семитологии. К 1933 г. эта потребность назрела

настолько, что необходимость создания кафедры семитских языков и литератур стала совершенно очевидной. В этом же году в быв[шем] ЛИФЛИ, на базе которого образовался в 1937 г. филологический факультет ЛГУ, по инициативе А. П. Рифтина и Н. В. Юшманова, учеников академиков П. К. Коковцева и И. Ю. Крачковского, была организована кафедра семитских языков и литератур, которая в 1934 г. с введением преподавания африканских языков стала называться кафедрой семито-хамитских языков и литератур, а с переходом в ЛГУ, в составе уже филологического факультета, была переименована в кафедру семито-хамитской филологии.

С самого начала в ведении кафедры были три цикла — аккадский (ассиро-вавилонский), древнееврейский и арабский. Во главе каждого из этих циклов стали привлеченные для работы на кафедре лучшие специалисты в СССР в данной области: акад. И. Ю. Крачковский, проф. Н. В. Юшманов и доцент В. И. Беляев во главе арабского цикла, ныне покойный проф. И. Г. Франк-Каменецкий (<умер> VI/1937 г.) и доцент А. Я. Борисов во главе древнееврейского цикла, и проф. А. П. Рифтин во главе аккадского цикла. Большинство членов кафедры — молодые советские востоковеды, ученики указанных академиков П. К. Коковцева, И. Ю. Крачковского, а также и академика Н. Я. Марра. В 1934 г. выяснилась необходимость готовить кадры молодых работников по языкам и народам современной Африки. Эту задачу взяла на себя кафедра семито-хамитской филологии и открыла на 1934/35 уч[ебный] год прием студентов на два африканских цикла — банту и хамитский. Основным руководителем цикла банту явился доцент Д. А. Ольдерогге²⁸, преподающий языки суахили²⁹ и зулу³⁰, равно ряд вспомогательных к ним дисциплин; основным руководителем хамитского цикла явился проф. Н. В. Юшманов, преподающий языки хауса и амхарский, а также введение в африканское языкознание. Все эти языки преподаются в нашей стране впервые.

---

²⁸ Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987) — этнограф, языковед-африканист, д. ист. н., чл.-кор. АН СССР, чл.-кор. Британской и Французской академий наук. Окончил ЯЛО ФОН ЛГУ по специальности египтология. После учебы в Германии стал одним из зачинателей отечественной школы африканистики. В разные годы заведовал отделом этнографии Африки в МАЭ, был директором Института этнографии АН СССР и МАЭ. На востфаке ЛГУ заведовал кафедрой египтологии и африканистики и кафедрой африканистики (БРЭ; Ильин; Милибанд, 2008).

²⁹ Суахили — один из банту языков, распространен в Объединенной Республике Танзании, в Республике Кении, в Республике Уганде, частично в Заире и Мозамбике (ЛЭС).

³⁰ Зулу — Один из банту языков, распространен в ЮАР и Зимбабве (ЛЭС).

Подготовка специалистов по семито-хамитским языкам и литературам, использующая опыт факультета восточных языков старого университета, построена вместе с тем на новых основах, присущих советскому университету. При пятилетнем плане обучения на фоне общеобразовательных предметов филологического вуза подготовка по семито-хамитским языкам и литературам складывается из системы обязательных и факультативных предметов. Первые состоят из дисциплин: 1) языковедческих, общих и специальных, как-то: введение в филологию, основной язык с его историей и диалектологией, системой родственных языков, причем языковедческие курсы объединяются в сравнительной грамматике изучаемых языков, конструируемой на базе нового учения о языке акад. Н. Я. Марра; 2) литературоведческих, общих и специальных, как-то: общая история литературы изучаемого языка³¹, история отдельных литературных жанров, специальные семинары по авторам и т. п. Необходимо прибавить, что как языковедческие, так и литературоведческие предметы проходятся на протяжении всех лет подготовки на основе истории изучаемого народа. Начиная с IV курса, студент имеет возможность выбрать себе лингвистический или литературоведный (так в тексте. — Г. К.) уклон, обладая за предшествующие годы хорошей подготовкой как по языку, так и по литературе. Указанный выше уклон обеспечивается на IV и V курсах целой системой факультативных предметов. Обязательным элементом подготовки является производственная практика и самостоятельная исследовательская работа студента на старших курсах. Таким образом осуществляется подготовка филологов-языковедов, обладающих также литературоведческой подготовкой, и филологов-литературоведов, основательно изучивших также языковедческие дисциплины. Все это можно было и удалось создать в условиях советского вуза, каким является ЛГУ.

Первый выпуск студентов, имевший место в 1937/38 уч[ебном] г[оду], показал, что изложенная выше система подготовки целиком себя оправдала. Наглядным примером является тот факт, что из девяти окончивших пять были представлены в качестве аспирантов.

Реализация нового плана подготовки потребовала большой методической работы (разработка методических инструкций по преподаванию восточных языков, выработка типовых программ и т. д.), тесно увязанной с новым подходом к проблемам языка и литературы.

---

³¹ Скорее всего, подразумевается «общая история литературы на изучаемом языке».

Непосредственно же с этим связано издание ряда пособий по африканским языкам, написанных проф. Н. В. Юшмановым. Наличие среди членов кафедры специалистов по важнейшим семитским языкам, а также по языкам банту и хамитским позволило с самого начала работы кафедры развернуть плодотворную научно-исследовательскую работу как по языку, так и по литературе. Из достижений можно отметить: разъяснение трудных вопросов арабской грамматики и диалектологии (проф. Н. В. Юшманов: двухпадежные имена, связующие морфемы, префикс алеф, принципы классификации арабских диалектов); вопросы синтаксиса семитских языков (проф. А. П. Рифтин: теория сложного предложения, проблема происхождения родительного падежа, проблема отрицания и утверждения, происхождение внутренней флексии в семитском глаголе, последнее совместно с Н. В. Юшмановым); исследование и издание памятников (проф. А. П. Рифтин: вавилонские документы в собраниях СССР). Необходимо отметить доклады акад. И. Ю. Крачковского, покойного проф. И. Г. Франк-Каменецкого, доц. А. Я. Борисова, доц. В. И. Беляева.

На протяжении всего периода существования кафедра принимала и принимает активное участие в жизни факультета.

**И. Материалы, касающиеся истории
трех кафедр: семито-хамитской филологии (филфак
ЛГУ)¹, ассириологии и гебраистики (востфак ЛГУ),
истории Древнего Востока (востфак ЛГУ–СПбГУ)**

И.1

Открытием семитологического отделения мы всецело обязаны тогдашнему руководителю Ленинграда С. М. Кирову². После совещания с академиком арабистом Игнатием Юлиановичем Крачковским ассириолог Александр Павлович Рифтин решился хлопотать о возобновлении подготовки студентов, будущих преподавателей и исследователей ассириологии, ассирийской и аккадской клинописи, по арабскому и древнееврейскому языкам, которые нужны были даже для практической цели. В нашей стране хранились сокровища — собрания арабских, древнееврейских и сирийских рукописей. Специалисты были нужны: без них было невозможно разобраться в этих ценнейших собраниях. Киров внимательно выслушал Рифтина, который сообщил, что набора студентов по этим дисциплинам практически не было после Октябрьской революции. Занятия, правда, продолжались частным порядком у академиков Коковцова и Крачковского, однако к 1932 г. регулярного изучения арабского и еврейского языков не велось. В результате встречи³ осенью 1933 г. было организовано

¹ В дополнение к Приложению 4/3 и Приложению 6/2: Дьяконов.

² Сергей Миронович Киров (1886–1934) — крупный советский партийный и государственный деятель. В январе 1926 г. был избран секретарем Ленинградского губернского комитета ВКП(б), в ноябре 1927 г. — секретарем, а в марте 1929 г. первым секретарем Ленинградского областного комитета ВКП(б) (Административно-территориальное деление..., с. 11; БРЭ; Газ. «Ленинградская правда», 21.11.1927..., с. 1; С. М. Киров..., с. 2, 40, 59).

³ В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга мне не удалось найти какой-либо официальный документ, подтверждающий этот факт, но, как сообщили в архиве, после убийства С. М. Кирова из Москвы приехала комиссия во главе со Сталиным. Она произвела большую выемку документов, связанных с Кировым, и увезла их.

неутомимым Рифтиным наше семитское отделение. Позднее ЛИФЛИ стал филологическим факультетом с восточными группами, а в 1944 г. был создан восточный факультет университета.

(Старкова, 2006, с. 202–203)

1.2

8.VII 1933 г.

Профессору академику И. Ю. Крачковскому

Ввиду того, что в нашем институте вновь открыт цикл древних семитских языков и постановка их преподавания и изучения требует наличия лучших специалистов, директорат ЛИФЛИ⁴ обращается к Вам с просьбой принять участие в работе кафедры семитских языков.

Зная Вашу загруженность работой по Академии наук, директорат не настаивает на выполнении Вами поручения по тому или иному курсу, как это и было Вами высказано в беседе с исполняющим обязанности зав. кафедрой семитских языков А. П. Рифтиным.

Пом. директора ЛИФЛИ... /Жегар/

Секретарь НУЧ... /Гринберг/

(СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 257, л. 30)

1.3. Из истории названия кафедры семито-хамитской филологии⁵

В 1933 г. в документах институтов ЛИЛИ и ЛИФЛИ упоминается кафедра семитских языков и и. о. заведующего кафедрой А. П. Рифтин, в 1934 г. в распоряжениях директора ЛИФЛИ упомянуты кафедра древнесемитских языков и ее заведующий доц. А. П. Рифтин, в 1935 г. в распоряжениях директора ЛИФЛИ упоминается проф. А. П. Рифтин, заведующий кафедрой семито-хамитских языков. В 1937–1938 гг. под последним названием кафедра значится в составе филологического факультета ЛГУ, образовавшегося на базе литературного и лингвистического факультетов ЛИФЛИ. В 1938, 1939, 1944 гг. она называлась кафедрой семито-хамитской филологии, в 1939, 1940 гг. — ближневосточной филологии, в 1939, 1942–1943 гг. — ближневосточных и африканских языков. Из официальных документов видно, что различные названия кафедры могли употребляться фактически одновременно (275 лет. СПбГУ, с. 320. Материалы по истории СПбГУ., с. 135. ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–

⁴ Письмо на бланке со штампом Государственного историко-лингвистического института (ЛИЛИ), который предшествовал ЛИФЛИ (см. примеч. 22, с. 15).

⁵ Сам А. П. в своих автобиографиях за разные годы сообщает, что создал в 1933 г. кафедру семитских языков и литератур (1935 г.) / семито-хамитских языков и литератур (1937, 1943) / семито-хамитских языков (янв. 1938) / семито-хамитской филологии (дек. 1938, 1944) (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 5, 19; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 3, 24, 29, 39, 41).

1949, д. 1504, л. 18, 20. СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 257, л. 30. ЦГАЛИ СПб, ф. 328, оп. 1, д. 21, л. 124; д. 30, л. 158, 193; д. 41, л. 157. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 859, л. 24, 31, 39, 40, 53, 54).

В феврале 1944 г. вышел приказ ВКВШ, в котором, в частности, сообщалось об образовании восточного факультета. По приказу ВКВШ № 492 от 7 октября 1944 г. кафедра семито-хамитской филологии была разделена на три самостоятельные кафедры: арабской филологии, ассириологии и гебраистики, египтологии и Африки⁶. В этом же приказе сообщалось об организации ряда новых кафедр, в том числе кафедры истории Древнего Востока.

А. П. возглавил кафедру ассириологии и гебраистики, которой после его смерти заведовал И. Н. Винников. На ней готовили специалистов в области ассириологии, гебраистики, арамеистики и сириологии. Ассириологические дисциплины, включающие шумерский язык, преподавал А. П., а после его смерти — И. М. Дьяконов и Л. А. Липин, древнееврейский язык и литературу — И. Н. Винников и К. Б. Старкова, сирийский язык и литературу — Н. В. Пигулевская⁷, арамейские диалекты и финикийский язык — И. Н. Винников. (Беляев..., 1960, с. 106–107; Материалы по истории СПбГУ..., с. 135; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1102, л. 56–58, д. 1568, л. 55–60; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 18).

В отчете об идейно-политической работе за 1948/49 учебный год декан восточного факультета В. М. Шмидт пишет: «Кафедра истории Древнего Востока состоит из одного человека — акад. В. В. Струве⁸.

⁶ Кафедра египтологии и Африки в 1946–1949 гг. называлась кафедрой египтологии и африканских языков / египтологии и африканистики (ЦГА СПб, ф. 7240 оп. 14, д. 1115, л. 124; оп. 21, д. 10, л. 9; д. 17, л. 16; д. 26, л. 33; д. 27, л. 25).

⁷ Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970) — сириолог, византист, чл.-корр. АН СССР, член Французского Азиатского общества. Окончила исторический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, училась в аспирантуре в ПУ, специализируясь по сириологии у акад. Коковцова. Основные труды посвящены исследованию сирийских исторических и литературных памятников, проблемам социально-экономического развития Сирии, Ирана, Армении, Византии в средние века. В разные годы работала хранителем отдела рукописей ГПБ, заместителем директора и заведующей отделом Ближнего Востока ИВАН, преподавала в ЛГУ. Вице-президент Российского Палестинского общества, редактор «Палестинского сборника». В 1928 г. была репрессирована и в 1929–1934 гг. находилась в ссылке на Соловках и в Архангельске (АМ..., с. 589; БСЭ-3; Люди и судьбы..., Милибанд, 2008).

⁸ Василий Васильевич Струве (1889–1965) — египтолог, шумеролог. Акад. АН СССР. Основные труды по истории и культуре Древнего Египта, Шумера, Ассирии, Вавилонии, Угарита, Урарту, Ирана, Палестины, Малой Азии, Северного Причерноморья и Средней Азии. Издал египетский математический папирус Голенищева (XVIII в. до н. э.) —

Поскольку кафедрой ведутся курсы общие для ряда специальностей, она не имеет прикрепленных к ней студентов. Следовательно, в распоряжении кафедры нет ни преподавателей, ни студентов, среди которых могла бы вестись идейно-воспитательная работа» (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1430, л. 100).

I.4

22 декабря 1949 г. на открытом заседании ученого совета восточного факультета ЛГУ слушали сообщение декана Г. В. Ефимова⁹ о приказах Министерства высшего образования о ликвидации тех специализаций, в которых занято незначительное число студентов, что без надобности увеличивает стоимость подготовки студентов, снижает качество их подготовки. Предлагалось ликвидировать распыленность, обеспечить нормальную заполненность групп. В связи с этим во втором приказе МВО от 10/XII 1949 г. были даны указания об изменении номенклатуры специальностей.

Приказ министра высшего образования СССР № 1571

10 декабря 1949 г.

Об изменении номенклатуры специальностей
восточного факультета Ленинградского университета.

§ 1

Исключить из номенклатурного списка следующие специальности восточного факультета Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова: 1. ассириология, 2. египтология, 3. семитология, 4. Древний Восток.

Впредь подготовку кадров по этим специальностям производить только через аспирантуру.

древнейшее в истории человечества научное сочинение. Автор обобщающего труда «История Древнего Востока». Отверг мнение, что для всей пятитысячелетней письменной истории Востока было характерно господство феодализма, и доказывал, что древневосточные общества были рабовладельческими. Эта концепция стала господствующей в советской исторической науке на многие десятилетия. В разные годы заведовал египетским отделом ГЭ, был директором ИЭ и ИВ, в последнем заведовал отделом Древнего Востока. Много лет преподавал и заведовал различными кафедрами в ЛГУ (Берлев..., 1989; БСЭ-3; Милибанд, 2008).

⁹ Геронтий Валентинович Ефимов (1906–1980) — китаист, д. ист. н., заслуженный деятель науки РСФСР. Окончил ЛИФЛИ. В разные годы преподавал в ЛИФЛИ, ЛГПИ им. Покровского, БГУ. В ЛГУ заведовал кафедрами истории Востока и истории стран Дальнего Востока, был проректором. Работы: «Очерки по новой и новейшей истории Китая», «Сунь Ят-сен. Поиск пути» и др. (Милибанд, 2008).

§ 2

Ректору Ленинградского университета проф. Домнину¹⁰ со второго полугодия 1949/50 учебного года всех студентов II, III и IV курсов восточного факультета, обучающихся в настоящее время на специальностях: «ассириология», «сириология» (так в тексте. — Г. К.), «гебраистика», «египетский язык» и «Древний Восток», перевести /по согласованию с ними/ на другие специальности.

Подготовку студентов 5 курса, обучающихся по этим специальностям, закончить в нормальный срок по тем учебным планам, по которым они занимаются.

С. Кафтанов

Проф. И. Н. Винников высказал соображение о необходимости существования подобных специальностей хотя бы в виде симбиоза с другими, т. к. подготовка через аспирантуру вряд ли была реальна: а) к тому времени не будет соответствующих преподавателей, б) в случае необходимости в такого рода специалистах аспирантура не обеспечит своевременной и достаточной их подготовки.

Акад. И. Ю. Крачковский счел нецелесообразным устранение узких специализаций, которые существуют в традиции университета долгое время. Необходимость в финансировании подобного рода специализаций, по словам И. Ю. Крачковского, никогда не вызывала сомнений, в то время как их устранение нарушит традиции нашей науки и повлечет за собой неблагоприятные последствия для востоковедения. И. Ю. Крачковский счел необходимым представить докладную записку с соображениями по этому поводу.

Постановили:

принять к сведению и исполнению приказ Министерства высшего образования. Считать возможным представление докладных записок от отдельных кафедр, на которых вышеуказанные специализации ликвидируются (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1502, л. 240, оп. 21, д. 60, л. 13–14).

Согласно рабочему плану на 1950/51 уч. год, кафедра истории Древнего Востока состояла из двух человек: акад. В. В. Струве и Л. А. Липина. Члены кафедры читали курс истории Древнего Востока на ряде факультетов ЛГУ, включая востфак, где его читал В. В. Струве. Л. А. Липин в первом семестре раз в неделю читал

---

¹⁰ Проф. Н. А. Домнин в июне 1948 г. назначен ректором ЛГУ (275 лет СПбГУ, с. 350).

лекции по аккадскому языку для студентов V курса (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 15, д. 67, л. 62).

11 декабря 1951 г. на заседании ученого совета восточного факультета ЛГУ декан доц. Г. В. Ефимов отметил, что на факультете должны сохраняться редкие специализации: африканистика, ассириология, египтология и др. Акад. В. В. Струве высказался за необходимость сохранения на восточном факультете редких специальностей: восточный факультет должен выпускать специалистов, могущих читать первоисточники, а не переводы, уже имеющиеся в историографии (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 15, д. 586, л. 46–47).

В 1952/53 учебном году на кафедре истории Древнего Востока открылись два отделения: истории древней Передней Азии с профилирующими предметами: история Древнего Востока (лекции — проф. В. В. Струве, практические занятия — к. ист. н. Л. А. Липин) и аккадский язык (лекции и практические занятия — Л. А. Липин) и истории Древнего Египта с профилирующими предметами: история Древнего Востока (лекции — проф. В. В. Струве, практические занятия — к. ист. н. Л. А. Липин) и египетский язык (лекции и практические занятия — Н. С. Петровский¹¹); специальность студентов — история Древнего Востока (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 15, д. 762, л. 49, 50; д. 799, л. 243)¹².

В 1955 г. на кафедре арабской филологии было открыто семитологическое отделение, которое ставило задачей подготовку специалистов главным образом в двух областях: гебраистики и арамеистики, включая сирологию (Беляев..., 1960, с. 108).

---

¹¹ Николай Сергеевич Петровский (1923–1981) — египтолог-лингвист, д. филол. н., почетный чл. Института египтологии Карлова университета (Прага). Окончил истфак ЛГУ и аспирантуру в ИВ у акад. В. В. Струве. Первый отечественный специалист, изучавший египетский язык с позиций современного языкознания. Работы: «Египетский язык», «Сочетания слов в египетском языке», «Звуковые знаки египетского письма как система». Проф. востфака ЛГУ. Участник ВОВ: ушел добровольцем на фронт, участвовал в знаменитом танковом сражении у дер. Прохоровка, дошел до Берлина, награжден тремя боевыми орденами (Милибанд, 2008; Ольдерогге, 1982).

¹² Кафедра истории Древнего Востока несколько раз меняла свое название (в настоящее время — кафедра Древнего Востока), менялись названия отделений кафедры (например, в 1957/58 уч. г. имелись отделения ассириологии и египтологии (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 15, д. 2134, л. 43–44), но неизменно на ней изучались ассириологические и египтологические дисциплины, и прежде всего аккадский, шумерский и египетский языки.

II. Материалы, касающиеся создания восточного факультета СПбГУ

II.1

Тогдашний ректор, профессор-экономист А. А. Вознесенский¹³, человек чрезвычайно энергичный и имеющий большие связи в правительстве, в стремлении поднять престиж Ленинградского университета задумал восстановить старый университетский устав, а поскольку, согласно этому уставу, в составе университета числился восточный факультет, то, следовательно, он должен быть восстановлен¹⁴, тем более что специалисты по Востоку нужны будут советскому государству для обеспечения новых направлений внешней политики.

Об этом проекте Крачковский узнал из письма А. П. Рифтина, заведующего кафедрой семито-хамитских языков и бывшего (1939–1942) декана филологического факультета (письмо А. П. № 20. — Г. К.). Казалось бы, все возвращается на круги своя. Однако в этом проекте восстановления факультета был один маленький нюанс: до революции существовал факультет восточных языков, то есть факультет *филологического* профиля, сейчас же имелось в виду «создать организацию, которая бы готовила “комплексного специалиста”».

Подобное предложение могло исходить только от людей, недостаточно компетентных в этой области, не понимающих, какая сложная языковая и общепилологическая подготовка требуется от востоковеда любого профиля (конечно, если речь идет о квалифицированном специалисте). Естественно, что идея создания «комплексного» восточного факультета, выдвинутая впервые еще перед самой войной, и тогда была отвергнута ученым советом филологического факультета. Теперь же ректор и не выносил ее на рассмотрение ученого совета, а образовал особую комиссию, куда вошли историки, экономисты и трое востоковедов: китаист В. М. Штейн, монголист С. А. Козин, только что избранный действительным членом АН, и А. П. Рифтин. Последний резко выступал против создания «комплексного» факультета:

---

¹³ Александр Алексеевич Вознесенский (1898–1949) — выпускник ФОН ПГУ по специальности «теоретическая экономика». В разные годы заведовал кафедрой советского права и кафедрой политической экономии ЛГУ. Ректор ЛГУ (1941–1948), одновременно ЛГУ и СаратовГУ (1942–1944 гг.). В 1948 г. назначен министром просвещения РСФСР. В 1949 г. в связи с «Ленинградским делом» обвинен в заговоре с целью отделения России от СССР и расстрелян. Впоследствии реабилитирован (Баренбаум, с. 175–176; БРЭ; Семенов).

¹⁴ Восточный факультет ЛГУ был образован в 1944 г. из востоковедных кафедр филологического факультета (Музей истории СПбГУ, ф. ИУ, д. 484, л. 21).

«...на заседании комиссии уж очень явственно пронеслись максимилиановские ароматы» (см. примеч. к письму А. П. № 20. — Г. К.).

Робко высказанное С. А. Козиним предложение спросить мнения ведущих востоковедов ректором было тут же отмечено: «В таком вопросе можно обойтись и без востоковедов» (письмо А. П. № 20. — Г. К.). В результате комиссия «всеми голосами против одного» (т. е. А. П. Рифтина. — А. Д.) вынесла решение: организовать восточный факультет, и во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР были направлены соответствующие документы. 5 февраля 1944 года ВКВШ издает приказ об организации восточного факультета в составе Ленинградского университета с осени 1944 года. Сразу же по приказу ректора была создана «тройка» (Козин, Штейн, Рифтин) по организации нового факультета с С. А. Козиним во главе...

Включение в организационную «тройку» Рифтина, который сначала отказывался от всего наотрез, было, разумеется, благом для будущего факультета: именно им был выработан проект структуры факультета по отделениям, циклам и кафедрам, принятый университетом «в основном... без поправок» (письмо А. П. № 22. — Г. К.); он же взял на себя и составление типового пятилетнего учебного плана факультета (письмо А. П. № 23. — Г. К.). Таким образом, в первую очередь благодаря ему новый восточный факультет и сохранил традиционный филологический профиль с возможностью специализироваться при желании по истории или экономике только на старших курсах.

Новым по сравнению с довоенным планом филологического факультета оказалось разделение прежней семито-хамитской кафедры на три самостоятельные: арабской филологии, ассириологии и гебраистики, египтологии и африканистики (письмо А. П. № 22. — Г. К.) ...

Восточный факультет, открывшийся осенью 1944 года... имел, очевидно, прежде всего благодаря стараниям А. П. Рифтина, явно филологический профиль. В его состав входили 13 филологических кафедр (включая кафедру этнографии) и три кафедры, обеспечивавшие дополнительные специализации: истории Древнего Востока, истории средневекового и нового Востока, экономики и географии Азии.

Набор был произведен на I курс по всем филологическим кафедрам. Постепенно собирались и студенты старших курсов — те, кто учился до войны на восточных циклах филологического факультета; порой восстанавливающиеся группы состояли всего из одного-двух

студентов и пополнялись в течение всего года — кто демобилизовался, кто приехал из эвакуации...

Это был самый блестящий период в истории послевоенного восточного факультета. Достаточно сказать, что на шестнадцать заведующих кафедрами приходилось пять академиков и семь членов-корреспондентов АН, остальные четверо имели докторскую степень и профессорское звание. Кафедры возглавляли такие ученые мирового класса, как В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, А. А. Фрейман и др. Они хранили традиции дореволюционного ФВЯ и стремились, насколько возможно, насаждать их теперь, в обновленной alma mater.

(Долинина¹⁵, с. 342–344, 347)

II.2. Новый центр советского востоковедения

Подготовка к восстановлению в системе нашего университета центра советской востоковедной науки началась в феврале этого года. Прежде всего была выработана структура факультета, охватывающая тринадцать наиболее актуальных языковых систем восточных народов, в соответствии с чем факультет делится на тринадцать отделений, как-то: китайской филологии (синологии), японской филологии, индо-китайской и т. д., с секторами, которые охватывают подгруппы данной языковой системы.

На базе одной из названных филологических специальностей востоковед будет приобретать специальность по лингвистике, истории, экономике, литературоведению и искусствоведению стран и народов Востока.

К настоящему времени в Ленинград прибыли и приняли участие в работе факультета следующие заведующие кафедрами: академик В. М. Алексеев (китайская филология), академик А. П. Баранников (индо-тибетская филология), академик С. А. Козин (монгольская филология), академик И. Ю. Крачковский (арабская филология), академик В. В. Струве (египтология и история Древнего Востока), член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман (иранская филология), доктор наук В. И. Цинциус (манчжуро(так в тексте. — Г. К.)-турецкая

---

¹⁵ Анна Аркадьевна Долинина (Искоз-Долинина) (р. 1923) — арабист-литературовед, переводчик, д. филол. н., заслуженный работник высшей школы. Окончила востфак ЛГУ, проф. СПбГУ. Работы: «Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия», «Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири. Макамы. Арабские средневековые плутовские новеллы» (переводы с араб. в соавторстве с В. М. Борисовым и В. Н. Кирпиченко), «Невольник долга» (первая монографическая биография И. Ю. Крачковского) и др. (Милибанд, 2008).

филология), доктор наук В. М. Штейн (экономика Востока), кандидат наук А. П. Рифтин (ассириология и гебраистика), а также ряд научных сотрудников.

При дальнейшем укомплектовании кафедр восточного факультета предусматривается привлечь к научно-педагогической работе 8 академиков, 9 членов-корреспондентов, 25 докторов наук и профессоров и 60 доцентов, ассистентов и лаборантов.

(Козин, 1944, с. 2)

II.3

Восточный факультет

Профиль специалистов, выпускаемых восточным факультетом, определяется двумя моментами: выбранной специальностью в области изучения одной из языковых систем восточной филологии и надстройкой на базе этой филологии специальностью лингвиста, литературоведа, историка, экономиста, искусствоведа, а также этнографа. Надстроечные специальности избираются на третьем году обучения. Для расширения востоковедной филологической базы студенты со второго курса включаются, по выбору, в изучение одной из смежных или родственных языковых систем народов Востока. В связи с этим филологической подготовке отводится значительное место в учебных планах факультета, и только на этой базе мыслится в установленный пятилетний срок обучения подготовить полноценных специалистов-востоковедов, столь необходимых нашей стране, занимающей исключительное географическое положение между странами Востока и Запада.

В настоящее время, когда после полной победы над фашистской Германией человечество озабочено восстановлением и расширением международных культурно-экономических связей, роль и значение восточного факультета приобретает исключительно важное значение.

В 1945/46 учебном году восточный факультет будет работать в составе следующих тринадцати отделений, соответствующих включенным в изучение культурно-языковым массивам: 1) китайское отделение (руководитель академик В. М. Алексеев), 2) японское (руководитель член-корреспондент АН Н. И. Конрад¹⁶), 3) индо-тибетское — с цик-

---

¹⁶ Николай Иосифович Конрад (1891–1970) — японист, Китаист, один из создателей отечественной японистики, акад. АН СССР. Изучал японскую классическую и современную литературу, японский театр. Труды отличает культуроведческая направленность: постановка общих вопросов развития японской культуры в период европеизации и др.

лами санскритским, тибетским и новоиндийским (руковод[итель] академик А. П. Баранников), 4) иранское — с циклами персидским, афганским и советских иранских языков (руковод[итель] чл[ен]-корр[еспондент] АН А. А. Фрейман), 5) турецкое — с циклами анатолийско-турецким и тюркских языков СССР (руковод[итель] чл[ен]-корр[еспондент] АН Н. К. Дмитриев¹⁷), 6) монгольское — с циклами бурято-монгольским и ойротским (руководитель академик С. А. Козин), 7) кавказское — с циклами грузинским, армянским и горских языков (руководитель проф., доктор наук К. Д. Дондуа), 8) арабское (руковод[итель] академик И. Ю. Крачковский), 9) ассириологии и гебраистики — с циклами ассиро-вавилонским, гебраистики и сирийским (руковод[итель] проф., доктор наук И. Н. Винников), 10) египтологии и живых африканских языков — с циклами египетским, банту и хамитических языков (руковод[итель] чл[ен]-корр[еспондент] АН Н. В. Юшманов), 11) финно-угорское — с циклами западно- и восточно-финским (руковод[итель] проф., доктор наук Д. В. Бубрих¹⁸), 12) языков северо-востока Азии — с циклами тунгусским, маньчжурским (так в тексте. — Г. К.), остяко-самоедским, чукото-корякским (руковод[итель] проф., доктор наук В. И. Цинциус), 13) этнографическое — с циклами кавказским, иранским, тюркским, финно-угорским, народов Севера (руководитель проф., доктор наук И. Н. Винников).

Автор концепции «восточного ренессанса»: поставил в единый ряд культурное развитие Китая VII–X вв., Ближнего Востока XI–XIII вв., Западной Европы XIII–XVI вв. Публикации: переводы японских литературных памятников, очерки по истории Японии до XIX в., «Синтаксис японского национального литературного языка», сб. статей «Запад и Восток», китаеведческие и корееведческие работы. Главный редактор «Большого японско-русского словаря». Был зав. японским кабинетом в ИВАН, награжден японским правительством орденом Восходящего солнца 2-й степ. В 1938–1941 гг. был репрессирован, подвергался пыткам (БРЭ; Люди и судьбы...; Милибанд, 2008).

¹⁷ Николай Константинович Дмитриев (1898–1954) — тюрколог, один из основоположников отечественной тюркологии, чл.-корр. АН СССР. Дал научное описание ряда тюркских языков: «Гагаузские этюды», «Грамматика кумыкского языка», «Грамматика башкирского языка», «Русско-башкирский словарь» и др. Осуществил ряд изданий тюркских фольклорных текстов (песен, сказок). Занимался проблемами тюрко-славянских языковых связей. Преподавал в ЛВИ и более 20 лет в ЛГУ турецкий, азербайджанский, туркменский, крымско-татарский, балкарский языки; читал курсы: введение в тюркологию, туркменский фольклор, турецкая и туркменская диалектология. Зав. сектором тюркских языков ИЯ (БРЭ; Иванов С. Н.; Милибанд, 2008; Приложение 2/2; Решетов, с. 34).

¹⁸ Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) — языковед, чл.-корр. АН СССР, заслуженный деятель науки Карело-Финской ССР. Читал курсы лекций по сравнительной грамматике финно-угорских языков и введению в финноугроведение, спецкурсы по мордовскому и пермским языкам, по диалектам карельского языка (Филфак СПбГУ-Р).

Историческими дисциплинами руководят: академик В. В. Струве, чл[ен]-корр[еспондент] АНА Ю. Якубовский¹⁹, профессора Ю. П. Францев²⁰ и Н. В. Пигулевская. Литературоведением и фольклором руководят: чл[ен]-корр[еспондент] АН В. М. Жирмунский и доктор наук проф. В. Я. Пропп. Экономическими дисциплинами руководит доктор наук, проф. В. М. Штейн. Общелингвистическими дисциплинами руководит акад[емик] И. И. Мещанинов.

Окончившие восточный факультет используются в качестве преподавателей высших учебных заведений, сотрудников научно-исследовательских институтов, музеев, библиотек, издательств, а также на ответственной работе, связанной с общением советских органов с союзными и зарубежными странами и народами Востока.

Декан восточного факультета академик С. А. Козин
(Козин, 1945, с. 4)

II.4 Восточный ф[акультет] Перечень кафедр

Наименование кафедр	Завед[ующие] кафедрами
1. Китайской филологии	Акад. В. М. Алексеев
2. Японской филол[огии]	
3. Индо-тибетской филол[огии]	Акад. А. П. Баранников
4. Иранской филол[огии]	Чл.-корр. АН А. А. Фрейман
5. Турецкой филол[огии]	Чл.-корр. Н. К. Дмитриев
6. Монгольской филол[огии]	Акад. С. А. Козин
7. Арабской филол[огии]	Акад. И. Ю. Крачковский
8. Ассириологии и гебраистики	
9. Египтологии и африканистики	
10. Кавказск[ой] филологии	Чл.-корр. Грузинской АН К. Д. Дондуа

¹⁹ Александр Юрьевич Якубовский (1886–1953) — историк-востоковед, археолог, чл.-корр. АН СССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР и Таджикской ССР. Руководил согдийско-таджикской, позже таджикской экспедицией (копал Пенджикент и др.). Труды по средневековой истории народов Передней и Средней Азии, Кавказа, Золотой Орды, их культуре, этногенезу, взаимоотношениям с Древней Русью основаны на комплексном изучении письменных и археологических источников. Как один из авторов кн. «Золотая Орда и ее падение» получил Гос. премию СССР. Сотрудник ГАИМК и ГЭ, проф. ЛГУ (БСЭ-3; Милибанд, 2008).

²⁰ Георгий Павлович Францов (Юрий Павлович Францев) (1903–1969) — философ, социолог. Акад. АН СССР. Основные труды по истории религии и атеизма, методологии истории и др. Был на руководящей работе в МИД СССР и партийной печати, шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма» и зам. директора ИМЛ при ЦК КПСС. Преподавал в различных вузах Ленинграда (БСЭ-3; Милибанд, 2008).

11. Финно-угорской филол[огии]	Проф. Д. В. Бубрих
12. Яз[ыки] сев[еро-]востока Азии	Проф. В. И. Цинциус
13. Этнографии	Проф. И. Н. Винников
14. Истории Др[евнего] Востока	Акад. В. В. Струве
15. Истории средневеков[ого] и нового Востока	Чл.-корр. АН А. Ю. Якубовский
16. Экономики стран Востока	Проф. В. М. Штейн

3/IV — 1946.

Декан востфака: ... /проф. Г. Ф. Смыкалов²¹/
(СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 243, л. 53)

II.5

Востоковеды

Подготовка специалистов на восточном факультете сочетает две органически связанные между собой задачи. В основе обучения студентов лежит усвоение одного из языков советского и зарубежного Востока. Наряду с этим студент, начиная с III курса, избирает отраслевую специальность, определяющуюся его желанием работать в той или иной отрасли культуры, доступ к которой открывается изучением данного языка. Таких специальностей пять: лингвистика, литературоведение, история, экономика и этнография.

В 1948–49 учебном году подготовка на факультете будет идти по следующим отделениям: 1) японскому, 2) китайскому, 3) монгольскому, 4) индо-тибетскому, 5) иранскому, 6) турецкому, 7) арабскому, 8) кавказскому, 9) ассириологии и гебраистики, 10) египтологии и живых африканских языков, 11) финно-угорскому, 12) языков северо-востока Азии, 13) этнографическому и 14) маньчжурскому.

Существует северное отделение, а также два цикла: корейский и тувинский.

Окончившие восточный факультет найдут применение своему труду прежде всего в сети высших учебных заведений в исследовательских учреждениях, деятельность которых посвящена Востоку. Многие из окончивших попадут также на ответственную работу, связанную с представительством СССР в зарубежных странах.

Проф. В. Штейн,
декан восточного факультета
(Штейн, 1948)

²¹ Георгий Феофанович Смыкалов (1877–1955) — китаист, основные интересы: история Китая и история китайской литературы. На китайском отделении филфака ЛГУ читал со студентами древние исторические тексты, статьи из словаря «Цы юань» и современные, преимущественно газетные тексты. Зав. Дальневосточной кафедрой на филфаке ЛГУ (АМ..., с. 117; Милибанд, 2008; Решетов, с. 32–33; Смыкалов).

II.6. Отчет Восточного факультета за 1949–50 учебный год.

1. Выполнение приказов и постановлений

В отчетном году восточный факультет в своей работе руководствовался приказами Министерства высшего образования № 312 от 14 марта 1949 г. «О мерах по улучшению подготовки кадров востоковедов», приказом № 625 «О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского Университета» и приказом № 129, а также соответствующими распоряжениями ректората университета.

Выполняя указания Министерства, факультет провел организационную перестройку: было создано два отделения — филологическое и историческое. Филологическое отделение построено на основе учебного плана филологического факультета. Его задача — подготовка специалиста-филолога в области соответствующего языка и литературы стран зарубежного Востока. Историческое отделение построено на основе учебного плана исторического факультета. Его задача — подготовка историка, могущего вести исторические дисциплины в школе, а также историков Востока и историков отдельных стран Востока для вузов и НИИ страны.

В целях обеспечения решительного поворота к изучению современности... специализации по гебраистике, ассириологии, сириологии (так в тексте. — Г. К.), египтологии и Древнему Востоку ликвидированы, а студенты соответствующих циклов переведены на другие циклы изучения современных языков.

Были освобождены от работы проф. И. Н. Винников, проф. И. М. Лурье²², проф. М. Э. Матье²³, ст. преподаватель К. Б. Старкова, проф. П. В. Ернштедт²⁴ в связи с ликвидацией специализаций по ассириологии, гебраистике и др.

декан Г. В. Ефимов

(ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1605, л. 124, 131)

²² Исидор Менделевич Лурье (1903–1958) — египтолог, д. ист. н. Окончил ФОН ЛГУ. Автор монографии «Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н. э. (памятники и исследования)», опубликованной в виде ряда статей. Был зав. Отделом Востока ГЭ и зам. директора ГЭ по научной работе (Милибанд, 2008; Памяти И. М. Лурье).

²³ Милица Эдвиновна Матье (1899–1966) — египтолог, музейный деятель, засл. деятель искусств РСФСР, д. ист. н. Окончила ПУ, ученица Б. А. Тураева. Занималась проблемами древнеегипетской мифологии и культа, историей древнеегипетского искусства. Работы: «Художественные ткани коптского Египта» (в соавторстве), «Искусство Древнего Египта» и др. Была зав. Отделом Востока ГЭ, проф. ЛГУ (БРЭ; Милибанд, 2008; Памяти М. Э. Матье).

²⁴ Петр Викторович Ернштедт (1890–1966) — филолог-классик, коптолог, папиролог, палеограф. Чл.-корр. АН СССР. Родился в семье известного эллиниста и папиролога акад. В. К. Ернштедта. Окончил классическое отделение историко-филологического факультета СПбУ. Издавал греческие и коптские папирусы. Работал в АМ, ИВ. Преподавал греческий и коптский языки студентам и аспирантам ЛГУ, ИНА, ГЭ. Работы: «Коптские тексты ГЭ», «Коптские тексты ГМИИ», «Египетские заимствования в греческом языке», «Исследования по грамматике коптского языка» и др. (АМ..., с. 584; БРЭ; Гранстрем; Милибанд, 2008; РГЭС).

**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. РИФТИНЕ,
ЕГО УЧИТЕЛЯХ, КОЛЛЕГАХ
И ЖЕНЕ С. К. ГУММЕРТ**

1. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ, ОТЗЫВОВ,
ПИСЕМ И ВОСПОМИНАНИЙ

*Дунаевская И. М. Воспоминания*¹

Утром 5-го февраля 1945 года А. П. Рифтин читал лекцию по введению в общее языкознание. Вечером, уходя с Марией Семеновной Лев² с факультета, он пожаловался на усталость. Ночью его не стало.

А. П. скончался совсем молодым. Ему было 45 лет (44 года. — Г. К.). Нам, его ученикам, он задолго до войны казался пожилым, уравновешенным, проникшим в глубь вещей и понятий. Пожилым он, конечно, не был. Все остальное было именно так, как нам представлялось.

А. П. был спокойным и неизменно доброжелательным человеком. Он, что бывает не часто, хорошо умел видеть сам и дать увидеть своим ученикам одаренность своих коллег, которые, как и он, были

---

¹ Из доклада И. М. Дунаевской «К тридцатилетию со дня смерти Александра Павловича Рифтина», прочитанного, как отметил автор, 5 февраля 1975 г. на конференции общегородского Ленинградского ассириологического семинара при Институте востоковедения (текст доклада находится в личном архиве И. М. Дунаевской). С 4 по 7 февраля 1975 г. по приглашению Общегородского ассириологического семинара при ЛОИВ АН СССР состоялась очередная VII конференция по Древнему Востоку, на которой были представлены доклады главным образом по проблемам древнего Ближнего Востока (ВДИ. 1976. №1, с. 184). Видимо, на этой конференции и был прочитан доклад И. М. Дунаевской, в научной части которого речь шла о некоторых лингвистических воззрениях А. П. (С точки зрения А. П., нельзя рассматривать эргативную конструкцию как разновидность пассивной. В языке номинативного строя логический объект может быть субъектом в предложении, поэтому в таком языке возможен пассивный залог, которого не может быть в языке эргативном, так как здесь логический объект не может выступать как грамматическое подлежащее.)

² По-видимому, М. С. Лев (1902–1990) — диспетчер (Филфак СПбГУ-Р).

нашими учителями. Обычно такие вещи — и это очень жаль — полностью осознаются только посмертно.

Внутренне А. П. был весь в движении, в действии, в стремлении проникнуть в самую суть вопросов, которыми занимался. Он жаждал поделиться свежеприобретенными знаниями, стремясь заразить своими интересами, привлечь других на путь, которым шел сам, дать студентам знания не только ради знаний, но и ради дальнейших поисков и открытий. Сомневающимся в своих силах и робеющим он любил говорить: «Наука рассчитана на среднего работающего и думающего человека». А стремясь отпугнуть от научных занятий корыстолюбцев, иногда говаривал: «Науке людей нужно много, но штатных должностей не хватает».

В лекциях А. П. самые, казалось бы, обыкновенные сведения на наших глазах выстраивались в стройную систему, и мы, студенты тех лет, становились — так нам казалось — участниками создания этой стройности. Это завораживало. Закономерность процессов, происходящих в языке, делалась почти осязаемой. Это пленяло и привлекало, и в умах слушателей, еще совсем юных, только начинающих получать университетское образование, рождалось стремление осмыслить эти процессы, самим принять участие в выяснении того, что науке в них непонятно или кажется спорным. Такое эмоциональное состояние возникало и на лекциях по вводному курсу в языкознание, которые А. П. читал в большом актовом зале филфака сразу 350 студентам, и на занятиях по аккадскому и шумерскому языкам, которые он вел до войны и после (а также во время блокады до эвакуации университета) для 2–3-х человек в самых крохотных аудиториях второго этажа. Конечно, до самостоятельных работ всем нам еще было далеко, но запал был поставлен, шнур тлел.

Преподавший А. П. материал запоминался сам собой, учить его почти не приходилось, оставалось время подумать, поработать непосредственно над текстами, тем более что на экзаменах А. П. не выносил поверхностных и бездоказательных ответов. И чем лучше отвечал студент, тем дольше А. П. его спрашивал (рекорд был поставлен студентом Игорем Дьяконовым, который выдержал однажды двухчасовой экзамен).

Лекции А. П. любили все, их не пропускали даже в тяжелые дни блокады Ленинграда и во время эвакуации в Саратов, когда температура в помещении, где он читал, не поднималась выше -10° и писать приходилось карандашом, потому что чернила в авторучках замерзли. А. П. принадлежал к тем особенно редким людям, талант которых

распространяется на все, что они делают, освещая не только их профессиональную работу, но и любое дело, за которое они берутся. Общение с такими людьми удивительно легко, естественно и приятно. Поэтому А. П. помнят до сих пор все, кто его знал, и при разговоре о нем всегда расцветают улыбки, и у каждого находятся свои не утраченные за столько лет впечатления и чувства, которыми он хочет поделиться.

Дьяконов И. М. Письмо к С. К. Гуммерт³

Ленинград, 1 февраля 1968

Глубокоуважаемая София Конрадовна!

Посылаю Вам свою новую книгу⁴, которую я посвятил памяти Александра Павловича; думаю, Вам будет приятно ее иметь.

С 5 по 9 февраля в Институте народов Азии проводится Всесоюзная научная сессия по Древнему Востоку. В среду 7-го в 10 ч. утра и в четверг 8-го в 10 ч. утра состоятся заседания секции ассириологии; первое из них (если это Вам удобно) мы хотели бы посвятить памяти Александра Павловича.

Вы давно уже говорили о передаче его словарной картотеки либо в мою Группу древневосточной филологии Института народов Азии, либо в Отделение Древнего Востока Эрмитажа, где клинопись сейчас хранит Нина Янковская, а я являюсь консультантом и неофициальным руководителем. Может быть, Вы бы договорились с Ириной Михайловной Дунаевской о том, когда и как эту передачу можно осуществить? Я уверен, что Вы простите меня за то, что я не явился к Вам сам — Вы поймете, как я сейчас занят подготовкой сессии, в которой целых девять секций! Может быть, стоило бы объявить о Вашем даре на заседании памяти Александра Павловича⁵? Или Вы предпочли бы это сделать в более интимной обстановке? Ждем Вас!

Ваш И. Дьяконов

³ Письмо находится у семьи В. А. Рифтина. У Г. Х. Каплан есть копия.

⁴ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

⁵ «Заседания секции ассириологии состоялись 7 февраля утром и 8 вечером под председательством руководителя секции И. М. Дьяконова. Первое заседание было посвящено памяти выдающегося советского ассириолога и шумеролога А. П. Рифтина. Присутствовавшая на заседании вдова ученого С. К. Гуммерт передала оставшиеся после него картотеки и рукописи Группе древневосточной филологии Ленинградского отделения Института востоковедения» (IV сессия по Древнему Востоку..., с. 155).

В 1960–1970 гг. это было Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР (Кузнецова), в настоящее время — ИВР РАН. Здесь находится архив И. М. Дьяконова, который с недавних пор стал обрабатываться. Может быть, в нем будут найдены какие-то работы А. П.

Коковцов П. К., Соколов М. Н.
**Представление с просьбой принять А. П. Рифтина
в ИЛЯЗВ и приложенный к нему отчет А. П. Рифтина
о научной деятельности за 1925–1926 гг.
(СПФ АРАН, ф. 779, оп. 3, д. 23, л. 1–2)**

Имеем честь представить окончившего в 1925 году курс в Ленинградском университете по семитической филологии Александра Павловича Рифтина в сотрудники II разряда Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете. А. П. Рифтин в течение прохождения университетского курса успел приобрести прекрасные познания в области главнейших семитических языков, а также и в ассириологии, и вполне усвоил методы современной научной работы. Обладая при этом несомненными способностями и редким интересом к филологическим занятиям, А. П. Рифтин может быть, по нашему мнению, весьма ценным сотрудником института в области разработки ассириологической науки, которой он исключительно хочет посвятить свои силы и которая, как известно, все еще не могла занять в нашем университете места, подобающего современному значению этой научной дисциплины. К настоящему заявлению присоединяется *curriculum vitae* А. П. Рифтина.

П. Коковцов
Преп. М. Соколов
26 окт. 1925 г.

[Отчет А. П. Рифтина]

В 1925–26 году участвовал в работе Яфетического института Академии наук сначала в двух секциях: «секции жилищных терминов» и «клинописной», а затем и в «секции числительных». Помимо регулярного участия в заседаниях указанных секций, мною было прочитано два доклада. Один был посвящен шумерийским терминам для жилища, а другой имел своей темой систему и значение шумерийских числительных. Последний предложен к напечатанию. Одновременно с этим я занимался в Музее палеографии Академии наук⁶. Здесь клинописный материал частью подготавливался к изданию, частью классифицировался и кратко описывался.

---

⁶ Содержал коллекции Н. П. Лихачева, в том числе клинописную (Приложение 6/2: Дьяконов).

Далее мною были прочтены два небольших реферата. Реферат, касавшийся ассирийской надписи халдского царя Сардура, сына Лутипри⁷, был сообщен в семинарии по халдскому языку (устаревшее название урартского языка. — Г. К.) доцента И. И. Мещанинова. Второй же был заслушан в студенческом кружке востоковедов при ЛГУ и относился к вопросу о вавилонской математике.

***Март Н. Я. Отзыв об отчете аспиранта <А. П.> Рифтина
(СПФ АРАН, ф. 800, оп. 1, д. 1416, л. 1 об.)***

В части, касающейся занятий в Яфетическом институте, аспирант А. П. Рифтин проявил в докладах серьезность в постановке вопроса и осторожное, в мере усвоения, использование положений яфетической теории, а в коллективных работах групповых собраний живое активное участие как в прениях, так <и> в исполнении заданий по намечавшимся проблемам.

Проф. Н. Март
27/VI-1927 г.
Ленинград

Рифтин Б. Л.⁸ Письмо И. М. Дьяконову⁹

Дорогой Игорь Михайлович! Только в начале сентября, приехав в отпуск с Тайваня, куда я приглашен руководить научной программой «Собирание и сравнительное изучение фольклора аборигенов», я смог получить у Муси Алексеевой¹⁰ Ваши воспоминания. Это удивительно интересная книга. Огромное Вам спасибо за все и за прекрасные воспоминания о моем дяде А. П. Рифтине. Жаль, что ни Софья Конрадовна, ни мой отец — мл[адший] брат А. П., ни тетя Фанни Павловна — мл[адшая] сестра А. П. не дожили до выхода этой книги.

⁷ Речь идет о надписи урартского царя Сардури (I), сына Лутипри, написанной на аккадском языке в IX в. до н. э. (Арутюнян).

⁸ Борис Львович Рифтин (1932–2012) — китаист, исследователь китайской литературы, фольклора и народной культуры, академик РАН (Памяти академика Б. Л. Рифтина; Милибанд, 2008). Сын Л. П. Рифтина, родного брата А. П.

⁹ Письмо без даты и без окончания, сохранились два листа, исписанные с обеих сторон. Письмо написано между 1995 г. (год выхода воспоминаний И. М. Дьяконова) и 1999 г. (год смерти И. М. Д.), происходит из архива И. М. Дьяконова, было передано Г. Х. Каплан.

¹⁰ Марианна Васильевна Баньковская (1927–2009) — дочь В. М. Алексеева, китаиста, академик АН СССР (Долинина, с. 7–9).

Мне было интересно в ней все. Многих я знал лично, даже не только востоковедов, напр[имер], проф. Л. Г. Лойцянского (он учился с моим отцом в гимназии и сидел за одной партией)¹¹, о других слышал. Как это ни странно, слышал еще будучи школьником о Нике. Эткинд¹², лекции которого по мировой литературе я слушал во Дворце пионеров, как-то рассказал, что будучи в армии на Севере, он должен был написать текст листовки по-французски, но оказалось, что он не знает одного слова (кажется, слово «листовка»). Словаря не было, и ему посоветовали сходить к высланным в тот город «бывшим»; войдя, он увидел фотографию Ники, это были его родители. Я запомнил это, видимо, потому, что речь шла о крестнике Николая II.

Именно Е. Г. Эткинд посоветовал мне пойти на восточный ф[акультет], сказав: «С твоей фамилией надо идти на востфак». Он же потом посоветовал мне пойти учиться у В. Я. Проппа, что определило мою дальнейшую специализацию (китайский ф[ольклор]).

Он оказался прав. Светлой памяти, которую оставил по себе так рано умерший дядя Саша, я обязан и тем, что меня все-таки приняли в 1950 г. на китайское отделение (друзья дяди Саши допекли Ефимова (декана востфака. — Г. К.), говорили, что он съездил в Большой дом и получил разрешение принять меня, одного еврея на 100 человек, зачисленных на китайское отделение. В старые времена можно было принять 5 человек¹³). Думаю, что с памятью о дяде Саше связано и то, что, когда меня сократили после третьего курса несмотря на все пятерки, Кононов¹⁴ как декан добился в министерстве дополнительного места. 29 человек боролись в Москве против отдела кадров Президиума (АН. — Г. К.), который отказывался в <19>55 году утвердить меня аспирантом Ин[ститу]та мировой литературы. Многие из них знали дядю Сашу, напр[имер], акад. В. В. Виногра-

---

¹¹ Л. Г. Лойцянский был одноклассником А. П. (Приложение 1; ЦГИА СПб, ф. 129, оп. 1, д. 1, л. 6, 7; д. 2, л. 12, 13).

¹² Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999) — литературовед, переводчик нем. и фр. поэзии, участник ВОВ, друг И. М. Дьяконова, с 1974 г. жил за границей.

¹³ В устной беседе Б. Л. вспоминал: «Мой папа тогда сказал: “Смотри, при Николае II была 5-процентная норма, можно было принять 5 евреев на 100 человек”».

¹⁴ Андрей Николаевич Кононов (1906–1986) — тюрколог, профессор, акад. АН СССР. Многие годы в ЛГУ был зав. кафедрой тюркской филологии и деканом востфака, а в ЛОИВ заведовал Тюркским кабинетом и несколько лет был зав. отделением. Труды: «Грамматика современного турецкого литературного языка», «Грамматика современного узбекского литературного языка», «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» и др. Сформулировал и развил ряд идей в области исторической грамматики тюркских языков, в частности обосновал новую и оригинальную точку зрения на природу тюркской агглютинации (БРЭ; Милибанд, 2008).

дов¹⁵, кот[орый] был акад.-секретарем. Ин[ститу]т нашел обходный путь и зачислил меня сразу м. н. с. (на это <в 19>56 г. не надо было разрешения Управления кадров). Думаю, что памяти дяди Саши я обязан и неожиданным избранием в члены-корр[еспонденты] АН СССР в 1987 году (я был в это время в Пекине и совсем не думал об этом). Меня, пожалуй, больше всего удивило, что я единственный из 80 выдвинутых прошел на первом туре голосования¹⁶. В самых неожиданных местах, услышав мою фамилию, меня спрашивали, не родственник ли я А. П., например, в редакции «Нового мира», в Праге и Ханое (советник посольства слушал когда-то его лекции)¹⁷. У всех осталась удивительно светлая память о нем.

Сам я видел дядю Сашу последний раз перед войной, наверно, в декабре <19>40 г. В моей детской памяти осталось, что, приходя в родительский дом (мы жили до конца декабря вместе с бабушкой и дедушкой на Лермонтовском <пр. >), он читал стихи (об этом и Вы пишете) и пел. Я помню только, что он очень любил петь «Надену я черную шляпу, поеду я в город Анапу». Потом я никогда не слышал этой песни.

Многое, что Вы пишете о нем, для меня внове. Я никогда не слышал, что он был призван в армию¹⁸. Ведь у него был протез вместо одного глаза¹⁹. В детстве, когда бабушка везла их с отцом из Харькова (где они жили года до 1905-го ?, после чего переехали в СПб.)

---

¹⁵ Виктор Владимирович Виноградов (1894/1895–1969) — филолог, в научных трудах охватил весь спектр проблем, связанных с русским языком. Акад.-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР. Член иностранных академий (Болгария, Германия, Польша, Сербия, Франция и др.). Зав. кафедрой русского языка филфака ЛГУ. Работы: «Язык Пушкина», «Русский язык (грамматическое учение о слове)», «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» и др. Был репрессирован и находился в ссылке сначала в Вятке (1934–1936), затем в Тобольске (1941–1943) (БРЭ; Филфак СПбГУ-Р).

¹⁶ Устно высказанное мнение Б. Л.: «Обычно кандидаты проходили с третьего тура, но многие из голосовавших знали и помнили А. П., поэтому очень доброжелательно отнеслись к его племяннику».

¹⁷ Из устной беседы с Б. Л.: «Недавно, когда я был на Тайване, в Академии Синика, профессор, которая занимается Ахматовой и русской поэзией, спросила меня: «Почему Вы не Александрович, почему Львович?» А она знала об А. П., потому что он где-то фигурировал в связи с Шилейко».

Академия Синика — Академия наук при президенте так наз. Китайской республики на Тайване, основана в 1928 г. (Тайвань, с. 8–9).

¹⁸ В 1919 г. А. П. был призван в Красную армию, признан непригодным, но оставлен на учете. Должность в армии была определена как «санитар» (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 4, 14, 15, 18).

¹⁹ В устной беседе В. А. Рифтин, сын А. П., отрицал этот факт. И. М. Дьяконов вспоминал: «...голову он (А. П. — Г. К.) имел привычку держать слегка набок, как снегирь,

на дачу в Славянск, он высунулся из окна, и уголек от паровоза попал ему в глаз. Он скрывал, что у него протез, но все фотографии а la Кутузов²⁰. Как рассказывал мне отец, в голодные годы они вдвоем пошли работать в паре санитарями на скорой помощи. Потом оба подхватили сыпняк. В палате дядя Саша лежал на койке рядом с Шилейко. Вот тогда (а карантин для тифозных больных длится долго) Шилейко и обратил его в свою веру. Я думаю, что это более правдоподобно, чем то, что Вы пишете (Приложение 6/2: Дьяконов. — Г. К.), едва ли больной (с высокой температурой) Шилейко мог в приемном покое рассказать о древнем Вавилоне так, чтобы дядя Саша решился бросить юридический ф[акультет], на котором он учился (кончил, кажется, два курса) и где ему прочили блестящую карьеру, и пойти учиться к Шилейко²¹. Я думаю, что издание юридических документов связано с его прошлой специализацией. Так ли?

Я никогда не слышал, что дядя Саша испортил сердце, таская дрова. Он умер после уч[еного] совета. Как рассказывала мне Десницкая²², она была на этом совете и потом шла с дядей до остановки, он чувствовал себя нормально. И вдруг около полуночи начался сердечный приступ (впервые), дома не было нитроглицерина и вообще ничего, телефон вдруг выключился, пока разбудили соседа, пока он нашел дежурную аптеку (автоматов, видимо, не было, ведь еще не кончилась война), пока вызвал оттуда скорую, пока она приехала — было уже поздно. Утром телефон заработал. Говорили, что это был первый приступ грудной жабы²³. Мой отец тоже умер от стенокардии, ему был 61 год. Считалось, что это последствия тифа, голода и прочего.

может быть, в связи с тем, что он хорошо видел только одним глазом — другой, слегка косивший, был почти или вовсе слеп (Приложение 6/2: Дьяконов).

²⁰ Сохранились фотографии А. П. в разных ракурсах (см. иллюстрации).

²¹ В 1917–1919 гг. А. П. учился на юридическом факультете Петроградского университета и на юрико-политическом (политико-юридическом) отделении факультета общественных наук (ФОН) Первого Петроградского университета (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, лл. 2, 5, 17; оп. 14, предисловие к оп., с. 6; оп. 14, д. 132, л. 43; 275 лет СПбГУ, с. 301–302).

²² Агния Васильевна Десницкая (1912–1992) — языковед, чл.-корр. АН СССР. Основные труды в области сравнительной грамматики индо-европейских языков, германистики и албанистики. Была директором ЛОИЯ, проф. ЛГУ (БСЭ-3; РГЭС; Филфак СПбГУ-Р).

²³ В одной из автобиографий и в письмах из Саратова А. П. неоднократно жаловался на здоровье, в частности, на сердце (письма А. П. № 14, 15, 19; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 40). В. А. Рифтин иначе описал кончину своего отца (Приложение 6/1: Воспоминания В. А. Рифтина).

Вы сомневаетесь, была ли София Конрадовна японкой. Как рассказывала тетя, ее отец был японец, зимовавший в Петербурге, потом мать вышла замуж за немца, отсюда отчество и фамилия Гуммерт, но облик типично японский, да и у сына А. П. Вовы видно японское «наследство».

Вы прекрасно пишете про искусство убеждать, кот[орым] был наделен дядя Саша. Я думаю, самый разительный пример — это заступничество за Павла Наумовича Беркова. Когда Беркова арестовали, он поехал в Большой дом (думаю, что таких случаев было ничтожно мало) и убедил отпустить Беркова²⁴. Видимо, помня об этом, Берковы, наряду с нами, материально помогали Софье Конрадовне все годы, пока Вова не закончил ЛИ<И>ЖТ.

Конечно, я многое о жизни А. П. не знаю. С удивлением прочитал в 1-м изд[ании] словаря Милибанд (Милибанд, 1975 — Г. К.), что он происходил из семьи купца. Спросил у тети, кот[орая] была тогда жива, и узнал, что купец Понизовский, у кот[орого] дед служил приказчиком (вроде поверенного), купил ему купеческое звание, чтобы он мог переехать в СПб.²⁵ Мл[адший] брат деда рассказывал

---

²⁴ П. Н. Берков в 1921–1923 гг. учился в Венском университете на отделениях египтологии и славянской филологии факультета философии. Защитил диссертацию на тему «Отражение русской действительности конца XIX в. в произведениях Чехова». Получил степень доктора философии Венского университета с отметкой в дипломе «Summa cum laude» (лат. «с величайшей похвалой»). — Г. К.). Был членом Австрийской коммунистической партии. В 1938 г. по необоснованному обвинению был арестован как австрийский шпион. За него поручились Г. А. Гуковский и Н. К. Пиксанов. Под пытками (ему втыкали в нос горящую папиросу) возвел на себя чудовищную напраслину, но ни об одном из своих коллег не сказал дурного слова. В июне 1939 г. его жена поехала в Москву и подала прошение на имя председателя Президиума ВС СССР М. И. Калинина, в котором говорилось, что ее муж невиновен и что если он и признался в чем-либо, то это произошло исключительно в результате «физического воздействия». В августе 1939 г. его выпустили. П. Н. Берков считал, что его спасла жена (Павел Наумович Берков, с. 3, 11; Берков В. П.; Кочеткова, с. 83).

Николай Кириякович Пиксанов (1878–1969) — литературовед, крупный специалист по творчеству А. С. Грибоедова, чл.-корр. АН СССР (КЛЭ, БСЭ-3).

²⁵ Согласно метрическому свидетельству, А. П. родился в купеческой семье: «Ноября 12 (Кислова 3) дня 1900 г. в г. Харькове у Конотопского купеческого сына Пейсаха Давидовича-Шлеймовича Рифтина от законной жены его Сарры Иосифовны-Лейбовны родился сын, коему по обряду евреев наречено имя Александр» (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 7).

Кислов — 3-й месяц традиционного еврейского календаря, в котором год начинается осенью. В I тыс. до н. э. он был 9-м месяцем древнееврейского (Kislaw) и вавилонского (Kislimu) календарей, где год начинался весной (Бикерман, с. 311).

Понизовский, скорее всего, купил П. Д. Рифтину удостоверение купца 1-й гильдии. Такое удостоверение давало право еврею жить в столице. В справочнике «Весь

мне, как он, не имевший такого звания, приезжая в Петербург или Москву по делам того же Понизовского, прятался в уборных от жандармов. При мне дед был бухгалтером на макаронной фабрике. (Он и бабушка умерли в блокаду от голода.)

Отец рассказывал мне, что когда они учились в гимназии Эйзенбета, к ним ходил на дом ребе и учил их древнееврейскому. Учиться они не хотели, поэтому каждый раз после летних каникул заявляли, что все забыли, и просили начать все сначала. Вообще А. П. учился до 5 класса чрезвычайно плохо, но потом вдруг взялся за ум и кончил гимназию с золотой медалью, только медалей уже не выдавали.

То, что Вы единственный раз услышали от А. П. два еврейских слова, не удивительно. И бабушка, и дедушка говорили только по-русски, в редких случаях вставляя в речь еврейские слова, когда надо было кого-то обругать (вроде «мишигине»²⁶, «шейгец»²⁷ и т. п.). То же было и у нас дома.

Кстати, бабушка была очень недовольна, что дядя Саша бросил юридический²⁸ и занялся клинописью, презрительно называя клинопись «флигер какерс»²⁹.

Петербург / Петроград», начиная с 1909 г., можно найти Павла (Пейсаха) Давидовича Рифтина, проживающего по адресу Фонтанка 129, иногда с указанием, что он купец 1-й гильдии. В свидетельстве о приписке к Петроградскому городскому по воинской повинности присутствию, выданному Охтенской пригородной управой 13 июня 1917 г., А. П. обозначен как «1 гильдии купеческий сын Александр Пейсахович Рифтин» (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 8; Весь Петербург / Петроград, 1909, 1911–1915).

Из устных воспоминаний Б. Л.: «У нас дома висел такой огромный портрет этого самого Понизовского, с бородой, который вообще-то жил в Москве на Поварской улице». По-видимому, речь идет о Матвее Григорьевиче (Мордухе Гиршевиче) Понизовском (1873–1968, умер в Париже), купце 1-ой гильдии, одном из учредителей, а затем директоре (председателе правления) Торгово-мануфактурного товарищества Г. С. Понизовского, члене Московского автомобильного общества и члене Московского общества пособия бедным евреям. В справочниках Москвы М. Г. Понизовский с 1911 г. значился по адресу Поварская ул. 42 / Скатертный пер. 34. Дом по этому адресу вошел в историю московского модерна как «Особняк М. Г. Понизовского», построенный в 1903 г. известным московским архитектором Л. Н. Кекушевым. В 1914–1915 гг. он «был полностью перелицован в сухих неоклассических формах, лишившись почти всех примет стиля модерн» (Боханов, 1994, с. 205; Вся Москва, 1911–1917; Нащокина, 2005, с. 415; Незабываемые могилы, 2004, с. 574). Сейчас в нем находится посольство Афганистана.

²⁶ Идиш «сумасшедший, ненормальный».

²⁷ Идиш «озорник, хулиган».

²⁸ По устным воспоминаниям Б. Л. Рифтина, мать А. П. долго не могла простить сыну, что он не завершил юридического образования, так как А. П. прочили блестящую юридическую карьеру, поскольку он очень хорошо говорил.

²⁹ Идиш; точное значение неясно.

Прочитав Вашу книгу, я вновь подумал о судьбе рук[описного] наследия дяди Саши. Софья Конрадовна не выбрасывала ничего (больше всего меня удивляло, что не выбрасывала даже коробки от пельменей). Один раз я был допущен к шкафу в кор[идо]ре, где вместе с керосинкой, примусами и т. п. лежали машинописные тексты лекций (мне кажется, что было и что-то Юшманова). Уже в 70-е годы тетя Феня (так в тексте. — Г. К.) рассказывала с возмущением, что Софья Конрадовна звонила ей и сказала, что приходила одна сотрудница Ин[ститу]та языкознания и просила дяди Сашины материалы к докторской о множественности в языке³⁰, а С. К. отказалась дать ей. Что стало с этими материалами? Видели ли Вы их? С. К. признавала только Вас. Передала ли она что-нибудь в... (На этом письмо обрывается).

*Рифтин В. А. Воспоминания*³¹

Работая по просьбе уважаемой Г. Х. Каплан над воспоминаниями об А. П. Рифтине (моем отце) и перечитывая все надиктованное в Архангельске, я пришел к выводу, что, к сожалению, из-за спешки все происходило несколько сумбурно и теперь нуждается в систематизации хотя бы по периодам жизни, чтобы не перескакивать с одного временного отрезка на другой, что позволит, кроме того, наиболее полно охватить рассматриваемый период: что-нибудь, еще не сказанное, обязательно всплывет из памяти.

Предыстория

Бабушку даже забыл, как звали³². Деда знаю, Павел Давыдович. Знаю, что отец рос в Харькове. Как там жили, он не делился. Отец ничего особенного о родителях не рассказывал, говорил, что дед бухгалтером был, а я особенно и не вникал, т. к. до войны был маленьким — в 1941 году мне исполнилось всего 10 лет. Мама постоянно водила меня с собой за ручку, а в день начала войны 22 июня я второй раз в жизни самостоятельно был направлен в магазин.

---

³⁰ Тема докторской диссертации А. П. «История отрицания в аккадском языке в свете общей теории и истории отрицания» (Приложение 2/3, неопубликованная работа А. П. № 15).

³¹ Владимир Александрович Рифтин (1931–2014).

³² Согласно метрическому свидетельству А. П., его мать звали Сарра Иосифовна-Лейбовна. В одной из анкет А. П. его мать — София Иосифовна Маримонт (ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 31.; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 7).

У моей матери был японский разрез глаз. Кто являлся ее настоящим отцом, и какая у него была фамилия, не знаю. Отчима звали Конрад. Он мою мать удочерил. Она стала Конрадовна. Бабушка (мамина мама) во время революции уехала в Финляндию, и больше о ней никто в семье официально не вспоминал. Тогда не полагалось иметь родственников за границей. Уехала ли она одна, я не знаю. Об этом никто не говорил. Когда я подрос и стал что-либо понимать, начались 1937–39 гг., и об этом опять никто не распространялся.

Отец познакомился с мамой в студенческие годы³³. Она была на десять лет его старше³⁴, работала медсестрой в стоматологической клинике по довоенной (т. е. до Первой мировой войны. — Г. К.) специальности. В первую мировую войну она работала медсестрой в госпиталях на фронте, а после моего рождения и до 1942 г. мать не работала. В Саратове, в эвакуации, ввиду недостатка кадров, она снова вспомнила медсестринский навык и стала работать в университетском здравпункте, а после возвращения в Ленинград продолжила эту деятельность в одном из университетских общежитий до выхода на пенсию в начале 70-х годов прошлого столетия.

Отец с матерью любили друг друга, хотя и жили нерасписанные³⁵. Поэтому, когда отец ушел в мир иной, пенсии никакой ни у меня, ни у нее не было. Отец меня не усыновлял. В метрике о рождении

---

³³ София Конрадовна Гуммерт в 1920 г. по удостоверению об окончании восьмиклассной гимназии Е. Н. Стеблин-Каменской поступила в Петроградский археологический институт. В 1924 г. она окончила археологическое отделение по археологическому циклу ФОН ЛГУ, о чем и получила свидетельство. Так что в 1920–1924 гг. А. П. и С. К. учились вместе сначала в Археологическом институте, а затем в университете (Автобиография А. П.; ОА СПбГУ, ф. 21, оп. л/д студ., д. 7, л. 9).

В 1875 г. В. П. Стеблин-Каменская открыла частное женское учебное заведение с пансионом. В 1884 г. оно было преобразовано в Частную женскую гимназию В. П. Стеблин-Каменской с правами правительственных гимназий. Она располагалась в доме графа Шереметева, Литейный пр. 51. Евгения Николаевна Стеблин-Каменская, дочь В. П., окончила гимназический курс Александровского училища при Императорском воспитательном обществе благородных девиц (Смольном институте). Преподавала русский язык и историю в гимназии своей матери. После увольнения В. П. возглавила ее гимназию, переименованную в Частную женскую гимназию Е. Н. Стеблин-Каменской (ЦГИА СПб. Путеводитель..., с. 66; Коротенко..., с. 60–65, 110–111).

³⁴ С. К. родилась 24 января 1894 г. (Свидетельство о смерти, повторное. Отдел ЗАГС Адмиралтейского района Комитета по делам ЗАГС Правительства Санкт-Петербурга. 26 октября 2012 г.).

³⁵ У Владимира Александровича сохранился отпечаток статьи А. П. «К происхождению вавилонского частно-правового акта» (Приложение 2/1, ст. № 10) с надписью: «Дорогой Танюшке от мужа-автора 22. III 1937 г.».

Таня — видимо, домашнее имя Софии Конрадовны.

были записаны «отец» и «мать». В дальнейшем, когда установили, что окончившие высшие учебные заведения имеют право носить значки, мама обратилась в архив (ЛГУ. — *Г. К.*), там нашли копию диплома об окончании ею университета, и она получила «поплавок» (значок выпускника ЛГУ, имевший форму ромба. — *Г. К.*). Она очень им гордилась, прикрепила к кофте и ходила с ним на работу. Отношение к ней студентов, как она говорила, сразу изменилось: оказалось, простая медсестра не лыком шита, а окончила университет.

Окончила мама его по специальности археология. Но по специальности не работала, а работала только медсестрой. В доме были учебники медицинских сестер, которые я читал, изучал, так что с медициной знаком не понаслышке, что в жизни мне помогает.

У матери на момент начала моей сознательной жизни были две тети, сестры ее матери — Аня и Настя. Тетя Аня жила в переулке Ильича (совр. Большой Казачий переулок. — *Г. К.*) на конце Гороховой (тогда — ул. Дзержинского). Очень любила кошек. В 1938 или 1939 г. умерла. Большая, седая, грустная дама. Все время, как я помню, лежала в постели. Тетя Настя, как мне говорили, работала инкассатором. Она у нас в последний раз была во время блокады, незадолго до эвакуации либо в конце 1941, либо в начале 1942 г. Раз ходила сама, то выглядела сравнительно сносно. Пришла к нам, поговорили, посидели у теплой печки. Больше я ее не видел. Видимо, не пережила блокады. На тетю Настю мама была немного похожа.

Я что-то не помню, чтобы к нам до войны заходили какие-то друзья отца, товарищи по работе, студенты³⁶. Но большие корзины цветов после окончания каждого учебного года появлялись регулярно.

Мы жили в коммунальной квартире с длинным коридором. Наша комната была торцевой, 27 м². Шумных застолий родители никогда не устраивали. Надо сказать, чтобы не погрешить против истины, что и порядка в доме немного было. Но одиночные гости заходили. Бывали у нас соседи по даче в деревне Рапти — Нора Шрейбер, студентка филфака, с матерью. Впоследствии известный переводчик с французского языка Э. Л. Шрейбер³⁷. Забегая вперед, скажу, что в трагические дни февраля 1945 г., когда не стало моего отца, а тело его оставалось еще дома, мы с мамой несколько ночей спали в квартире у Э. Л. Шрейбер, где-то в районе пр. Чернышевского напротив

---

³⁶ И. М. Дьяконов приходил домой к А. П. за консультациями и брал у него кое-какие книги (Приложение 6/2: Дьяконов).

³⁷ Элеонора Лазаревна Шрайбер (см. с. 40, примеч. 48).

«парадного подъезда», воспетого еще Н. А. Некрасовым. Бывала у нас и фотограф Клавдия из санатория, расположенного неподалеку от дачи. Навещал нас и детский семейный врач, когда я был еще маленьким.

После присоединения Западной Украины отец ездил во Львов недели на две. Мать усиленно его снаряжала в эту поездку, потому что тогда был 1939 г., беспорядки, воровство. Сшила шейный мешочек для денег. Он носил его на груди. Привез кое-какие подарки, мне марки, так как я собирал их. Привез ли он какие книги, не знаю (см. Приложение 6/2: Дьяконов).

Библиотека отца, можно считать, пропала. Она хранилась дома. Дом шел под снос. Осталось несколько книг. Одну из них, «Козьма Прутков, директор пробирной палатки и поэт» (Издательство Академии наук СССР. Ленинград, 1933 год), П. Н. Берков в феврале 1933 года подарил отцу с дарственной надписью. Что-то из научной литературы работница домоуправления сдала в букинистический магазин³⁸. Какие-то книги мать продавала, так как денег временами не хватало. Один шкаф, с литературой по искусству, перевезли на новую квартиру, а после смерти матери сдали эти книги в Книжную лавку писателей у Аничкова моста. Была еще художественная дореволюционная литература. Экслибриса у отца не было.

С Павлом Наумовичем Берковым отец общался на работе и, наоборот, на даче. У родителей дачи собственной не было. Но мать, заботясь о моем здоровье, насколько я помню, регулярно вывозила меня на дачу, которую снимали. В частности, в последние годы перед войной, где-то с 1936 г., снимали дачу под Лугой. Там была такая деревня Рапти. От Луги где-то 17 км на берегу Черемнецкого озера, а до этого снимали дачу где-то под Псковом. В этих местах кто-то из университетских мог снимать дачу. Мне вспоминается, что В. М. Жир-

---

³⁸ 15.07.2012 И. М. Дунаевская сообщила мне обстоятельства распродажи библиотеки А. П. В конце 70-х годов И. М. Дунаевской позвонила София Конрадовна или кто-то из домоуправления. Сообщили, что С. К. переехала, а книги сложены в каптерке (подсобке). В домоуправлении хотели освободить подсобку. Возможно, С. К. сказала кому-то из домоуправления, что надо связаться с И. М. Дунаевской. И. М. не помнит, виделась ли она с С. К. или нет. И. М. договорилась с каким-то букинистом, и он переписал книги и назвал цену. Перечень книг попал в руки И. М. Сами книги, видимо, были у букиниста. И. М. купила Леви-Брюля и несколько томов БиЕ, которых у нее не хватало. Все библиотечные книги И. М. вернула в библиотеки. Как И. М. их выявила, она не помнит, может быть, букинист отметил это в списке.

Люсьен Леви-Брюль (Lévy-Bruhl, 1857–1939) — французский философ, психолог, антрополог. Известность ему принесла серия работ о мышлении первобытных народов, основанная на анализе этнографического материала (БРЭ).

мунский мог там быть. Грузный мужчина в белой кепочке, в очках. Может быть, обнаружу фотографии, где он есть.

Мать все время была на работе. Она работала медсестрой в общежитии, хотя и числилась уборщицей. Так ее держали в память об отце. В последние годы она работала в общежитии на Мытне (имеется в виду Мытнинская набережная. — Г. К.). В этом общежитии жили иностранцы, жила Эдита Пъеха³⁹.

Летом мы выезжали в дом отдыха университета на 54-й км Приморского шоссе. Сразу после возвращения университета в Ленинград ему предоставили эту территорию. Там мама работала медсестрой. Ориентир — справа в р-не 54-го км вилла дочери Маннергейма, в которой жило семейство ректора университета А. А. Вознесенского.

На территории дома отдыха были коттеджи. Во время немецкой оккупации там, видимо, развлекалось офицерье. Даже остался старый публичный дом с комнатками (кабинетами) наверху. Место хорошее, на берегу Финского залива песчаный пляж, камней, правда, много. Надо было далеко идти, чтобы искупаться. До глубины надо было пройти 4 мели.

В 1976 или 1978 г. (мать умерла в 1981, на новой квартире прожила, наверно, 3 года) дом, в котором мы жили (Дзержинского 9 / Гоголя 12, кв. 23)⁴⁰, забрал Ленгорисполком. Всех выселили. Мы бегали по городу, искали, куда определить мать, чтобы последние годы было прожить ей не стыдно и удобно. В Октябрьском райисполкоме вначале предлагали подвалы или еще что-то не очень подходящее. Римма Александровна (жена В. А. — Г. К.) была молодой, напористой, и нам в конечном итоге удалось убедить руководство исполкома выделить для мамы хорошую комнату в коммунальной квартире на улице Красная (совр. Галерная. — Г. К.).

В связи с преклонным возрастом мама болела. У нее были трофические язвы, она бинтовала ноги. Бинты с мазью Вишневского часто спадали, за ней волочились. Соседи старались от нее избавиться,

---

³⁹Эдита (Эдита Мария) Станиславовна Пъеха (р. 1937, Франция) — певица, народная артистка СССР. Родители, поляки, работали на угольных шахтах на Севере Франции. Пела с раннего детства, знала много французских и польских песен. В 1946–1955 гг. жила в Польше, окончила педагогический лицей, занималась на курсах русского языка. В 1955 г. поступила на отделение психологии философского факультета ЛГУ. Сразу записалась в хор польского землячества, затем стала солисткой существовавшего при консерватории студенческого ансамбля. В 1957 г. золотая медаль на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве подвела черту любительскому периоду существования ансамбля «Дружба» (Эстрада России).

⁴⁰Совр. адрес: ул. Гороховая, 9 / ул. Малая Морская, 12.

письма писали. Мы с женой хотели ее взять с собой в Архангельск. У нас в Архангельске была четырехкомнатная квартира, собирались выделить ей отдельную комнату. Но мама в Архангельск ехать не хотела, и мы оставили ее в Ленинграде. Насильно ведь не увезешь!

Для оказания помощи по ведению хозяйства к ней женщина одна приходила. Она ее обслуживала, все ей приносила. Мама на улицу уже не выходила. Деньги мы ей посылали, она этой женщине давала.

Может быть, и был у матери рак, но она умерла от старости в возрасте 90 лет. В свидетельстве о смерти было написано: «атеросклероз».

После смерти отца его друзья и сослуживцы помогали нам материально — один раз собрали 11 тысяч, но особо с нами не общались.

Родной брат папы — Лев Павлович⁴¹ мне немного помогал. На первом курсе в 1949 г. я стипендию получал. Потом было не все ладно. Он мне нравочения читал, а я строптивым был и перестал часто у него бывать. С тетей Феней (Фанни Павловна — родная сестра отца) были хорошие отношения. Она была помягче. У ее мужа Якова Абрамовича Липницкого была машина, тогда диковинка. «Москвич»-402 или -407. Уже после окончания института я просил родственника продать мне ее, но он сказал, что обещал ее моему двоюродному брату Борису. Они к нему лучше относились. Детей у них не было. Тетя работала в ЛИТМО, как и Лев Павлович, преподавала английский язык, но меня языку не учила. В Саратове меня стали учить английскому — там было это не очень сложно, преподавателей было много. Первым учителем моим по английскому языку была Блек⁴², имени и отчества ее я, к сожалению, не помню, — преподаватель кафедры. Занятия продолжались и в Ленинграде после смерти отца еще год. Произношение ставили, но разговорному языку не учили. Мама знала французский язык, но она, видимо, знала еще и финский. Учила меня счету по-фински, когда я спрашивал. Сейчас уже забыл. Может быть, она знала и немецкий, но не в полном объеме. До войны ко мне ходила немка Эдла Карловна (так в тексте. — Г. К.), учила меня немецкому языку довольно успешно. Когда началась война,

---

⁴¹ Лев Павлович Рифтин (1902–1963) — крупный механик, доктор наук. Преподавал в ЛИТМО и занимал в нем разные посты: заведующего кафедрой, декана, заместителя директора по учебной и научной работе. Похоронен на Еврейском кладбище СПб. в одной могиле с А. П. (Лукин, с. 462; Тимофеев).

⁴² Возможно: Софья Ильинична Блэк (1896–1985) — старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов (Филфак СПбГУ-Р).

ее на Урал отправили: все-таки была немка. Сейчас немецкий язык у меня на уровне 7-го класса. Некоторые слова всплывают. Когда в Германию ездили, я объяснялся с немцами на уровне обихода: где живем, какая семья. Когда в автобусе экскурсовод вела разговор на немецком, я многое понимал.

На Дзержинского 9 / Гоголя 12 мы жили на пятом этаже. Со стороны ул. Дзержинского была парадная. На ул. Гоголя были ворота. Когда мы с родителями возвращались поздно из гостей, отец нажимал кнопку, выходил дворник, открывал калитку, а отец давал ему на чай 3 рубля. Это я хорошо помню.

Мы бывали иногда в гостях у академика И. И. Мещанинова и, естественно, у родни: у бабушки с бабушкой на Лермонтовском пр., у Льва Павловича на ул. Глинки, у Фани Павловны на набережной Невы. У родителей отца была большая отдельная квартира: двери со стеклами, высокие потолки. Еще где-то на Лермонтовском пр. жили тетя Вера, тетя Фаня, кто-то еще. Это были, наверное, двоюродные сестры отца. Одна из них, может быть, Фаня, работала в Публичной библиотеке. Они жили довольно долго. С Риммой мы бывали у них в гостях. Последний раз мы были у них, по-видимому, в начале 70-х годов.

Отец был высокого роста — 175 см, как мой сын Александр, он и на лицо и по комплекции напоминает мне отца. Мать отцу до плеча не доставала.

До войны не было строгого контроля за обязательным обучением детей в школе, начиная с 8-летнего возраста, поэтому мама считала, что она лучше подготовит меня к дальнейшей жизни, чем это сделают в 1–2 классах, и осенью 1940 года отдала меня прямо в 3-й класс школы № 210 Куйбышевского р-на г. Ленинграда на улице 25-го Октября (так до 1942 года назывался Невский проспект в память о событиях 1917 года). Именно на этом здании в годы блокады была сделана знаменитая надпись, сохраненная навеки: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!»

Предпосылки к моему домашнему обучению у мамы были, т. к. выучился читать я довольно рано: в 4 года, в 1935 г., самостоятельно прочел заголовок в газете «Ленинградская правда» — «Первый день торговли без карточек», довольно успешно писал и считал, изучал немецкий язык.

Во время моей учебы в третьем классе мама принимала активное участие в школьной жизни, участвовала в подготовке спектаклей, помогала мне в приготовлении уроков. Кроме того, раз школа

находилась от дома сравнительно далеко (надо было пересекать оживленную улицу), то она регулярно водила меня в школу и приводила обратно.

Блокада

Теперь немного о жизни в блокадном Ленинграде. Блокада Ленинграда официально началась 8 сентября 1941 г. с захватом немцами г. Шлиссельбурга и продолжалась без малого 900 дней и ночей голода, бомбежек и обстрелов, и была снята стремительным наступлением войск Ленинградского и Волховского фронтов 27 января 1944 г.

В блокаду мы жили в нашей комнате в большой коммунальной квартире на ул. Гоголя. Отец тогда был деканом филологического факультета ЛГУ и, в силу этого являясь начальником объекта, находился на казарменном положении в университете и домой приходил крайне редко. А постоянно нас было трое: мама, я и наша домработница Мария Васильева, которая помогала маме по хозяйству с начала 1941 г., да так и осталась жить с нами в блокадном Ленинграде и эвакуировалась также вместе с нами. Забегая несколько вперед, скажу, что по прибытию в Саратов ее призвали в Красную Армию, была шофером и по окончании войны вернулась в Ленинград, немного пожила у нас, а потом, выучившись на водителя трамвая, успешно работала на городских маршрутах. Дальнейшая судьба ее мне неизвестна — после 1950 г. я ее больше не встречал.

Попытки эвакуировать нас начались еще летом 1941 года по территориальному признаку — просто как жителей Октябрьского р-на Ленинграда. Вызвали родителей, поставили штампы в паспорта, что гражданин эвакуируется в г. Бугуруслан Башкирской АССР, но так никуда и не отправили.

Про голод в Ленинграде сказано и написано очень много, но жить действительно было сложно. Мне постоянно вспоминается полутемная комната и я, проводящий по стенкам голодным взглядом, с единственной мыслью: «Что бы такое съесть?» Напомню, что в самое трудное время ноября–января 1941–42 гг. норма выдачи хлеба на иждивенческую карточку составляла всего 125 грамм, и запасов в доме, таких, чтобы можно было прожить семье полгода, не было.

Кроме того, нас постоянно донимали бомбежки и обстрелы. Особенно опасные бомбежки были осенью 1941 г., когда немецкие самолеты планомерно бомбили начало ул. Гоголя. Начав с разрушения части дома № 4, в последующие налеты бомбы попадали

через дом по четной (нашей) стороне, и последним было падение и разрыв осколочной бомбы прямо напротив нашего дома, но уже по ул. Дзержинского.

Еще одним врагом был холод. Зима 1941–42 гг. стояла морозная, температура воздуха часто достигала 35–40 градусов, дрова закончились, и для поддержания приемлемой температуры воздуха в комнате топить печку приходилось стульями и прочей, ставшей ненужной, мебелью.

Но были и радостные дни. Главной радостью в начале декабря было сообщение о контрнаступлении Красной Армии под Москвой, когда, наконец, немцев отогнали от столицы.

Другой радостью был тот день, когда отец принес домой большой кусок конины от убитой разрывом снаряда где-то неподалеку от университета лошади. Потом был пир!

В страшные, морозные дни блокады из дома на улицу меня, конечно, не выпускали, да я и сам не очень стремился. Лишь один раз, незадолго до отъезда, отец взял меня с собой во время похода на почтамт, благо он от нашего дома находился недалеко. Тогда меня поразило, что нам часто встречались люди, везущие на саночках завернутые тела умерших от голода родственников.

Эвакуация

Из блокадного Ленинграда в эвакуацию нас увезли в Саратов 22 февраля 1942 года. Отец заранее предупредил: «Собирайтесь, будет подвода»... Собрались. Брали только необходимое. Мобильно, компактно не умели собираться. Взяли 2 плетеные корзины, пару маминых больших чемоданов, еще какую-то ручную кладь. Подъехала повозка. Все перетаскали на нее. На санях ехали по всему Невскому проспекту, затем повернули на Литейный, потом на мост и далее до Финляндского вокзала. Посадили нас на поезд до ст. Борисова Грива⁴³. Доехали до Борисовой Гривы. Потом ЧП с вещами случилось, возможно, на конечной станции, а может быть, где-то была пересадка. Вещи выгрузили не туда, куда надо, а на соседний путь. По нему проходил поезд. Несколько наших мест попало под локомотив на метельник⁴⁴: корзина, еще что-то. Они были утрачены,

---

⁴³ Деревня и станция Борисова Грива находятся во Всеволожском р-не Ленинградской обл.

⁴⁴ Устройство, смонтированное на передней части локомотива, для удаления с железнодорожного пути любых посторонних предметов: скота, снега, веток деревьев и т. п. — *Примеч. В. А. Рифтина.*

потому что их сразу народ похватал. Отец говорил, что он у кого-то из рук выхватил свой фотоаппарат.

Александр Павлович очень любил снимать. У него было много фотографий еще благодаря тому, что фотолаборатория находилась, кажется, вблизи факультета. Там проявлял, печатал. Дома этим не занимался.

Приехали на конечный пункт, где произошло ЧП с вещами. Нас погрузили на машины и повезли через Ладожское озеро. Хорошо помню, как мы ехали. Ехали на грузовике в кузове под закрытым тентом. Слышал, как ухали орудия. Но все обошлось. Мы добрались до станции, какой — не помню, где нас ждал состав из жестких плацкартных вагонов, который должен был доставить нас до Саратова. Произошло опять небольшое ЧП. Голодным ленинградцам было положено питание. Мать пошла за ним. Давали щи и еще какое-то второе. Она с 3-литровым бидоном этих щей залезала на поезд и опрокинула его. Огорчений было много. Но, с другой стороны, не знаю, сделала она это нечаянно или нарочно. Если нарочно, то, наверно, потому, что многие голодали, а после ленинградского голода сытный обед из жирных щей мог вызвать заворот кишок или еще что-нибудь. Вот мы и подумали, что не нарочно ли она это сделала.

Как мы выгружались в Саратове, не помню. Привезли нас в гостиницу «Россия». Это угол пр. Кирова и ул. М. Горького. Ул. М. Горького шла от Волги до Приволжской возвышенности. Горы были видны. В этих горах над Приволжской возвышенностью, в условиях плохой видимости, разбилась известная советская летчица Марина Раскова, участница легендарного довоенного беспосадочного полета женского экипажа на самолете «Родина», а во время войны командир авиационного полка дальних бомбардировщиков. В центре города был сад «Липки». Там похоронили экипаж, а ее тело увезли в Москву и похоронили у Кремлевской стены.

Жили мы в гостинице на 4-м этаже в к. 418. Из-за отсутствия центрального отопления в нашем номере стояла печка буржуйка, ее мы топили деревянными лыжными палками, которые покупали в соседнем спортивном магазине.

Александр Павлович так же читал в университете лекции. Ленинградских студентов тоже вывезли и объединили с саратовскими. Там же, в саратовской эвакуации, находились артисты театра МХАТ имени А. М. Горького.

Они жили в гостинице «Европа», которая находилась напротив гостиницы, в которой жили мы. Спектакли шли в Саратовском

драматическом театре, куда я с мамой несколько раз ходил на их представления. Смотрели пьесу «Синяя птица» Метерлинка, новую пьесу К. Симонова «Русские люди».

Я с малых лет, видимо, был приучен (или это как-то само собой получилось) к общественной работе. Помню случай в Саратове. Университетское профсоюзное начальство организовало культпоход в соседний кинотеатр на фильм «Свинарка и пастух», который только-только вышел на экраны, а ректор университета назначил совещание как раз на начало сеанса. Ослушаться, естественно, никто не посмел, и несостоявшийся культпоход мог обернуться для организаторов большими финансовыми потерями. Но то ли мне поручили, то ли я вызвался сам, но я успешно реализовал почти все билеты, так что убытка большого не было. Тогда я и увидел этот фильм впервые...

С отцом мы частенько ездили на рыбалку. На Волге он, как заядлый рыбак и фотограф, много фотографировал. Выезжали через Волгу на речном трамвайчике на какой-то остров. Он ездил туда ловить белорыбицу, леща, плотву, потому что с прикормкой хорошо клевало. Кашу дома варил. Не помню, была ли поймана крупная рыба. Он учил меня плавать, но тогда я так и не научился; то ли он методики не знал, то ли я был бестолковым. Научился плавать я много позднее.

Приехав в Саратов, я тогда не думал, что скоро война приблизится и к этому городу. По мере продвижения немцев к Сталинграду и во время битвы за него начались, а потом и усилились бомбежки города, которые проходили в основном по ночам, а по утрам мы, мальчишки, бегали по улицам и собирали еще теплые осколки зенитных снарядов, которыми зенитчики обстреливали и сбивали вражеские самолеты.

Но мирные кварталы немцев уже не очень интересовали. А бомбили они важные объекты — так тогда называли заводы «Крекинг» и «Комбайн». Для непосвященного читателя поясню, что завод «Крекинг» был нефтеперегонный, и от него во многом зависело снабжение фронта горючим, а завод «Комбайн» в годы войны выпускал самолеты, очень нужные фронту, истребители марки «ЯК» конструктора А. С. Яковлева.

Здесь, в Саратове, я впервые начал заниматься обеспечением семьи продуктами питания. Чтобы «отоварить» продовольственные карточки, приходилось мне затемно вставать и идти занимать очередь в близлежащий продовольственный магазин, дожидаться своей очереди и после покупки бежать в школу на уроки.

В Саратове я окончил 4-й и 5-й классы. Отец со мной уроками не занимался, ему было не до этого. Мать иногда занималась. Учился не очень хорошо. Не хватало учебников, тетрадей и других письменных принадлежностей. Писали на газетах, оберточной бумаге, что было вполне объяснимо — шла Великая Отечественная война.

Когда мы узнали, что 27 января 1944 г. была снята вражеская блокада с Ленинграда, все начали готовиться к возвращению домой.

Возвращение

В Ленинград мы вернулись в начале августа 1944 г. И сразу все оказались при деле: мать с отцом на работе, а я снабжал семью продуктами питания. Нам выдали на всех троих карточки.

Карточки были прикреплены к распределителю для ученых, который находился в начале Большого пр. Петроградской стороны, д. 5, у Тучкова моста, недалеко от стадиона им. В. И. Ленина. С карточками с ул. Гоголя, где мы жили, я ездил туда за продуктами. Во время учебного года я ездил туда сразу после школы, до приготовления уроков, потому что магазин мог закрыться. Пока добирался туда и обратно, уставал, хотелось есть, спать. Помню, там овощи давали, мне пришлось доставлять домой мешок с капустой. Стояла осень 1944 года, мне было 13 лет. Сколько я мог нести? Килограммов 15. Добирался домой на перекладных — на нескольких трамваях.

Конфликт у отца был с ректором ЛГУ А. А. Вознесенским. Понизили отца в должности⁴⁵. Мне казалось, что он был все время усталый. Отец много работал дома, особенно до войны. Сердце как он довел? Много ночами работал, потому что днем основная работа, а вечером работа над книгой, над статьями. У нас была настольная металлическая лампа с таким абажуром, чтобы никому не мешать. Комната с одним окном не была разделена. Дом колодезного типа. Солнце заглядывало в комнату только рано утром, с края окна.

---

⁴⁵ «27 марта 1945 г. прибыла в Ленинград в 13.30. Узнаю, что полтора месяца тому назад, 6 февраля 1945 г., скончался Александр Павлович Рифтин. Ему было всего лишь 45 лет (44 года. — Г. К.). Его раннему уходу немало способствовал ректор Ленинградского университета А. А. Вознесенский, лишивший его деканства и профессорства и, главное, на корню подрывивший осуществление прекрасной идеи А. П. Рифтина о необходимости единой филологической и лингвистической подготовки, одинаково основательной для специалистов по всем языкам, в том числе и восточным. Выделение восточного факультета, как и предсказывал Александр Павлович Рифтин, привело к массовому производству на протяжении более 50 лет дипломированных востоковедов, не разбирающихся в языкознании (единичные исключения здесь ничего не меняют)» (Дунаевская, с. 385–386; ср. письма А. П. № 15, 17; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1504, л. 18).

Когда у отца случился приступ стенокардии, я спал. Меня разбудил крик матери: «Папа умер! Папа умер!» Мама по телефону вызвала скорую помощь, но в то время из-за отсутствия бензина, который шел на нужды фронта, скорая «ходила» пешком и «пришла» только через 1,5 часа после вызова, т. к. был февраль месяц 1945 г., ночь и снежные заносы. К сожалению, помощь опоздала, и двум девушкам, которые в конце концов появились, осталось только констатировать смерть. Похороны состоялись, кажется, 9 февраля.

Прощание с отцом было на филологическом факультете, на втором этаже. Играли траурный марш Шопена. Перед этим мы болезненно восприняли, что надо делать вскрытие.

Когда его хоронили, я помню похоронную процессию. Тогда автобусы в этом не участвовали, их просто не было. Народ шел колонной. Голова колонны была на ул. Герцена (совр. Б. Морская. — Г. К.), а хвост — у Александровского сада. Протяженность похоронной процессии, таким образом, была около полукилометра. Похоронили отца на Преображенском кладбище⁴⁶.

От отца остались безопасная металлическая бритва с надписью «Жилет» на английском языке, зеркало, перед которым он брился; два фотоаппарата: ФЭД с надписью «ФЭД. Трудкоммуна НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского. Харьков» и немецкий фотоаппарат с гармошкой и цейсовской оптикой. Часовщицкая лупа (А. П. использовал ее при копировании клинописных текстов. — Г. К.) где-то потерялась. Остался нож для бумаги из дерева, какого — непонятно. Осталась немецкая зажигательная бомба, которую отец принес, когда был начальником объекта филологического факультета. На ней написано, куда она попала: 3-й дровяной склад. Ее разрядили, и отец принес в качестве сувенира. Она была темного цвета, но побелела от времени.

Сохранилась древнеегипетская статуэтка богини Исида, держащей на коленях Гора. Не хватает креслица, на котором сидела Исида, и опоры, на которой держалась статуэтка⁴⁷. Насколько я помню, она

---

⁴⁶ Ныне Еврейское кладбище (Лукин, с. 462).

⁴⁷ «Бронзовая статуэтка представляет собой весьма распространенную в Египте сцену: богиня Исида кормит грудью младенца Хора. Исида изображена в характерной для нее короне в виде коровьих рогов с солнцем между ними, а также с “уреем” на голове; Хора также отличают божественный символ “урей” и свешивающийся до левого плеча “локон юности”. Согнутые ноги Иисиды стоят на небольшом квадратном постаменте, по торцовым краям которого на схожих бронзах часто вырезались имена

всегда стояла у отца на столе в стеклянном стаканчике для карандашей. Он даже в Саратов ее брал.

Александр Павлович был награжден медалью «За оборону Ленинграда». У Софьи Конрадовны — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медаль, выпущенная к 250-летию основания Ленинграда. Медали сохранились.

Теперь немного о себе

В Ленинграде, пока я акклиматизировался после Саратова, 1-ю четверть в 6-м классе окончил с четырьмя двойками. Вначале меня определили в неполную среднюю школу № 225. Она находилась недалеко от Исаакиевского собора и бывшего немецкого консульства. После окончания 7-го класса в 1946 г. меня перевели в 232-ю среднюю школу на ул. Плеханова (совр. Казанская. — *Г. К.*). Школа была знаменитой. Там когда-то учились дети А. С. Пушкина, впоследствии известный путешественник Миклухо-Маклай, руководитель ТЮЗа Брянцев и другие знаменитые люди. Информация о школе есть в «Одноклассниках» (социальной сети. — *Г. К.*), где пофамильно указаны все выпускники.

Потом был ЛИИЖТ, механический факультет. Пошел туда, потому что с детства транспорт любил, автомобилями грезил. Мать одобрительно отнеслась к поступлению в этот институт, помогла поступить. Окончил его в 1954 г. по специальности «Паровозы и паровозное хозяйство», но в дальнейшем, ввиду предстоящего вытеснения паровозов более прогрессивными видами тяги — тепловозной и электровозной, в 1956 г. я поступил на заочное отделение и в 1961 году окончил электротехнический факультет того же института по специальности «Электровозы и электровозное хозяйство».

божества и человека, заказавшего статуэтку; на рассматриваемом предмете такая надпись отсутствует. Фигурка крепилась с помощью двух шипов, сохранившихся под постаментом и под талией Иисуса. По причине длительного времени бытования таких бронз и отсутствия специфических датирующих признаков датировать памятник можно только очень приблизительно, поздним или следующим за ним Птолемеевским периодом (ок. 664–630 гг. до н. э.). Подобные статуэтки помещались в храмах или в часовнях в качестве дара божееству, отлитому в бронзе. Некоторые из них могли устанавливаться на деревянных подставках с отверстиями, в которые вставлялись шипы для крепежа (они есть и на рассматриваемом предмете); на таких подставках могла быть вырезана посвятельная надпись». (Автор описания — к. ист. н., н. с. Отдела Востока ГЭ А. Н. Николаев. В 2014 г. Андрей Владимирович Рифтин, сын В. А. Рифтина, подарил статуэтку ГЭ в память об А. П.)

Урей < греч. οὐραῖος < егип. «та, которая поднялась» (?). В данном случае урей — кобра в стойке перед броском.

В 1954 г. после окончания института я по распределению уехал из Ленинграда в Архангельскую область, где добросовестно отработал на железнодорожном транспорте 46 лет, вышел на пенсию с должности начальника отдела статистики Архангельского отделения Северной ж. д. и живу в настоящее время в г. Архангельске. За это время родились и выросли новые поколения — дочь и два сына, три внука и три внучки, два правнука и две правнучки. Продолжателем фамилии, к сожалению, является только один внук — Кирилл Андреевич Рифтин, который вряд ли будет продолжателем династии по профессии, а продолжательницей по профессии может стать внучка Влада Александровна, которая учится в аспирантуре по романогерманской филологии.

Сейчас мне 81 год. Оглядываясь на прожитые годы, могу с уверенностью сказать, что прожил я их достойно, ничем не омрачив память своего известного отца.

*Струве В. В. Письмо И. М. Дьяконову*⁴⁸

Глубокоуважаемый Игорь Михайлович!

Горячо приветствуя Вашу инициативу организовать в руководимой Вами группе древневосточной филологии ИНА заседание, посвященное памяти выдающегося советского ассириолога и шумеролога Александра Павловича Рифтина, я вместе с тем очень прошу Вас дать разрешение огласить на этом заседании те шесть моментов в научно-исследовательском творчестве основателя школы клинописных дисциплин в нашем Ленинградском университете, которые, как я полагаю, имели большое значение для развития как советской древневосточной филологии, так и для советской истории Древнего Востока.

Первым из этих моментов является та помощь и поддержка, которые оказал мне А. П. Рифтин, в качестве специалиста в области ассириологии, в 1927 г. при определении понятия **π** в вавилонской математике. Определение же **π** в вавилонской математике имеет большое значение для истории культуры человечества.

Второй крупной заслугой А. П. Рифтина перед наукой о Древнем Востоке является тот примечательный факт, что он уже в своем прекрасном труде «Старовавилонские юридические и администра-

---

⁴⁸ Хранится в архиве И. М. Дьяконова. Письмо не датировано. Оно было написано не ранее 1960 г. (в этом году ИВ был переименован в ИНА (Кузнецова)) и не позднее 1965 г. (15 сентября этого года В. В. Струве умер).

тивные документы в собраниях СССР». 1937 г., т. е. до опубликования «Краткого курса» И. В. Сталина⁴⁹ признал силу аргументов в пользу определения древневосточных обществ рабовладельчески-ми⁵⁰. После же выхода в свет «Краткого курса», как известно, все стали признавать рабовладельческий характер вавилонского и других древневосточных обществ.

Третьим весьма существенным достижением научного исследовательского творчества А. П. Рифтина было установление им в курсе шумерийского языка, читаемого им своим слушателям, того факта, что шумерийский язык знал не категорию времени, а категорию вида, совершенного и несовершенного. Из зарубежных шумерологов четко выдвинул наличие видов в шумерийском языке один лишь французский шумеролог Р. Жестэн, который в своем фундаментальном трехтомном труде, посвященном шумерийскому глаголу, указывает на наличие здесь вида *achevé* (совершенный) и *inachevé* (несовершенный). К сожалению, он уже во II томе своего труда начал сомневаться в закономерности этой установки и уже в 1951 г. в своей краткой грамматике шумерийского языка он отказался от видовых терминов и вернулся к категории времени. Жестэн заменил термин *inachevé* (несовершенный) термином *actualisé* (действенный), соответствующий презенс-футурум'у, а *achevé* (совершенный) заменил термин *nonactualisé* (не действенный), соответствующий претериту⁵¹. — Поскольку таким образом Р. Жестэн отказался от использования терминов вида *achevé* и *inachevé*, то из этого следует, что единственный исследователь, который четко указывал на зна-

---

⁴⁹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б), 1938 год. Горьковское областное издательство, 1938 г. (Автор не указан.)

В том же 1938 году Краткий курс был опубликован в нескольких издательствах. В дальнейшем он многократно переиздавался.

⁵⁰ «Данные для социально-экономической характеристики этой и предшествующих эпох (имеются в виду старовавилонский период и более ранние периоды. — Г. К.) см. в последних работах Струве (в Известиях ГАИМК, вып. 77 и 97, Л., 1934 и в Сборнике в честь С. Ф. Ольденбурга, с. 495 и сл.), где привлечен обширный материал и богатая литература. Я считаю, что автору удалось поколебать теорию феодализма на почве Древнего Востока и привести данные, говорящие о большем значении рабства, чем это предполагалось раньше» (Рифтин, с. 14, примеч. 17).

⁵¹ *Jestin R. R. Verbe sumérien: I. Le verbe sumérien, déterminations verbales et infixes. Paris, 1943 (Études orientales publiées par L'Institut français d'archéologie de Stamboul, 7); II. Le verbe sumérien, préfixes, particules verbales et noms verbaux. Paris, 1946 (Études orientales..., 9); III. Le verbe sumérien. Complément. Paris, 1954 (Études orientales..., 13). Он же. Abrégé sumérienne. Paris, 1951 (Borger).*

чение категории вида в шумерийском языке, был А. П. Рифтин, и наш долг, его товарищей и его учеников, должным образом отметить его ценнейший вклад в шумерологии.

В качестве четвертого момента надлежит отметить те многочисленные дополнения и наблюдения, которые присылал А. П. Рифтин составителю шумерийского идеографического словаря А. Деймелю⁵², откликнувшись на призыв составителя грандиозного словаря ко всем специалистам присылать ему не учтенный материал. На этот призыв наш советский шумеролог ответил столь обильной присылкой ценного шумерийского лексического материала, что он затмил собой дополнения всех прочих корреспондентов А. Деймеля. Поэтому последний отметил в своем предисловии из всех своих корреспондентов одного лишь А. П. Рифтина, указав на то, что «на его призыв особенно щедро откликнулся проф. А. Рифтин, за ценные дополнения которого я высказываю ему также публично мою лучшую благодарность»⁵³.

Пятым вкладом в сокровищницу советской шумерологии следует считать результаты проверки А. П. Рифтиным чтений отдельных знаков в знаменитом издании основоположника русской ассириологии и шумерологии М. В. Никольского клинописных табличек эпохи царя-реформатора Урукагины. Это издание, опубликованное в 1908 г., подарило исторической науке более 300 ценных источников в качестве образцово выполненных автографий самого издателя, но, как это всегда бывает при первоиздании древних письменных памятников, в эти автографии вкрались некоторые мелкие неточности в написании отдельных знаков. Все эти мелкие неполадки были установлены А. П. Рифтиным в статье, опубликованной в 1929 г. в первом выпуске Сборника Египтологического кружка при Ленинградском госуд[арственном] университете (см. Приложение 2/1, ст. А. П. № 2. — Г. К.).

---

⁵² Антон Даймель (1865–1954) — ассириолог. Его фундаментальный труд «Panteon Babylonicum» (1914 г.) содержит все имевшиеся на тот период сведения об ассирио-вавилонских богах. Издал множество шумерских текстов. Главный труд его жизни — много томный словарь «Sumerisches Lexikon» — незаменимое пособие при изучении шумерского языка (Falkenstein).

⁵³ „Ich wiederhole aber hier dieselbe Bitte, die ich im Vorwort des 1. Bandes an alle Benutzer dieses Werkes richtete ”mir ihre Notizen über die aufstoßenden Mängel und Lücken zuzuschicken, damit sie bei den sicher notwendigen Nachträgen Verwendung finden können”. Diesem Aufrufe kam in besonders ergiebiger Weise Prof. A. Riftin (Petersburg) nach, für dessen wertvolle Beisteuer ich ihm auch öffentlich meinen besten Dank ausspreche“ (Deimel, 1930, S. III).

В том же выпуске Сборника Египтологического кружка были опубликованы А. П. Рифтиным три неизданные шумерские таблички из бывшего собрания Н. П. Лихачева, и издание одного из этих документов является, как я полагаю, шестым заслуживающим внимания моментом в научном творчестве Александра Павловича, который заслуживает высокой оценки. Дело в том, что в этом документе мы имеем весьма своеобразно сформулированную приставку к имени непосредственного предшественника Урукагины — Лугаланды⁵⁴, которая дает возможность сделать интересный вывод о положении последнего среди прочих правителей Шумера.

Я надеюсь, что мое краткое сообщение будет содействовать вместе с Вашим центральным докладом выявлению того огромного значения, которое имела для ассириологии и шумерологии научно-исследовательская деятельность крупного советского ученого, профессора Ленинградского госуд[арственного] университета Александра Павловича Рифтина.

В. Струве

2. ИЗ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ И ВОСПОМИНАНИЙ

***Баренбаум И. Е.*⁵⁵ Из очерка «Из воспоминаний об университете. Учителя...» (Баренбаум, 1998, с. 164)**

Любимцем студентов факультета был профессор Александр Павлович Рифтин (1900–1945). Крупный, полный, с черными, гладкими волосами, он буквально завораживал нас своими лекциями по общему языкознанию. Особенно увлекательно говорил он о яфетической теории академика Н. Я. Марра. Он был учеником и последователем Марра, который тогда был непрекаемым авторитетом и признанной главой советского языковедения. То, что говорил Рифтин, было для нас необычайно убедительно, логично, неопровергаемо. Рифтин был искусным лектором, умел «поражать», ставить неожиданно в тупик... Помню впечатление, которое произвел на всех нас обращенный к нам вопрос: «Что такое “стол”?»

Нас приглашали дать определение этому понятию, раскрыть его «семантику» (для нас тогда слова «семантика», «этимология» звучали как откровение, как что-то очень научное, труднодостижимое).

⁵⁴ Лугальянда (Бикерман, с. 180).

⁵⁵ Иосиф Евсеевич Баренбаум (1921–2006) — историк книги, книговед, библиограф (БЭ).

Действительно. Что такое «стол»? Мы пожимали плечами, улыбались, переглядывались. Кажется, никто тогда не рискнул «вылезти» со своим определением...

«Зацепив» нас, Рифтин затем спокойно, обстоятельно, уверенный, что наше внимание к лекции приковано уже надолго, продолжал разговор о законах развития языка. Мне этот эпизод врезался в память и много лет спустя, когда я уже сам преподавал в вузе, я припоминал его и проверял вновь и вновь подобную методику на своих слушателях. И она работала, как работает еще и сейчас.

К сожалению, с А. П. Рифтиным мы расстались уже после первого курса. Будучи специалистом по ассириологии, он читал у востоковедов. И теперь я лишь встречал его в кулуарах факультета и на собраниях. Последний раз я видел его в Саратове в 1944 г., во время эвакуации. Он вместе с Александром Григорьевичем Гуковским⁵⁶ присутствовал на лекциях Владимира Давыдовича Резника⁵⁷ по эстетике. Надо полагать, это была «учеба» у талантливого лектора.

*Дьяконов И. М. Из «Книги воспоминаний»
(Дьяконов, 1995)⁵⁸*

С. 290

(1933 г.) Через несколько дней после нашего возвращения с юга у папы в кабинете раздался телефонный звонок. Неизвестный мужской голос попросил Игоря Дьяконова. Я подошел, назвался.

---

⁵⁶ Речь идет, по-видимому, о Г. А. Гуковском.

⁵⁷ Владимир (Вольф) Давыдович (Давыдович) Резник (1903–1992, публиковался под псевдонимом Владимир Давыдович Днепров) — литературовед, к. филос. н., доцент. Окончил философское отделение ИКП. Защитил диссертацию «Проблема трагедии в эстетике Лессинга». В разные годы работал зав. кафедрой философии СаратовГУ, зам. декана философского ф-та ЛГУ, преподавал и в других вузах страны. Читал лекции по логике, курсы по истории философии и истории эстетики. Его книги и статьи посвящены в основном теоретическому анализу историко-литературного процесса, публиковал также исследования о музыкальной эстетике, о проблемах искусства. Работы: «Голстой-художник: изменчивость характеров», «Идеи, страсти, поступки: Из художественного опыта Достоевского», «О музыкальных эмоциях» и др. В Гражданскую войну вступил добровольцем в Красную армию, после тяжелых ранений стал инвалидом (перестала действовать левая рука), несколько лет занимал ответственные комсомольские посты. В 1935–1938 гг. был арестован и находился под следствием (Журнал «Звезда»). Библиографический указатель; КЛЭ; Писатели Ленинграда; ОА СПбГУ, ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949, д. 1492).

⁵⁸ Указаны страницы по «Книге воспоминаний» И. М. Дьяконова, из которых сделаны выписки. Сноски автора помещены в текст в фигурных скобках.

— С вами говорит Александр Павлович Рифтин. — Я слушаю, Александр Павлович. — С этого учебного года на первом курсе языковедческого отделения открывается цикл ассириологии и гебраистики. Мне говорил Николай Владимирович Юшманов, что вы интересуетесь ассириологией. Не хотели бы вы перейти к нам?

— Что Вы, Александр Павлович, еще бы! Конечно!

И так начался мой второй первый курс — на языковедческом отделении.

С. 294–295

Надо сказать, что разница между историческим отделением 1932/33 г. и лингвистическим 1933/34 г. была разительной. Там мы могли дремать на лекциях, готовиться регулярно только к семинарам по политэкономии, а на подготовку к каждому экзамену тратить максимум два-три дня или даже два вечера. На лингвистическом отделении А. П. Рифтина нужно было после шести часов занятий готовиться ежедневно еще не менее четырех-шести, а то и восьми часов, а каждый экзамен требовал долгой и серьезной подготовки.

С. 302

...он невольно сказал: «мазл тов!»⁵⁹ («слава Богу!»). Это единственное еврейское выражение, слышанное мною от него: Рифтин был в высшей степени русской культуры человек⁶⁰.

С. 309–310

Александр Павлович Рифтин вел у нас на первом курсе специальный предмет... преподаватель языка он был идеальный; не выучиться у него просто было нельзя. После зазубривания первых клинописных «ста знаков» начался собственно курс аккадского языка. Вот тут-то и было самое главное. Занятия шли так: первый из двух ежедневных уроков он начинал с повторения определенного раздела русской грамматики (правильно считая, что из школы студенты ее не помнят) и лишь затем излагал соответствующий раздел грамматики аккадской; в начале следующего урока он вызывал к доске и заставлял писать парадигму за прошлый урок, и не двигался дальше, пока мы не ответим эту парадигму без ошибок и наизусть; на втором уроке в тот же день мы читали текст. Часов на языковые занятия было достаточно (четыре-пять двойных уроков в шестидневку), так что мы проходили весь грамматический курс на первом курсе и успевали прочесть два больших текста. Мы читали по немецким учебным

⁵⁹ Иврит, букв. «хорошая судьба».

⁶⁰ Ср. Приложение 6/1: Б. Л. Рифтин.

пособиям, пользуясь приложенным к ним немецким словарем. Это было не очень трудно, так как число текстов в хрестоматии Делича⁶¹ было не особенно велико, и, соответственно, словарь был небольшой, и хотя он и был, по семитологическому обычаю XIX века, расположен в порядке согласных корней, и по еврейскому, а не по латинскому алфавиту, и притом давал, естественно, лишь немецкий, а не русский перевод слова, но находить семитские корни я научился еще у Юшманова; Ника Ерехович тоже быстро усвоил эту премудрость (поскольку параллельно мы занимались и древнееврейским; а Липин знал идиш, а потому читал еврейские буквы... понимал и немецкие слова). Александр Павлович никогда не спрашивал, знают ли студенты немецкий: учили же они его в школе! В конце недели по всем языковым занятиям выставлялись оценки по пятибалльной системе.

На следующий год мы быстро повторили грамматику и прочли еще несколько текстов: в первом полугодии «Поход Саргона⁶² на Урарту» — тяжелый текст, после одоления которого чувствуешь, что уже взаправду стал ассириологом; во втором — несколько литературных текстов, а также Законы Хаммурапи. А. П. читал нам краткий курс ассиро-вавилонской литературы, но при этом во второй час (учебные часы были сдвоенные) мы читали разбираемые литературные тексты по транскрипции из французской книги Дорма⁶³. На третьем курсе мы читали дальше аккадские тексты, в том числе много староассирийских и среднеассирийских надписей и законов, а кроме того, проходили шумерскую грамматику и читали простые шумерские тексты; на четвертом А. П. читал введение в клинописное право, а в классе мы читали с ним образцы старовавилонских юридических документов и писем и старовавилонскую версию эпоса о Гильгамеше, а по-шумерски — надписи Гудеи⁶⁴ и Урукагины. Кроме того, для меня и Ереховича Александр Павлович читал краткий курс введения в хеттский язык {В печати появилось сообщение, что первым в Ленинградском университете вел курс хеттского В. К. Шилейко. Это не так: В. К. Шилейко занимался с Александром Павловичем хеттским, но это было до появления первых грамматик и учебников, так что это был, скорее, неофициальный совместный

⁶¹ Приложение 4/2.

⁶² Саргон II (721–705 гг. до н. э.) — царь Ассирии (Mieroop, p. 317).

⁶³ *Dhorme P. Choix de Textes Religieux Assyro-Babyloniens. Transcription, Traduction, Commentaire. Paris, 1907.*

⁶⁴ Гудеа (ок. 2100 г. до н. э.) — правитель шумерского государства Лагаш (Mieroop, p. 63).

разбор текста, чем систематический курс. Официально Шилейко читал курс «клинописи» вообще: тут были и шумерский, и аккадский, и хеттский языки, причем на уровне последних достижений мировой науки}... Наконец, на пятом мы читали у А. П. по-шумерски «Цилиндр А» Гудеи — необыкновенно трудный текст; занятия превращались в споры, и нередко Рифтин признавал толкование, предложенное мной или Ереховичем, более удачным, чем свое. На пятом же курсе А. П. читал историю аккадского языка с чтением образцов текстов из всех диалектов и эпох...

Помимо аккадского и — с третьего курса — шумерского, для ассириологов и арабистов был обязателен древнееврейский. На первом курсе нам его читал И. Г. Франк-Каменецкий...

С. 312

...необыкновенно интересен был курс введения в семитологию, который читал на первом курсе Николай Владимирович Юшманов. Александр Павлович сделал ошибку, что поставил «Введение» на первом курсе — это был «не в коня корм», потому что никто еще не знал никаких семитских языков, и все, что рассказывал Н. В., ни с чем не могло ассоциироваться и не могло заинтересовать. Поэтому кроме двух-трех студентов, уже познакомившихся с арабским или ивритом, его никто не слушал...

Николай Владимирович всегда входил в аудиторию с опозданием минут на пятнадцать, садился, хмыкал, улыбался в пышные рыжие усы и рассказывал кому-нибудь из сидевших в первом ряду некий анекдот или вспомнившийся случай, иной раз на идиш; затем уже приступал к лекции. Читал он, излагая свои факты с необыкновенной логичностью и краткостью, и его легко было записывать. Но курс был годичный, а свой материал по введению в общую семитологию он легко уложил в течение первого полугодия.

Во втором полугодии курс его стал фантастически интересным — о чем он только не рассказывал! О родстве семитских языков с так называемыми «хамитскими», о теории неточных фонетических соответствий А. Майзеля⁶⁵, о гипотезе первичных диффузных фонем,

---

⁶⁵ Имеется в виду Соломон Сергеевич Майзель — востоковед, к. филол. н. Окончил МИВ, преподавал турецкий, персидский и арабский языки в этом институте, в ИКП и в ВДШ. Работал переводчиком в Торгпредстве СССР в Турции и в Иране. Работы: «Арабские и персидские элементы в турецком языке», «Учебник турецкого языка», «Пути развития корневого фонда семитских языков» (докторская диссертация, которую А. Ю. Милитарев подготовил к изданию) и др. (Биографическая справка; Милибанд, 2008).

об искусственных языках, об обстоятельствах изобретения воляпюка⁶⁶ и эсперанто, о теориях Щербы⁶⁷ и Шахматова⁶⁸, о происхождении редких русских слов, фамилий русских и еврейских, об эпизодах из жизни Юлия Цезаря Скалигера⁶⁹, Нёльдеке⁷⁰ или Велльгаузена⁷¹, о принципах топонимики с примерами из России, о сложнейших этимологиях русских слов «зимогор» и «абрикос», причем давал разбор закономерности каждого перехода из языка в язык — «абрикос» проходил через шесть языков — всего не только не перечислишь, но даже и не вспомнишь.

Александр Юрьевич Милитарев (р. 1943) — лингвист-компаративист (афразистика), д. филол. н. Окончил МГПИИЯ, н. с. ИВ РАН и ИВКА РГГУ (Милибанд, 2008).

⁶⁶ Волапюк (volapük < англ. world speak «всемирный язык») — первый искусственный язык, получивший реализацию в общении, изобрел И. М. Шлейер в 1880 г. (опубл. в 1882) в Германии (ЛЭС, с. 201).

Иоганн Мартин Шлейер (Schleyer, 1831–1912) — католический богослов, писатель, языковед (DBE).

⁶⁷ Лев Владимирович Щерба (1880–1944) — языковед, один из зачинателей теории фонемы (фонологии), д. филол. н., акад. АН СССР. Заведовал кафедрой сравнительного языкознания и санскритского языка, кафедрой фонетики и др. Его имя носит Лаборатория экспериментальной фонетики при кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков (ЛЭС, с. 554; Филфак СПбГУ-Р).

⁶⁸ Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) — доктор русского языка и словесности, акад. СПБАН. Область научных интересов: языкознание, история восточных славян, древние рукописи, русская диалектология, история русского языка. Был зав. кафедрой русского языка и словесности (Филфак СПбГУ-Р).

⁶⁹ Юлий Цезарь Скалигер (Ж. С. де Лескаль, наст. имя Джулио Бордони, Bordoni, 1484–1558) — французский филолог, критик, поэт, врач. Писал на латинском языке. Автор письма-памфлета против Эразма Роттердамского. В работе «Поэтика» дал определение стихотворных и драматических жанров и обосновал закон о трех единствах драмы. Написал грамматику латинского языка, в основу которой положил новые идеи и методы, нарушавшие многовековую традицию (БСЭ-3).

⁷⁰ Теодор Нёльдеке (Nöldeke, 1836–1930) — немецкий востоковед, филолог и историк. Почетный член АН СССР. Автор работ по семитологии, арабистике, иранистике, тюркологии. Важнейшие работы посвящены происхождению Корана и хронологии создания его частей, древней и средневековой истории Ирана, истории семитских языков, крупнейшим памятникам литературы Востока («Шахнаме», «Калила и Димна» и др.) (БСЭ-3).

⁷¹ Юлиус Велльгаузен (Вельхаузен, Wellhausen, 1844–1918) — востоковед-семитолог, библеист, один из основных представителей немецкой историко-критической школы. Сочинение «Композиция Шестикнижия» содержит анализ ветхозаветных книг. В труде «История Израиля» В. изложил собственную концепцию ветхозаветной истории и обосновал датировку и характер источников Пятикнижия. Исследование Ветхого Завета побудило В. к изучению литературы, истории и религии арабов в основном доисламского периода, в результате были подготовлены исследования «Остатки арабского язычества», «Арабское царство и его падение» (БРЭ).

Несмотря на разношерстный состав нашего «семитского цикла», мы жили дружно и ощущали себя как единое целое. Этому немало способствовали заседания кафедры, проводившиеся ежемесячно, причем Александр Павлович требовал, чтобы приходили не только все преподаватели, но и все студенты; каждый раз, среди прочих дел, обсуждалась студенческая успеваемость и другие наши дела. Нередко давали слово и студентам, особенно «активу»...

Заведующим кафедрой, не по старшинству, но по праву, был Александр Павлович Рифтин. Ему было всего тридцать три года; если не ошибаюсь, до 1933 г. он работал в Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), потом закрытом. Узнав о предстоящей перестройке ЛИЛИ-ЛИФЛИ, он добился приема у С. М. Кирова (см. с. 101, примеч. 3), тогда первого секретаря ленинградского обкома, и убедил его в необходимости создания семитологической кафедры и соответственного «цикла», со специальностями ассириологии, габраистики и арабистики. Надо сказать, что тогда не только первые две казались экзотической роскошью, но и арабская специальность тоже: хотя И. Ю. Крачковский еще до первой мировой войны занимался современной арабской литературой и впервые ввел ее в научный обиход {Это не помешало поднять против Крачковского кампанию за «недооценку современной арабской культуры» и за «колониализм» и довести его до смертельного инфаркта.}, однако тогдашняя арабистика по-прежнему была «классической», то есть была основана на Коране, доисламской поэзии и раннесредневековых историках.

Александр Павлович Рифтин нам, конечно, совсем не казался молодым. Лицо у него было круглое, соколиное, черные волосы зачесаны назад, голову он имел привычку держать слегка набок, как снегирь, может быть, в связи с тем, что он хорошо видел только одним глазом — другой, слегка косивший, был почти или вовсе слеп (почему Александр Павлович и не был мобилизован в Красную Армию) {Точнее, он был мобилизован, но из-за зрения был взят санитаром и служил в самом Петрограде, и уже после военной службы продолжал работать на петроградской «Скорой помощи». Как-то ему довелось отвозить в больницу попавшего в уличную аварию В. К. Шилейко — поэта, гениального ассириолога и в то время мужа А. А. Ахматовой. Пока А. П. сидел с ним в приемном покое, ожидая, когда оформят бумажки, Шилейко успел сагитировать его пойти учиться

ассириологии. А. П. поступил в университет, где учился арабскому у И. Ю. Крачковского (в одной группе с В. И. Беляевым, И. Г. Бендером и И. Н. Винниковым; арабский А. П. знал отлично); а аккадскому и древнееврейскому он учился у П. К. Коковцова. Но он занимался аккадским, шумерским и даже хеттским и у В. К. Шилейко, которого и считал собственно своим учителем...}. Говорил он с интонацией убедительной, любил ставить студентам вопросы, на которые сразу сам и отвечал («Вы не знаете, а я знаю»), и завершал отрезок речи формулировкой, приговаривая: «Только так».

На кафедре им были привлечены самые лучшие силы, но решение, вынесенное свыше, делало заведующим кафедрой молодого, еще почти ничего не напечатавшего Рифтина, а не профессора кафедры (снова с 1934/35 г.), ученого с мировой известностью Игнатия Юлиановича Крачковского; и это было хорошо, так как у Игнатия Юлиановича не было (уже не было?) той энергии и энтузиазма, что у Рифтина, ни его умения говорить с начальством и добиваться своего.

Александр Павлович сидел посреди за столом, управляя своей кафедрой, слегка наклонив набок голову. Рядом с ним, как бы признавая со снисходительной улыбкой его фактическое право, сидел профессор И. Ю. Крачковский {И. Ю. Крачковский был академик, но не позволял себя так называть в университете: «В университете я профессор; в Академии я академик»}. Этот человек огромных знаний лишь казался холодным и недоступным. Так хотелось бы ввести в мое повествование его седоватую, ухоженную, прямоугольную бороду — с помощью ходового литературного приема, заставив его поглаживать ее; но прием тут такой неприемлем: Игнатий Юлианович не жестикулировал даже настолько, чтобы погладить бороду.

По левую руку Александра Павловича сидел Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий. Это был небольшого роста сутулый человек, с русыми с проседью волосами и бородкой, и в pendant к Александру Павловичу — тоже с одним сильно косившим, слепым глазом. Он был человек не только необычайно интересный в устной речи и разговорах, но и необычайно добрый. Учился он в свое время у Б. А. Тураева, потом в Кенигсберге в Германии, там и получил докторскую степень по египтологии. Он сыграл для всех нас большую роль — однако не своими занятиями по древнееврейскому, а своими частыми и необыкновенно интересными докладами-лекциями по мифологии и семантике мифа, которые он читал для всех желающих. Самому Израилю Григорьевичу казалось, что в них он примыкает к Марру и даже

к О. М. Фрейденберг⁷², но на самом деле он был вполне оригинален и глубок. В его осянке и манере говорить было что-то старческое, обесцвеченное, глаза были впалые; редкие волосы — вроде бы и не седые, а какого-то неопределенного цвета — тоже как-то старили его. Но обожали его все студенты: сильные — за необыкновенно оригинальные и увлекательные доклады; слабые — потому что он, обычно молчаливый на заседаниях, горячо заступался за отстававших.

Сбоку, тоже молчаливо, но время от времени выразительно ухмыляясь, сидел Николай Владимирович Юшманов; с другого боку — нервный, стройный, с глазами, которые казались мне полубезумными, Эberman⁷³, успевший к тому времени отсидеть; и тихий, незаметный (даже трудно через столько лет описать его внешность) Михаил Николаевич Соколов, многолетний ассистент академика П. К. Ковцова и, говорили, блестящий преподаватель.

Обсуждалась работа за месяц — отчитывались один за другим преподаватели с упоминанием пройденного и успеваемости студентов, а также и студенты — те, кого время от времени вызывал Александр Павлович. Не прийти на заседание кафедры было невозможным делом.

---

⁷² Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) — литературовед, филолог-классик, д. филол. н. Ее отец, М. Ф. Фрейденберг, был известным изобретателем (в соавторстве изобрел кинопроекторный аппарат (кинетоскоп), изготовил макет автоматической телефонной станции и др.), мать, А. О. Пастернак, сестра известного художника Л. О. Пастернака (отца поэта), была пианисткой. О. М. Ф. закончила классическое отделение ПУ, «имея руководителями С. А. Жебелёва и Н. Я. Марра». Организатор и многолетний зав. кафедры классической филологии ЛГУ. В блокадном Ленинграде продолжала научную деятельность. В 1949 г. в период «борьбы с космополитизмом» горячо отстаивала своих коллег. В 1950 г. была обвинена в приверженности марризму. Она не была последовательницей Марра, но осудила гонения на него и вынуждена была уйти из ЛГУ. Последние годы вела научную работу в условиях полной изоляции: «...от научной мысли я изолирована, ученики и друзья отвернулись, аудитория отнята». Посмертные публикации: сб. «Миф и литература древности», «Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания» (ж. «Дружба народов») и др. (БСЭ-3; Галеркина...; КЛЭ; Филфак СПбГУ-Р; Фрейденберг, с. 8, 224, 734).

Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) — специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии и классической филологии. Акад. АН СССР, проф. СПбУ и ЛГУ (БРЭ).

⁷³ Василий Александрович Эberman (1899–1937) — арабист и иранист, специалист по вкладу не арабов (иранцев и др.) в исламскую культуру и арабскую литературу, переводчик арабской и персидской поэзии. Окончил Пажеский корпус, затем учился на ФВЯ ПУ. Работал н. с. АМ / ИВАН, преподавал арабский язык в ЛГУ. Работы: «Арабы и персы в русской поэзии», «Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов», «Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда» и др. Дважды арестовывался и отбывал ссылку в ИТЛ. После освобождения жил в г. Орле, преподавал немецкий язык в школе; утонул, купаясь в реке (АМ..., с. 594; Люди и судьбы...; Милибанд, 2008).

Главным новым событием на нашей кафедре с нового 1935 г. было появление А. Я. Борисова. Еще в конце первого семестра Александр Павлович, с которым у меня стали складываться доверительные, почти дружеские отношения, сказал мне: — С Нового года у нас будет работать Андрей Яковлевич Борисов: это гениальный человек.

Борисов был и в самом деле очень замечательный человек, необычный. На нас и на других «сильных» студентов он произвел совершенно неизгладимое впечатление — учителя, праведника, мудреца — может быть, именно потому, что он был совсем простой, не похожий ни на учителя, ни на мудреца. Но всю мою научную жизнь мне помнилось его умное, очень русское лицо и его необыкновенно светлые глаза...

Кроме А. Я. Борисова, у нас на кафедре появился еще один интересный человек — африканист Дмитрий Алексеевич Ольдерогге; живой, умный, замечательный рассказчик, Д. А. Ольдерогге начинал как египтолог, — кажется, одновременно с Ю. П. Францовым, в последний год жизни Б. А. Тураева, — потом занимался с Н. Д. Флиттнер⁷⁴, В. В. Струве и М. Э. Матье (некоторое время был мужем последней)... тогда еще можно было сравнительно легко выезжать за границу, и Д. А. Ольдерогге добился, чтобы его университет командировал в Гамбург, где он переквалифицировался на африканиста, учась у И. Лукаса⁷⁵ и других знаменитых немецких профессоров. Как ни странно, это ему сошло с рук в конце 30-х годов, а после войны единичные наши африканисты (тогда только ученики Д. А.) оказались в большой цене, и Ольдерогге был избран членом-корреспондентом.

Что касается Андрея Яковлевича, то он заступил у нас на кафедре место Михаила Николаевича Соколова — вел основной курс

⁷⁴ Наталья Давыдовна Флиттнер (1879–1957) — востоковед, историк искусства, специалист по древневосточной глиптике, публикатор египетских памятников, д. ист. н. Окончила Высшие женские курсы. Еще будучи студенткой, под руководством Тураева стала изучать египетский язык, историю и культуру Древнего Египта и Месопотамии, пополняя свои знания летними занятиями в Берлинском ун-те. Работала в ГЭ, в том числе и в годы блокады, преподавала в ЛГУ и АХ, много занималась просветительской и популяризаторской деятельностью. Книги: «В стране пирамид», «На берегах Тигра и Евфрата», «Культура и искусство Двуречья и соседних стран». (БСЭ-3; Матье; Милибанд, 2008; Памяти Н. Д. Флиттнер; РГЭС.)

⁷⁵ Иоганнес (Йоханнес) Лукас (Johannes Ernst Victor Lucas, 1901–1980) — доктор философии, профессор африканских языков и культур (ЛЭС, 1990; *Wer ist Wer?*).

древнееврейского у гебраистов, — помнится, древнееврейскую (библейскую) литературу читал им Израиль Григорьевич Франк-Каме-нецкий. Впоследствии А. Я. читал у гебраистов курс средневековой еврейской литературы — с другими семитологами (историей семитских языков) он начал заниматься позже.

С. 341–343

...я бывал дома у Александра Павловича Рифтина. Я приходил к нему за консультациями — я читал сверх плана и клинописные тексты, и специальную литературу; кое-что брал у А. П., другое он мне советовал взять в библиотеках, заглядывая в свои карточки... жил он в огромной, враждебной коммунальной квартире; его комната располагалась в самом конце длиннейшего коридора; было в ней квадратных метров 16–18; две стены доверху были заставлены полками и тесно забиты книгами... Жил в этой комнате Александр Павлович с женой — Софьей Конрадовной (говорили — полуяпонкой; вряд ли) и с маленьким сыном...

Примерно год спустя А. П. нанял себе в частном порядке (что в то время было довольно незаконно) кабинет в квартире каких-то знакомых, перетащил туда все важнейшие книги, картотеки и рукописи — и даже как-то повеселел; работа, видно, стала сподручаться...

Кажется, весной 1935 г. Александр Павлович однажды попросил меня проводить его и по большому секрету рассказал мне, что есть вероятность ему быть посланным на год в командировку во Францию, в Лувр. Что за вероятность, кто ему такую командировку сулил, он мне не сказал — Александр Павлович вообще любил таинственность; зато он сказал мне, что это ставит под сомнение дальнейшее существование нашей группы, но что он хлопочет, чтобы в командировку вместе с ним был послан и я...

Однако я, пожалуй, лучше Александра Павловича представлял себе нереальность длительной заграничной командировки в 1935 г. — да еще в Лувр... Да еще двух беспартийных! Потому вскоре успокоился, да и А. П. больше не возвращался к этому разговору...

Из весенних экзаменов я помню только экзамен по аккадскому у того же Александра Павловича. Имея в виду, что нас в его группе было всего трое (И. М. Дьяконов, Л. А. Липин, Н. П. Ерехович. — Г. К.), и что мы занимались с ним по два часа пять раз в шестидневку и что за каждую неделю занятий выставлялись отметки, можно было бы предположить, что экзамен будет чистой формальностью. Но не тут-то было: Александр Павлович «гонял» каждого из нас

минут по тридцать-сорок и спрашивал со всею строгостью, притом так, как будто он впервые нас в глаза видит. И так было и впоследствии каждый семестр...

С. 353–354

По рекомендации А. П. Рифтина я взялся писать инвентарь клинописной коллекции Института книги, документа и письма (ИКДП).

Этот институт был создан вокруг Музея института книги, документа и письма, а музей был первоначально частной коллекцией академика Николая Петровича Лихачева⁷⁶... Он рано поставил себе цель создать музей истории письменности — начиная с первых ее шагов до появления книгопечатания. До войны (Первой мировой. — Г. К.) он часто наезжал в центры антикварной торговли — в Париж, Стамбул, Каир — и действительно собрал совершенно уникальный музей, которому не было и нет подобных в мире. В нем были фрагменты египетских иероглифических надписей всех периодов, ближневосточные, латинские и византийские рукописи, карфагенские надписи, надгробия сирийских несториан из Семиречья, редкие печати с надписями самого различного происхождения. Но особенно замечательна была его коллекция клинописных документов. По числу единиц хранения она, конечно, не шла ни в какое сравнение со знаменитыми собраниями Британского музея, Лувра, Берлинского музея, Стамбульского музея; но ни в одном собрании мира не были так полно представлены *все* периоды развития клинописи, от самого первого в мире предклинописного иероглифического документа четвертого тысячелетия до н. э. до эллинистических текстов последних веков до нашей эры; и все жанры клинописных текстов — хозяйственные, юридические, культовые, литературные, словарные, математические, геодезические. Не было и нет на свете коллекции, лучше приспособленной для воспитания ассириологов-универсалов.

---

⁷⁶ Николай Петрович Лихачев (1862–1936) — историк, коллекционер. Чл.-корр. СПбАН, акад. АН СССР. Собрал одну из крупнейших в России частных коллекций разнообразных исторических источников (икон, монет, печатей, рукописей и др.). Основную часть икон передал в Русский музей (СПб.). Другие коллекции передал в ведение Петроградского археологического института в форме Палеографического кабинета. В 1925 г. он был передан в подчинение АН и преобразован в Музей палеографии (располагался в особняке Н. П., где он жил, он же был директором музея). В 1930 г. Н. П. арестован с конфискацией всего имущества, исключен из состава АН, сослан в Астрахань. Музей палеографии преобразован в Музей (с 1931 Институт) книги, документа и письма, который стал одним из источников создания Ленинградского института истории АН СССР (ныне СПбИИ РАН). Н. П. посмертно реабилитирован и восстановлен в звании академика (БРЭ).

Если я стал тем, чем я стал в науке, этим я во многом обязан коллекции Н. П. Лихачева. Она, вместе с соответствующей библиотекой, занимала целый отдельный дом на Петроградской стороне (ул. Петрозаводская, 7: бывший особняк Н. П. Лихачева, в настоящее время СПбИИ РАН. — Г. К.). В годы гражданской войны этот дом стало невозможно отапливать, и это грозило сохранности бесценных памятников. Н. П. Лихачев подарил свою коллекцию, вместе с библиотекой, Академии наук (дарение было оформлено лишь в 1928 г.). Коллекция была перевезена в построенное перед самой войной и еще не полностью облицованное здание Библиотеки Академии наук и заняла там половину второго этажа. Вскоре Н. П. Лихачев не по своей воле был вынужден уехать в Астрахань, заведовать коллекцией был поставлен египтолог Ю. Я. Перепелкин⁷⁷, а затем вокруг музея возник целый Институт книги, документа и письма с директором, ученым секретарем, просто секретарем, машинисткой и десятком сотрудников. Что именно они делали, я не знаю — в те времена печатание гуманитарных работ... было чрезвычайно затруднено. Единственное известное мне издание — это краткий путеводитель по музею, блестяще написанный Ю. Я. Перепелкиным и содержащий весьма основательные сведения и обобщения по истории письма, и, по-моему, не потерявший научного значения и сейчас. К сожалению, путеводитель вышел крошечным тиражом, о существовании музея публике не сообщала даже самая невзрачная вывеска ни у входа в здание, ни у входа в институтскую половину второго этажа. Ю. Я. Перепелкин, единственный из сотрудников музея, совершенно лишен был способности создавать какую-либо рекламу, — и уж тем менее, скажем, напечатать заметку в «Вечерней Красной газете»! В результате, в книге для посетителей, где им по-

---

⁷⁷ Юрий Яковлевич Перепелкин (1903–1982) — египтолог, д. ист. н. Закончил ЛГУ и аспирантуру ИРК. Знал египетский язык всех периодов его развития и языка населения позднего Египта (греческий, коптский, арабский), владел всеми системами египетского письма (иероглифика, иератика и демотика), привлекал в исследованиях также источники на языках народов древней Передней Азии и на латинском. Основные научные интересы: организация египетского общества Старого царства (3 тыс. до н. э.), история и идеология эпохи реформ Аменхотепа IV (Эхнатона, XV в. до н. э.). Книги: «Письменность Древнего мира и Раннего средневековья (путеводитель)», «Частная собственность в представлении египтян Старого царства», «Хозяйство староегипетских вельмож», «Переворот Амен-хотпа IV», «Тайна золотого гроба» и др. Преподавал различные египтологические дисциплины на истфаке ЛГУ. В разные годы н. с. МКДП, ИИ/ЛОИИ, ИВ/ЛОИВ (АМ..., с. 589; Берлев и Грибов, с. 172; Милибанд, 2008; РГЭС; Ю. Я. Перепелкин).

лагалось расписываться, за все время существования ИКДП не набралось, пожалуй, и десятка подписей.

Коллекция, однако, находилась на материальной ответственности Юрия Яковлевича, и он обязан был обеспечить ее инвентарными книгами. Ко времени моего появления здесь арабские рукописи уже описывал В. И. Беляев, а семитские алфавитные надписи (пунические и сирийские несторианские) — А. Я. Борисов. Работал в музее и А. П. Рифтин, но он готовил издание «Старовавилонских юридических и административных документов в собраниях СССР», копирование текстов отнимало у него много времени, а дел у него, при его живой энергии, и без того всегда было много, и писать инвентарь документов, не представлявших для него интереса, он, естественно, не хотел. Поэтому он предложил Юрию Яковлевичу мою кандидатуру.

С. 356

Мне было отведено место за маленьким столиком справа у окна; левее меня за таким же столиком, часто в те же часы, сидел А. Я. Борисов, который составлял инвентарь — а вернее, копировал надписи — семиреченских несторианских надгробий: это были тяжелые, сантиметров 50×25 , базальтовые валуны или обкатанные сверхгалки, с выбитым на них крестом и надписью по-сирийски.

Как-то раз, взваливая на стол очередной камень, Андрей Яковлевич сказал: — Эх, хорошая щебенка получилась бы. Знаете, как я бы хотел жить? Полгода странствовать по дорогам и бить щебенку: обмотаешь ноги тряпками, зажмешь камень и бьешь молотком. А полгода читать семитские надписи.

Юрий Яковлевич в комическом ужасе воздел руки к небу: — Андрей Яковлевич, Андрей Яковлевич, что Вы говорите!

Еще левее был стол Александра Павловича Рифтина, но он редко приходил в те же часы, что я. Как-то раз я пришел, когда он был на своем месте: подошел к нему — он сидел, вставив часовщицкую лупу в глаз, читал клинописный текст и быстро копировал его на ватмане тушью поверх слегка нанесенного карандашом контура. Текст был старовавилонский, а старовавилонские курсивные почерки, тесные, неразборчивые — самые трудные для чтения. Я взглянул на глину — и ужаснулся, подумав, что такого я никогда не смогу читать. Видя мой ужас, Александр Павлович улыбнулся и процитировал свое любимое четверостишие {из Н. С. Гумилева, тогда, конечно, запрещенного}.

Я-то копировал шумерские документы из Лагаша, самое красивое и легкое, что есть в истории клинописи.

Н. Я. Марр сделал И. И. Мещанинова академиком и вообще среди всех своих учеников выделял именно его; это было общеизвестно, и после смерти Марра И. И. стал столь же признанным главой советского языкознания (признанным, во всяком случае, партийными органами). Но удивительно было то, что в этих условиях Мещанинов, во-первых, начал серьезно учиться лингвистической науке (говорили, что наставниками его были А. П. Рифтин и С. Д. Кацнельсон⁷⁸, оба прекрасные лингвисты, особенно в области лингвистической типологии); и во-вторых, он вернул в науку добрый десяток крупных филологов и лингвистов, выжитых марровскими прихлебателями. Говорили, что лектор он хороший, что в подборе и при аттестации аспирантов строг, но справедлив, халтурщикам и горлопанам не дает потачки...

Он был роста ниже среднего, ходил в светло-сером костюме, стройный, подтянутый, и на его правильном, но словно бы ничего не говорящем лице блистало пенсне — его с середины тридцатых годов уже почти никто не носил...

Курс, который он читал у нас, был в сущности неким «Общим языкознанием» (так потом и назывался), — а точнее говоря, это было изложением теории стадиальной типологии языков, очень стройным и несомненно интересным. Пресловутые четыре элемента исчезли из этого курса; главное внимание уделялось в нем синтаксической типологии, которой придавалось стадиальное значение (не без некоторого интуитивного основания, но, к сожалению, еще без достаточных прямых доказательств того, что типологические стадии сменяются именно в этой последовательности, и что именно такая смена стадий носит универсальный характер). Главная беда в том, что Иван Иванович оперировал юкагирскими, чукотскими, алеутскими языками {Для этого он пользовался недавно вышедшей весьма замечательной книгой «Языки народов Севера». Т. I, под редакцией

⁷⁸ Соломон Давидович Кацнельсон (1907–1985) — германист, д. филол. н. Труды охватывают проблемы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Был одним из главных редакторов многотомной «Истории лингвистических исследований». В разное время работал в ИЯМ, откуда был уволен в 1950 г. в связи с кампанией против марризма, в Ивановском пединституте и в ЛОИЯ, в котором заведовал различными секторами. Был проф. кафедры общего языкознания и зав. кафедрой германской филологии филфака ЛГУ. Читал курс «Введение в языкознание», лекции по германистике и по древнеисландскому эпосу. Участник ВОВ (БРЭ, Филфак СПбГУ-Р).

политической фигуры — некоего Я. Алькора, но составленной отличными учеными — Таном-Богоразом, Крейновичем⁷⁹ и другими. Второй том не вышел — Богораз умер, а другие были «репрессированы».}, а также грузинскими и адыгейскими примерами, но совершенно отсутствовали примеры из индоевропейских языков и их характеристика — надо думать, что И. И. отдавал себе отчет в том, насколько он в этой области явно слабее множества старших коллег, и как легко он тут мог наделать ошибок.

Для меня особенно были интересными чукотские примеры, ибо этот язык очень близок типологически к шумерскому — языку с настолько странной грамматикой, что хочется считать, что это «придуманно нарочно» — как в прошлом и считали. Вообще для меня, который должен был профессионально иметь дело с языками различной типологии: хеттским и греческим (индоевропейскими), семитскими, шумерским (а до того — с английским, немецким, скандинавскими, а после того — с эламским, урартским и хурритским), типологическое языкознание было очень интересным и важным. Правда, изложение лекций Мещанинова было несколько абстрактным, и больше я почерпнул из грамматических вступлений Александра Павловича к его ежедневным языковым занятиям — они носили характер бесед, поэтому кое-что, важнейшее, повторялось, а кое о чем можно было спросить и переспросить.

Наша тройка ассириологов в 1935/36 году очень сдружилась. Этому немало помогли начавшиеся у А. П. Рифтина занятия шумерским языком — дело довольно замысловатое и как нельзя более способствовавшее взаимопомощи. Примеры он брал из учебника А. Даймеля⁸⁰ — это было очень удачно, так как у этого автора они были подобраны из разных периодов и жанров — хозяйственные документы, надписи, царский список, литературные отрывки, — а мы заодно знакомились и с общим характером шумерской письменности и с пошибами разных периодов, и немножко с шумерской историей. Грамматика же Даймеля была не в пример хуже. Я вел подробный конспект лекций А. П. — впоследствии переписанный мной начисто

---

⁷⁹ Ерухим (Ерахим, Евгений, Юрий) Абрамович Крейнович (1906–1985) — лингвист, этнограф, специалист по нивхскому, юкагирскому и кетскому языкам, д. филол. н. Работал над созданием письменности на нивхском яз., н. с. МАЭ и ИЯ (в секторе палеоазиатских языков), преподавал нивхский язык в ИНС. Дважды арестовывался и отбывал ссылку, в 1955 г. реабилитирован (БРЭ, Люди и судьбы...).

⁸⁰ *Deimel A. Šumerische Grammatik der archaischen Texte mit Übungsstücken (zum Selbstunterricht). Or. 9–13. Rom, 1923 (Borger).*

и позволивший мне впоследствии самому разбирать еще не читанные тексты и начать заниматься шумерским со студентами. Для этого, правда, пришлось еще на пятом курсе одолеть труднейший «Цилиндр А» Гудеи.

С. 365

После ужина Андрей Яковлевич виртуозно играл на балалайке... Александр Павлович много и хорошо читал стихи — Ахматову, немного Гумилева, еще какие-то незнакомые стихи — кажется, Ходасевича.

Вероятно, именно тогда он рассказал начало своей истории: призыв в армию, работа санитаром на «Скорой помощи», знакомство с Шилейко. Сначала А. П. учился клинописи у П. К. Коковцова... Шилейко читал в Петроградском университете курс «Клинопись» — занимался с одним А. П., читал самые разные тексты.

Шилейко был человек необыкновенных знаний, странный, нищий, трудный — ходил в кавалерийской шинели поверх рубашки, его могли видеть спящим под этой шинелью на скамейке Летнего сада, пока он не получил от ГАИМКа комнаты в служебном помещении (Мраморном дворце), — а говорили, что и позже. Неизвестно, каким образом он так блестяще знал шумерский...; еще до революции Шилейко великолепно издал архаические шумерские надписи коллекции Н. П. Лихачева, сопроводив их умной и глубокой статьей по истории Шумера, до сороковых годов непревзойденной в мировой литературе; почти сразу после открытия Б. Грозным хеттского языка издал и хеттские тексты, не говоря уже о труднейших аккадских. Его мечтой было издать собрание шумеро-аккадской поэзии, но при его беспорядочном образе жизни много рукописей затерялось.

Александр Павлович бывал дома у Шилейко в Мраморном дворце, когда тот был женат на А. А. Ахматовой, читал нам стихи, посвященные Владимиру Казимировичу Анной Андреевной...

С. 366

Занятия Александра Павловича с Шилейко оборвались, когда тот окончательно переехал в Москву и стал работать в Музее изящных искусств (Цветаевском, что ныне — Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Александр Павлович познакомился с клинописной коллекцией этого музея, готовя свое издание «Старовавилонских документов в собраниях СССР», и говорил, что инвентарь В. К. Шилейко — это часто не инвентарь, а образцовое издание трудно читаемых текстов...

В последний раз Нина⁸¹ видала Александра Павловича в начале 1944 учебного года⁸². Он, уже успевший создать восточный факультет..., по обыкновению, занимался в бог знает каком помещении со своей маленькой группой — в то время у него было всего две студентки-первокурсницы, обе Нинели⁸³, а помещение, где он с ними занимался, было проходное — к группе англичанов, в которой преподавала Нина. Она опаздывала, открыв дверь, попросила прощения и начала проходить к своей аудитории, но А. П. попросил ее остановиться и сказал своим студентам: — Вот эта дама — жена моего первого ученика.

Он умер перед зимней сессией (6 февраля 1945 г. — *Г. К.*), организм был изношен блокадой, и саратовскими передрыгками в эвакуации, и новыми ленинградскими; сердце не вынесло. Ему еще не успело исполниться 45 лет.

С. 367

Что особенно нас пленяло — ошибившись в чем-либо (а кто не ошибается) Андрей Яковлевич не пытался вывернуться, а попросту говорил: «Вчера я вам соврал: не так-то, а так-то».

С. 397

Грамматику (шумерского. — *Г. К.*) А. П. читал по Пёбелю⁸⁴, но вносил и много своего, оригинального. Я тщательно записал весь грамматический курс А. П. и потом изложил в полном порядке в отдельной тетрадке. По ней я впоследствии сам читал курс шумерской грамматики в 40-х годах.

Кроме того, А. П. читал очень интересный курс «аккадской диалектологии» — или точнее, истории аккадского языка с параллельным чтением текстов разных эпох, писанных разными пошибами. Этот курс плюс инвентаризация и чтение маленькой, но удивительно разнообразной клинописной коллекции Эрмитажа дали мне свободу обращения с клинописными текстами разных жанров и эпох,

---

⁸¹ Нина Яковлевна Дьяконова (урожденная Магази́нер, 1915–2013) — жена И. М. Дьяконова, д. филол. н. Преподавала в ЛГУ, ТГУ и ЛГПИ, была проф. кафедры истории зарубежных литератур филфака ЛГУ и зав. кафедрой зарубежной литературы ЛГПИ. Читала спецкурсы: «История английского романтизма», «Английская литература XX в.», руководила курсовыми и дипломными работами, магистрантами, аспирантами и докторантами. Монографии: «Лирическая поэзия Байрона», «Английский романтизм», «Стивенсон и английская литература XIX века» и др. (Дьяконова; Филфак СПбГУ-Р).

⁸² Востфак открылся осенью 1944 г. (Приложение 5/2).

⁸³ Одна из них — Нинель Болеславовна Янковская (см. с. 35, примеч. 37).

⁸⁴ Приложение 4/1.

чем я впоследствии удивлял моих зарубежных коллег. Такой же курс я тоже несколько раз сам впоследствии прочел уже для своих учеников⁸⁵.

С. 433

Как-то весной 1938 г. я шел по набережной пешком с Александром Павловичем и спросил его, не беспокоится ли он о том, что нелегко будет устроить на работу, когда они кончат, всех принятых нынче новых студентов-ассириологов.

Александр Павлович сказал: — НКВД позаботится. — Мне его ответ показался было циничным, но на самом деле он был от горечи. Действительно, должно было казаться, что НКВД «заботится» уж очень о многих. Только позже я узнал, что накануне были схвачены хозяева, которые сдавали А. П. Рифтину его кабинет на Таврической; квартиру всю опечатали, и Александру Павловичу предстояли сложные и неприятные хлопоты в НКВД для того, чтобы получить обратно свои книги и картотеки. Это срывало его работу — и, между прочим, и диссертацию: он все еще был «без степени».

С. 495

...Александру Павловичу Рифтину удалось еще осенью 1939 г. съездить во Львов. Не знаю, какова была официальная цель его командировки, но он хотел попытаться найти Варшавского ассиролога-юриста Мозеса Шорра, автора важной книги по старовавилонским юридическим документам (а А. П. как раз выпустил книгу «Старовавилонские юридические и хозяйственные документы в собраниях СССР»). Но оказалось, что Шорр, хотя действительно бежал во Львов (он был по совместительству главным раввином Польши), был тут же арестован нашими как польский сенатор и бесследно исчез⁸⁶.

С. 730

Был декабрь 1945 года. Я снова поступил в Эрмитаж и в университет, на прежнюю кафедру, которой теперь заведовал этнограф

---

⁸⁵ О программе по аккадскому языку И. М. Дьяконова см.: ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 1568, л. 55–60.

⁸⁶ Moses (Mojżesz) Schorr (1874–1941) — польский ученый (гебраист и ассиролог), член Польской АН. Родился в г. Пшемьсль, учился в Венском университете. Преподавал семитские языки и историю Древнего Востока в Университете Лемберга (Львов). Занимался историей евреев Польши. Изучал вавилонские и ассирийские законы, издавал старовавилонские юридические тексты. Был членом Совета раввинов в Варшаве, членом Польского Сената. После вторжения Германии в Польшу бежал на восток; был арестован советскими органами; перебивал в различных тюрьмах, пока не оказался в Узбекистане, где и умер (Encyclopaedia Judaica; Приложение 2/1: Монография).

МИНИСТЕРСТВО

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Данъ сей аттестатъ самоу сына *свакатуру*
Нессаховичу Рифтину
иудейского върошповѣданія, родившемуся
въ *Лариковѣ 12го ноября* 1900 года, въ томъ,
что онъ, вступивъ въ Петроградскую гимназію **И. Г. Эйзенбета**,
20го августа 1909 года, при *отличномъ* поведеніи,
обучался по *1-му классу* 1914 года и окончилъ полный
восьмилассный курсъ, при чемъ обнаружилъ нижеслѣдующія
познанія:

	ОТМѢТКИ.
Въ Законѣ Божіемъ	5 (нѣтъ)
> Русскомъ языкѣ съ церковно-славянскимъ и словесности	5 (нѣтъ)
> Философской пропедевтикѣ	5 (нѣтъ)
> Законовѣдѣніи	5 (нѣтъ)
> Латинскомъ языкѣ	5 (нѣтъ)
> Математикѣ	5 (нѣтъ)
> Физикѣ	5 (нѣтъ)
> Математической географіи	5 (нѣтъ)
> Исторіи	5 (нѣтъ)
> Географіи и природовѣдѣніи	5 (нѣтъ)
> Нѣмецкомъ языкѣ	5 (нѣтъ)
> Французскомъ языкѣ	5 (нѣтъ)

Значеніе отмѣтокъ: 5—отличныя, 4—хорошія, 3—удовлетворительныя.

Фото 2. Аттестат зрелости А. П. Рифтина

Во вниманіе къ постоянно отличному поведенію и прилежанію
и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ въ особенности же въ *словесн.*
и новіе науки педагогическій совѣтъ постановилъ на-
градить его *дипломомъ* медалью и выдать ему атте-
статъ, предоставляющій всѣ права, обозначенныя въ §§ 130—132
устава гимназій и прогимназій 30-го іюля 1871 года.

Гор. Петроградъ, 191 *ж* года, мѣсяца *Мая* „*11*“ дни.

За Директора *И. Дубининъ*
И. о. Инспектора *Б. Кустовъ*

Члены Педагогическаго
Совѣта

№ 189

М. А. Морозъ
С. М. Шевелевъ
А. П. Дюковъ
С. П. Крамаръ
М. В. Буръ
А. М. Рифтинъ

Секретарь Педагогическаго Совѣта

М. В. Буръ

Фото 3. Аттестат зрелости А. П. Рифтина (оборот)

Фото 4, 5. Значок гимназиста А. П. Рифтина (аверс и реверс)

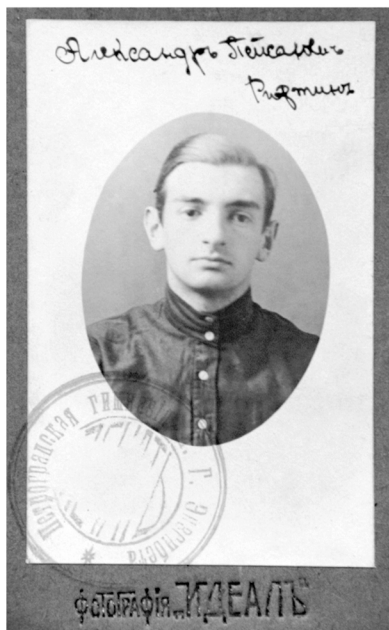

Фото 6. А. П. Рифтин — выпускник гимназии

Фото 7. С. К. Гуммерт. 1920 г.

Фото 8. А. П. Рифтин и С. К. Гуммерт. 1923–1924 гг.

Фото 9. А. П. Рифтин в возрасте 33–34 лет

Фото 10. В. А. Рифтин. 1954 г.

Фото 11. А. П. Рифтин в возрасте 36–37 лет

Фото 12. А. П. Рифтин. 1938–1940 гг.

Фото 13. А. П. Рифтин. Конец 1944 г.

Фото 14. С. К. Гуммерт. 1954 г.

Фото 15. В. А. Рифтин с семьей.

Стоят (слева направо): старший сын Александр Владимирович Рифтин с женой, младший сын Андрей Владимирович Рифтин с женой, дочь Наталья Владимировна Мартынова. Сидят (слева направо): внук (сын дочери), Владимир Александрович Рифтин с внучкой (дочерью Александра), жена Римма Александровна Рифтина с внучкой (дочерью Александра), внук (сын дочери). 1989 г.

Дорогой Танюшке
от мамы А. П.
22. III 1937.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ВАВИЛОНСКОГО ЧАСТНО-ПРАВОВОГО АКТА

А. П. РИФТИН

Классовое общество возникло в Месопотамии в эпохи, предшествующие третьему тысячелетию до н. э. и к началу указанного тысячелетия достигло относительно высокой ступени развития. Оно вызвало к жизни систему частно-правовых отношений и обусловило также быстрое развитие письма.

На основании анализа юридических терминов, дошедших до нас из третьего тысячелетия, как, напр., шум. «máš» 'козленок' → 'процент', «b-ta-è-a» 'он вывел' → 'арендовал (землю)' и ряда других, мы можем предположить, что первоначально объектом частно-правовых отношений в те отдаленные от нас эпохи было лишь движимое имущество, а следовательно недвижимое имущество вошло в оборот позднее, как результат дальнейшего развития экономики на более высокой ступени развития общества. И не подлежит никакому сомнению, что все эти частно-правовые сделки совершались устно перед свидетелями, как это имело место еще в третьем тысячелетии, а для купли-продажи движимого имущества, кроме рабов, было общим правилом и для последующих столетий.

Однако, развитие экономики и права, в частности — в связи с вхождением в оборот недвижимого имущества, повидимому еще до начала третьего тысячелетия обусловили потребность и обычай фиксировать письменно заключение правовой сделки.¹

Древнейшие из известных мне документов — купчие² — восходят к первой четверти третьего тысячелетия и были найдены в Лагаше и Шуруппаке.³

¹ San Nicolò, Beiträge, стр. 4.

² До начала первой вавилонской династии мне доступны лишь документы шумерийского юга Вавлонии, который имел ведущее значение в жизни Месопотамии третьего тысячелетия и ранее и под влиянием которого находился семитический север.

³ Для Лагаша см., напр., VS XIV №№ 141 и 144; RTC № 16—18; для Шуруппака RTC, № 13—15 и Deimel Wirtschaftstexte aus Fara, №№ 30—42.

Фото 16. Оттиск статьи А. П. Рифтина с дарственной надписью жене. 1937 г.

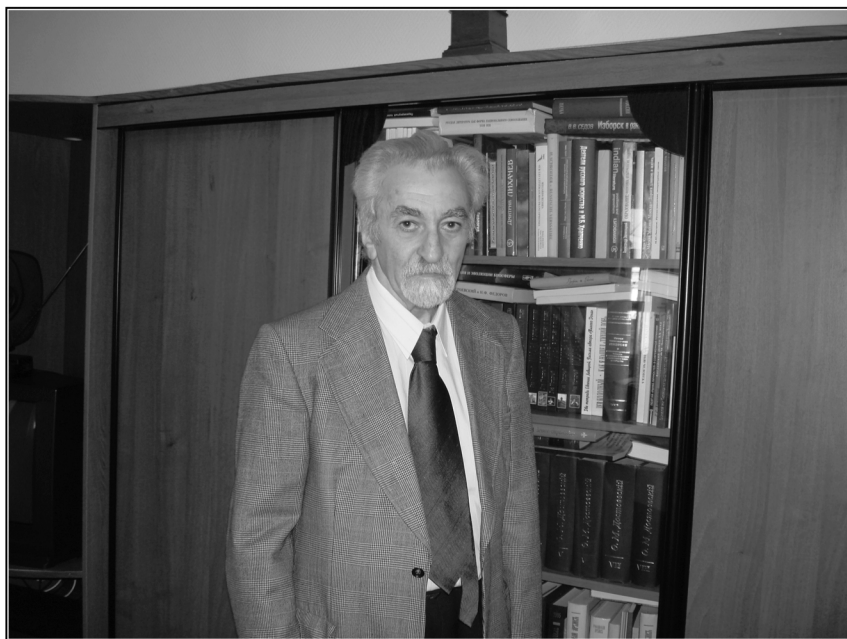

Фото 17. Акад. Б. Л. Рифтин. 2010 г.

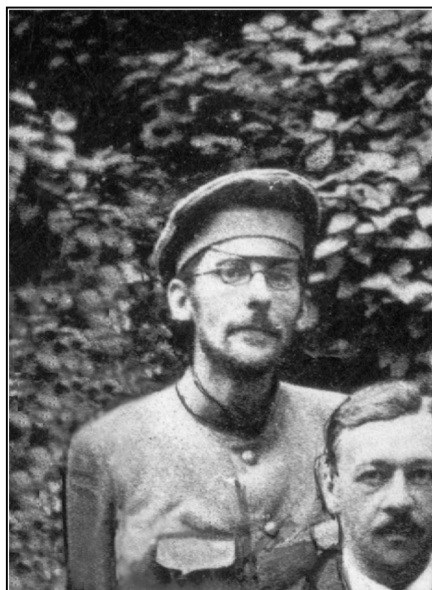

Фото 18. В. К. Шилейко. Фрагмент общей фотографии членов РАИМК и участников Избирательного совещания в саду старого Эрмитажа. 7 августа 1919 г.

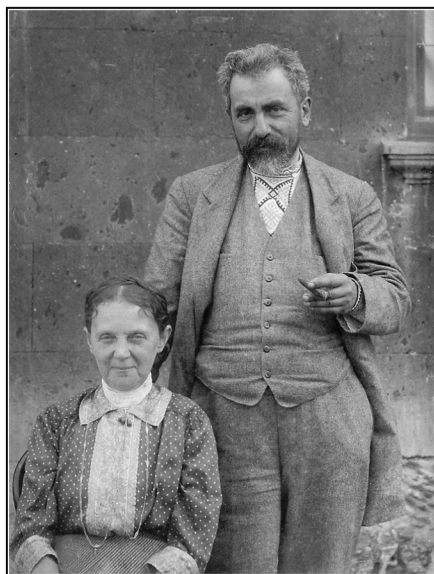

Фото 19. Акад. Н. Я. Марр с женой А. А. Марр. 1906–1907 гг.

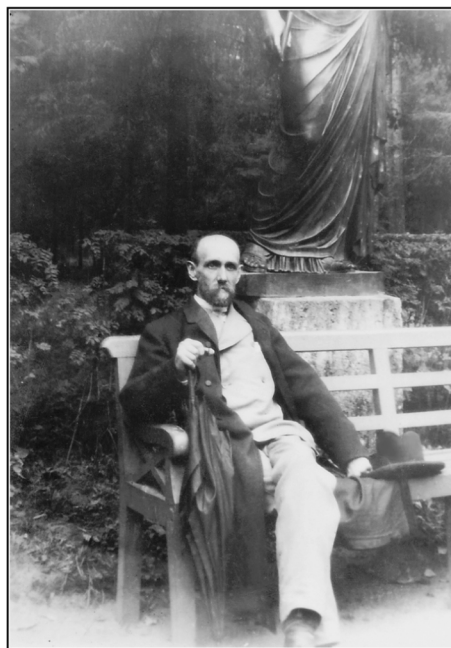

Фото 20. Акад. П. К. Коковцов

Имею честь представить окончившего в 1925 году курс в Ленинградском Университете по семитической филологии Александра Павловича Рифтина в сотрудничестве II разряда Марко-Исидоровского Института Сравнительной Истории Литератур и Языков при Государственном Ленинградском университете. А. П. Рифтин в течение проходившего университетского курса успел приобрести прекрасные познания в области главнейших семитических языков, а также и в ассириологии, и вполне усвоил методику современной научной работы. Обладая при этом несомненными способностями и редким интересом к филологическим занятиям, А. П. Рифтин может быть, по нашему мнению, весьма ценным сотрудником Института в области разработки ассириологической науки, которой он исключительно

Фото 21. Отзыв П. К. Коковцова и М. Н. Соколова об А. П. Рифтине. 1925 г.

хочет посвятить свои силы и которая,
как известно, все еще не могла занять
в нашем университете ^{и эта} ~~всего~~ наиболее
современному значению этой науч-
ной дисциплины. ~~нема~~. К настоящему
завлечению присоединяется суггестивизм ви-
тал А. П. Рифтина.

П. Коковцов.

Прем. М. Соколов.

~~24 августа 1925 г.~~

26 окт. 1925 г.

Фото 22. Отзыв П. К. Коковцова и М. Н. Соколова об А. П. Рифтине (оборот).

Фото 23. Акад. И. Ю. Крачковский. 1928 г.

Фото 24. Члены кафедры семито-хамитских языков дома у К. Б. Старковой.
Павловск, 20 января 1936 г.

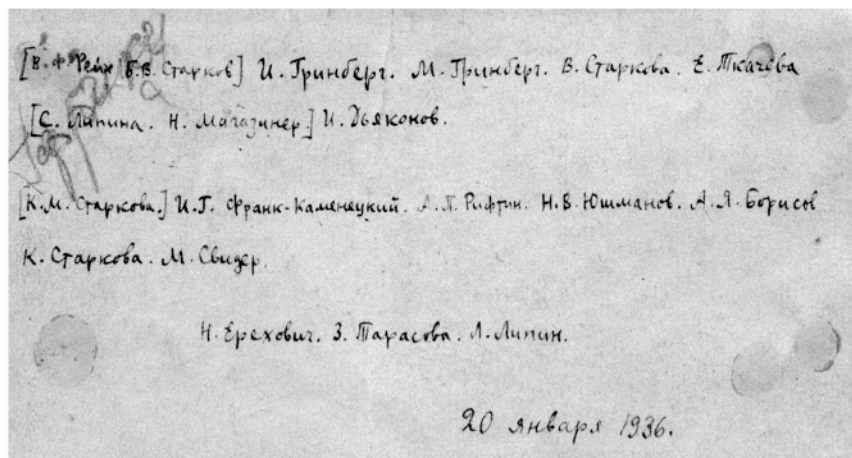

Фото 25. Члены кафедры семито-хамитских языков (оборот), подпись
И. М. Дьяконова. В квадратных скобках — те, кто не имел отношения к кафедре.
Верхний ряд (слева направо): [В. Ф. Рейх, Б. В. Старков], И. Гринберг, М. Гринберг,
В. Старкова, Е. Ткачева, [С. Липина, Н. Магазинер], И. Дьяконов, (одна девушка не
названа. — Г. К.). Средний ряд (слева направо): [К. М. Старкова], И. Г. Франк-Каме-
нецкий, А. П. Рифтин, Н. В. Юшманов, А. Я. Борисов, К. Старкова, М. Свидер.
Нижний ряд (слева направо): Н. Ерехович, З. Тарасова, Л. Липин

Фото 26. В нижнем ряду в середине акад. И. И. Мещанинов и А. П. Рифтин, остальные не известны. Конец 1920-х гг. (?)

Фото 27. Выпускной вечер.
Слева направо: Л. В. Щерба, А. П. Рифтин, Д. А. Ольдерогге (вероятно). 1939 г.

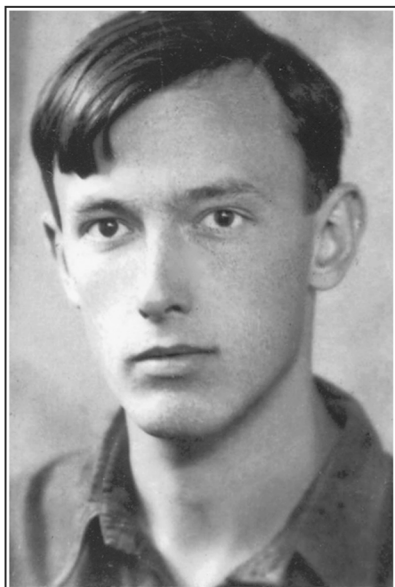

Фото 28. И. М. Дьяконов. 1935 г.

Фото 29. Р. В. Кинжалов. 1945-1946 гг.

Фото 30. И. М. Дунаевская. 1943 г.

Саратов 13го Августа
1942.

Дорогой Папа!

И теперь Вам пишу письмо из армии и пока
он отходит Вам. Ибо, конечно, все померло как и
девушка. Крайне сообщу, что мы кончили уже второй
семестр, напомним 1^ю тему, выслушали с товарищами
четвертый курс, сейчас готовим новую учебную книгу
и делаем прием на первом курсе. Среда — не уборка
утром, как и большинство преподавателей. Ведение дела
доклада и справки. Конечно по документам дадим,
то мы поговорили с теми же, и в субботу за весь
рабочий к тому же в МТБД Университета. Если у нас
в городе 3 дня начались работы, которые в субботу
весь вечер ставишь дела, то уже в субботу сессии
каменья. — Счастливые все мысли — мои картины зам
ты. В работе очень много и даже как-то ругают
которые делают окрестности и обходятся с тем дающим
работу. Если, в Саратове, удалось обобщить то, над чем я работаю
уже лет в Минске. Оттуда и переписываю письма

Фото 31. Письмо А. П. Рифтина на фронт к И. М. Дунаевской. 13 августа 1942 г., л. 1

такою одной неболшой частью более общей закономерности
духа и мышления, которое мне, я думаю, удалось сформулировать
разве и почитать в старинном разбитом 8. веке,
принимая в расчет! Все это отменяет меня, и тогда мне с Вами
функции, то с расчетом Вам, какие эволюционные вещи существуют
нам здесь! Но вы собираете, которые на объекте не очень велика
один, не один мне порок. И поэтому почти единственно
уверен, что умеренная парана обитатель и Английский
боритесь. Парана захиревание с мером в Англии, и она оба
нам ушли в широкую поле шити. Она есть передо мной, она
милых, таких переживания и скрепки, с выносом шити и шити, когда
она ^Мдолжна приходить тогда и выходя из шити и шити по шити
шити разуме вы один шити у шити. Шити шити шити, шити
шити, что шити с Вами парана шити шити. Не шити шити
шити шити шити, шити в шити шити шити, в шити шити
шити шити и шити в шити шити в шити шити шити шити. Шити, шити
шити и шити, в шити шити шити шити шити шити шити
шити шити шити, шити шити шити и шити шити шити шити шити шити
шити, что шити шити шити шити с шити в шити. Шити, шити шити шити шити
шити. Шити шити шити шити, шити шити шити. Шити шити шити и шити шити
шити шити шити, шити шити, шити шити. Шити шити шити шити шити
шити шити шити шити.

Фото 32. Письмо А. П. Рифтина на фронт к И. М. Дунаевской, л. 2

Воронин и Иннокентий (атаман) Саргал
Иванович Толмачев! 20. 3. 43.

Был очень обрадован Вашими письмами и
прямо простер мне запрошенный ответ: что
было к докладу м. м. в сессии - хану-
ских узках. Конечно думаю, что как это
удается просить в том случае, кроме
того, что сейчас для нас фабрика - единствен-
ная отрада. И теперь у нас попрежнему
предстоит оставаться дружно, и в меру
выражать озабоченность, как вы сами хорошо
понимаете, что очень велика забота.
За это время мне пришла от И. И. Иннокентий
и товарищей. То следующим И. И., фабрика у
нас в И. И. идет хорошо, и теперь и пере-
селен в И. И. М. там же много фабрика как
называются узкие, так и температуры (убор-
ский тип). Не могу отметить и на нашу ин-
тересную работу, где отвлечены и пере-
шли так же и Иннокентий. В конце
марта он собирается к своим арабам, задумав
применить новый метод. Вознало, что с этим
справ по дорожке. Для нас открытию под-
твердили Иннокентий, но ним же передри, кото-
ры не имеют сейчас возможности предпринять что-
либо. Вы очень обрадованы этим сообщением
о судьбе рекотини А. В. Иннокентий. Сейчас в силу от-
вета были наши друзья, которые о нас беспоко-
лись. И у нас надеется все же, конечно верить в успех
будущее, в наши общие здоровье и будущую работу. Не
сердечный привет всем вашим. Не забывайте нас. Любимый А.

Фото 33. Письмо А. П. Рифтина И. Ю. Крачковскому от 20 марта 1943 г.

Фото 34. Акад. В. М. Жирмунский. 1940-е гг.

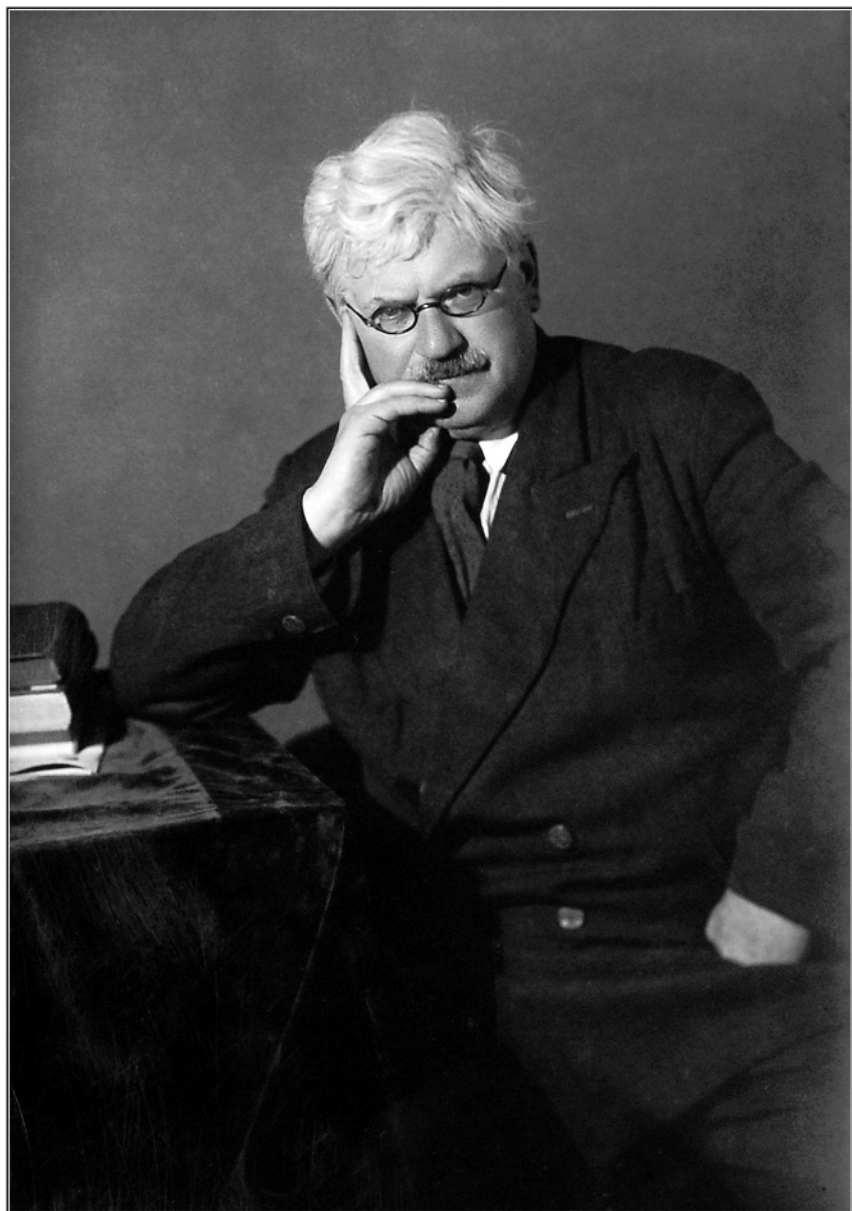

Фото 35. Акад. В. В. Струве

Фото 36. И. Н. Винников, В. И. Беляев. 1970 г.

и немного гебраист И. Н. Винников (Рифтин умер незадолго до этого от сердечного приступа — говорили — таскал дрова на пятый этаж). По существу, вымерла вся прежняя кафедра⁸⁷.

**Егоров Б. Ф.⁸⁸ Из книги «Жизнь и творчество
Ю. М. Лотмана» (Егоров, с. 18–19)**

На первом курсе филфака читались два вводных пропедевтических предмета: введение в языковедение и введение в литературоведение. Первый читал известный лингвист профессор Александр Павлович Рифтин (1900–1945), специалист в области семито-хамитской филологии и вообще разносторонне образованный ученый. Он заставлял студентов расширять знания, рекомендовал им штудировать классиков языковедения, в том числе и относительно мало тогда популярного основателя структурной лингвистики Фердинанда де Соссюра⁸⁹. Блестящий лектор и педагог, он был одновременно деканом факультета, именно он организовал трудную отправку

---

⁸⁷ При переводе с филологического факультета на восточный кафедра семито-хамитской филологии была разделена на три самостоятельные кафедры: арабской филологии, египтологии и африканистики (название несколько варьировалось), ассириологии и гебраистики. Последней сначала заведовал А. П., а после его смерти И. Н. Винников (письмо А. П. № 22; Приложение 5/1).

⁸⁸ Борис Федорович Егоров (р. 1926) — литературовед, д. филол. н. Окончил филфак ЛГУ. В разные годы работал в ТГУ, где создал кафедру русской литературы, на которую пригласил Ю. М. Лотмана, преподавал в ЛГУ курсы лекций «Теория литератур», «Введение в литературоведение» и др. Автор работ по истории русской литературной критики (Белинский, Добролюбов), по истории русской общественной мысли (славянофилы, социалисты-утописты). Сочинения: «Аполлон Григорьев», «От Хомякова до Лотмана», «Боткин», «Российские утопии. Исторический путеводитель» и др. (БРЭ; Филфак СПбГУ-Р).

Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) — литературовед и историк культуры. Один из основоположников структурно-семиотического метода изучения литературы и культуры в отечественной науке. Работы: «Анализ поэтического текста», «Роман А. С. Пушкина “Евгений Онегин”»: комментарий», «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства XVIII — кон. XIX вв.» (вышла посмертно) и др. Участник ВОВ (БРЭ).

⁸⁹ Фердинанд Монжин де Соссюр (Saussure, 1857–1913) — швейцарский языковед. Работа «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» принесла ему всемирную славу крупнейшего специалиста по этим языкам, т. к. в ней был введен новый принцип реконструкции фонологической системы праязыка по данным морфологии. В 1916 г. был издан составленный по записям студентов «Курс общей лингвистики» (3 изд. 1972 г.), в котором сформулированы взгляды Соссюра на язык, оказавшие огромное влияние на языковедение XX в., в частности, на развитие структурной лингвистики, т. к. впервые в языковедении Соссюр предложил рассматривать язык как систему (структуру) (БРЭ).

факультета в эвакуацию в Саратов, когда началась Отечественная война, толково руководил факультетом там, на Волге, и затем так же толково организовал переезд факультета в родной город в 1944 г.⁹⁰

**Еселевич Р., учитель 368-й школы г. Ленинграда.
Из статьи «Талант сердца» (Еселевич, 1963)⁹¹**

Будучи студенткой Ленинградского университета, я слушала лекции А. П. Рифтина. К сожалению, всего полгода — он умер. Мне не пришлось стать его ученицей, хотя я так мечтала об этом, а пришлось собирать воспоминания о нем.

Я узнала, что Александр Павлович занимал перед войной почетный и ответственный пост декана филологического факультета. Во время блокады делал все, чтобы не ослабел пульс факультетской жизни, спасал многих людей, подвергая свою жизнь опасности. Товарищи по работе и студенты очень доверяли ему и обращались к Александру Павловичу в самые трудные минуты жизни, зная, что он не ответит утешением, а поможет найти выход из затруднения.

Мне не пришлось стать ученицей А. П. Рифтина, но добрую память о нем, о его отношении к людям, к науке я сохранила навсегда.

---

⁹⁰ Далее идут «легендарные» сведения: «Он скоропостижно скончался от инфаркта в мае 1945 г., по легенде — сразу же после известия об окончании войны: сердце не выдержало радостного сообщения».

Этой же легенды придерживался Ю. М. Лотман: «Время между началом университетских занятий и призывом в армию было без каких-либо преувеличений счастливейшим временем. Введение в литературоведение читал Гуковский, введение в языковедение — Александр Павлович Рифтин, крупнейший специалист в области семито-хамитской филологии. Оба читали блестяще. Рифтин был деканом, провез и сохранил факультет в эвакуации, возвратил его в Ленинград и умер в тот день, когда позвонил ему П. Н. Берков и сказал, что только что война кончилась. Он положил трубку, отошел от стола и умер. Это был замечательный человек и очень крупный ученый» (Егоров, с. 276).

⁹¹ Об этой статье я узнала от В. А. Рифтина, а он — от матери. Автор статьи сама себя называет «учитель». Прочитав статью, я поняла, что была знакома с ее автором. В 1957 г. я поступила на отделение ассириологии кафедры истории Древнего Востока востфака ЛГУ. Мест в общежитии не было, и я, что называлось, «сняла угол» в комнате коммунальной квартиры по адресу Невский пр., 18. Номер квартиры я забыла. У хозяйки комнаты была дочь Розалия Давыдовна. Фамилию я не помнила. Она преподавала русский язык в школе и собирала воспоминания о декане филфака ЛГУ Рифтине. Тогда мне эта фамилия ни о чем не говорила, но запомнилась из-за ее необычности. Через жилищное агентство Центрального района С.-Петербурга удалось выяснить, что в 1950–1964 гг. по адресу Невский пр., д. 18, кв. 7 была прописана Еселевич Розалия Давыдовна, 1925 г. р. (информация предоставлена 22.01.2015 за № 1615/14).

**Жирмунский В. М. А. П. Рифтин (1900–1945 г.)
(Жирмунский, 1946)**

Неожиданная смерть А. П. Рифтина — тяжелая утрата для Ленинградского университета и для всей советской лингвистической науки.

А. П. Рифтин был воспитанником нашего университета. Здесь прошла в основном вся его напряженная и исключительно плодотворная деятельность — ученого, педагога, руководителя филологического факультета и общественного работника.

В 1920 г. А. П. Рифтин поступил в Археологический институт, вскоре затем вошедший в состав Ленинградского государственного университета; в 1923 г. он окончил университет по археологическому отделению и в 1925 г. — по отделению Древнего мира как специалист по ассириологии. Учителями А. П. Рифтина были проф. В. К. Шилейко по клинописи, акад. П. К. Коковцов по ассириологии и гебраистике и акад. И. Ю. Крачковский по арабистике. В области общего языкознания его наставником был акад. Н. Я. Марр. Под влиянием Н. Я. Марра молодой лингвист-семитолог, не оставляя углубленной работы по своей специальности, расширил круг своих научных интересов в направлении основных вопросов теории языка.

С 1925 по 1928 г. А. П. Рифтин проходил аспирантуру по ассириологии и общему языкознанию в Институте литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете, впоследствии преобразованном в Институт речевой культуры (ИРК) и в Ленинградский институт языкознания (ЛНИЯ). Одновременно он работал в основанном Н. Я. Марром Яфетическом институте Академии наук (ныне Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра (ИЯМ. — Г. К.)).

По окончании аспирантуры А. П. Рифтин состоял старшим научным сотрудником, а потом действительным членом Института языкознания до его закрытия в 1937 г., заведовал учебной частью Института, его издательским сектором, состоял сначала секретарем, а в дальнейшем руководителем различных исследовательских групп.

Его научная работа в Институте протекала в постоянном творческом общении с лингвистами разных специальностей, востоковедами, западниками и славистами. В этой совместной товарищеской работе над очередными проблемами советской лингвистической науки расширялся горизонт научных интересов А. П. Рифтина и слагалась его оригинальная концепция лингвистических явлений.

По инициативе А. П. Рифтина и под его редакцией Лингвистический институт приступил к изданию научной серии «Строй языков»,

печатание которой было затем продолжено филологическим факультетом Ленинградского университета (1935–1939, 11 выпусков). Серия эта ставила одну из важнейших для современной лингвистики задач: широкое ознакомление с языками различных систем как необходимую основу для их сравнительно-типологического исследования.

По своей основной лингвистической специальности А. П. Рифтин был ассириологом, прекрасным знатоком древних семитических языков и исследователем клинописи. Ряд научных работ в этой области он увенчал изданием серии вавилонских деловых и юридических документов из собраний Академии наук («Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР». Академия наук, 1937). Эта обширная монография, плод многолетнего труда, по отзыву акад. И. Ю. Крачковского, дала автору «полное право на занятие первого места в этой области у нас и достойного положения среди специалистов за рубежом».

Как ассириолог А. П. Рифтин первый разработал и поставил в Ленинградском университете преподавание шумерского, аккадского (ассиро-вавилонского) и хеттского языков, а также литератур этих народов. В 1933 г. он организовал и возглавил кафедру семито-хамитской филологии, на которой до войны работали крупнейшие семитологи и африканисты нашего Союза. С 1944 г. на вновь основанном факультете Восточных языков ЛГУ он заведовал кафедрой древних семитических языков⁹².

Но как лингвист-теоретик с широким научным кругозором А. П. Рифтин никогда не ограничивал своих научных интересов накоплением эмпирических знаний в области своей более узкой специальности. Углубленную исследовательскую работу в этой специальной области он умел соединять с не менее близкой его научным интересам проблематикой общего языкознания. Новое учение о языке Н. Я. Марра поставило перед молодым ученым проблему развития языковых категорий в связи с развитием мышления, в рамках единого глоттогонического процесса, обусловленного общими закономерностями социально-исторического развития.

Ряд работ А. П. Рифтина, из которых некоторые еще не опубликованы, но известны по его докладам, затрагивает, частью на материале его специальности, частью — в рамках более широкого сравнительно-типологического исследования, основные вопросы общего

---

⁹² Видимо, имеется в виду кафедра ассириологии и гебраистики.

языкознания: «Принцип построения теории стадий в языке»⁹³, «Категории видимого и невидимого мира в языке», «Отрицание, утверждение и вопрос», «Происхождение родительного падежа»⁹⁴, «Происхождение наклонений в древних семитических языках»⁹⁵, «Из истории множественного числа» и др.

На основании сравнительно-исторического анализа названных грамматических категорий в языках различных систем А. П. Рифтин пришел к выводу, что их основой являются категории видимого и невидимого мира, слагающиеся в сознании первобытного человека. Работы А. П. Рифтина прослеживают последовательные отражения и переоформления этих основополагающих категорий первобытного сознания в различных формах отрицаний, вопроса, модальности и видовости, в развитии множественного числа и категории принадлежности.

В последние годы своей жизни А. П. Рифтин работал над докторской диссертацией: «История отрицания в аккадском языке в свете общей истории и теории отрицания». Здесь, на конкретном материале точно датированных юридических документов, охватывающих многовековую историю древних семитических языков, он ставил общие вопросы истории отрицания как одной из определяющих категорий стадийного развития языка.

Работы А. П. Рифтина по языкознанию заслуженно привлекали к себе внимание лингвистов всех специальностей и неоднократно были предметом оживленной и плодотворной научной дискуссии. Следует пожелать, чтобы они в ближайшее время целиком увидели свет в трудах Ленинградского университета.

Педагогическая деятельность А. П. Рифтина началась в 1930 г. и, помимо его непосредственной специальности — ассириологии, в основном посвящена была преподаванию общего языкознания. Курс общего языкознания А. П. Рифтин читал в разное время в Институте языкознания (аспирантам), в Коммунистическом институте журналистики, где он заведовал кафедрой русского языка (1930–1934), в Институте восточных языков, в Педагогических институтах им. Герцена и им. Покровского, в I Ленинградском

---

⁹³ Доклад и статья назывались «Основные принципы построения теории стадий в языке» (Приложение 2/1, ст. А. П. № 19, 23).

⁹⁴ «К происхождению родит[ельного] падежа» (Приложение 2/3, неопубликованная работа А. П. № 4).

⁹⁵ «К происхождению наклонений в семитских языках» (Приложение 2/3, неопубликованная работа А. П. № 7).

институте новых языков, на курсах по переподготовке учителей русского и иностранных языков и др. С 1935 г. он преподавал этот предмет на I курсе филологического факультета для студентов всех специальностей. Высокий теоретический уровень этого курса, отражавшего новейшие достижения советской и передовой западно-европейской лингвистической науки, глубокая заинтересованность лектора в своем предмете, простота и живость изложения объясняют исключительную популярность, которой пользовался А. П. Рифтин как преподаватель среди широкой студенческой аудитории. По установившемуся обычаю, учебный год на филологическом факультете неизменно открывался вступительной лекцией А. П. Рифтина по курсу общего языкознания, вводившей начинающих студентов-филологов в основные проблемы их будущей специальности.

Как ученый-общественник А. П. Рифтин со студенческих лет принимал самое деятельное участие в общественной жизни факультета и университета и в научно-организационной работе. На ответственном посту декана филологического факультета (1939–1942) он показал себя образцовым организатором научно-учебной и общественной жизни факультета. При его руководящем участии были составлены общий план организации и структуры кафедр, типовые учебные планы восточного отделения, была проведена штатно-окладная система, организована научная работа кафедр и издательская — факультета. Благодаря широте своих научных интересов, А. П. Рифтин сумел объединить научную работу лингвистов всех специальностей, представленных на факультете, — восточников и западников, ученых старого и молодого поколения. Он организовал и возглавил научно-исследовательскую ассоциацию лингвистических кафедр, он основал и редактировал лингвистическую серию «Ученых записок» факультета.

В течение трех лет руководимый А. П. Рифтиным филологический факультет держал переходящее красное знамя Ленинградского университета.

В суровые и героические дни блокады Ленинграда А. П. Рифтин, как руководитель факультета, проявил исключительную активность и энергию, организуя и поддерживая оборонную и научно-учебную жизнь факультета. Живя в стенах факультета, он был начальником МПВО своего объекта. Его выдержка и дисциплинированность советского гражданина и патриота служили примером для всех окружающих; его забота о людях, мужественное слово и твердая уверенность

ность в конечной победе нашей родины поддерживали и ободряли каждого, кто нуждался в товарищеской помощи и поддержке.

За доблесть, проявленную в эти дни, Правительство отметило А. П. Рифтина почетной наградой — медалью «За оборону Ленинграда».

В личном общении с товарищами, старшими и младшими, преподавателями и учащимися, А. П. Рифтин неизменно проявлял черты присущего ему душевного благородства — высокую принципиальность в вопросах научных и общественных, доброту, отзывчивость и благожелательность в человеческих отношениях. В товарищеском общении с А. П. Рифтиным многочисленные аспиранты и преподаватели-лингвисты всех специальностей неизменно находили научную помощь и живой отклик на свои разнообразные лингвистические интересы. Широкий теоретический кругозор А. П. Рифтина, его обширные знания, живая мысль и научный энтузиазм делали это товарищеское научное общение с ним исключительно интересным и плодотворным.

Трудно примириться с мыслью, что эта деятельная жизнь и творческая работа оборвались так рано, трудно измерить всю тяжесть понесенной нашим университетом потери.

Будем хранить память о нашем дорогом товарище и друге, продолжая служить великому делу науки и просвещения нашей родины, которому он целиком посвятил свою короткую жизнь.

**Кинжалов Р. В. Из книги «Из прошлого»
(Кинжалов, 2013)**

С. 64–69

Весной 1941 г. я окончил среднюю школу и был зачислен как «отличник», без экзаменов на первый курс филологического факультета ЛГУ... Но буквально через несколько дней началась Великая Отечественная война... В сентябре 1942 г. я был освобожден из армии по состоянию здоровья. Можно было продолжать учебу.

Я приехал в Саратов, где тогда находился в эвакуации ЛГУ, в четыре часа утра 1 октября 1942 года... Войдя, наконец, в нужное здание, где размещался филологический факультет, я собирался отправиться в деканат... В пустом, залитом осенним солнцем коридоре мне встретился очень молодой человек («Наверное, тоже студент или аспирант», — подумал я). На мой вопрос, где здесь деканат филфака, он ответил радостным возгласом: — Студент? — Студент филологического факультета, первый курс, — гордо начал я. Но он

одной рукой схватил меня за воротник пальто, другой открыл какую-то дверь и, пробормотав неразборчиво что-то вроде «потом, потом», толкнул меня туда.

Я оказался на самом верхнем ряду огромной на несколько сот человек аудитории-амфитеатра... В аудиторию вошел высокий молодой человек (как потом выяснилось, зам. декана филфака, доцент Рубен Александрович Будагов) и после переключки громко спросил: «Кто здесь из вновь прибывших?»... Когда дошла моя очередь, под взорами нескольких десятков любопытных глаз я все же сумел довольно четко ответить: Кинжалов, первый курс, семитическая филология, клинопись. На лице Будагова проступило недоумение. Он сказал: — Сейчас у нас такой курс не читают. Вам придется выбрать другую специальность...

Не знаю, чем кончилась бы эта беседа, если бы не вошедший во время нее высокий человек в длинном синем пальто. Он коснулся рукой плеча Будагова и что-то тихо сказал ему. Рубен Александрович обрадованно произнес: — Вот после лекции профессора (фамилию я не разобрал) вы подойдете к нему и обо всем договоритесь... Она была посвящена введению в языкознание, предмету сложному для вчерашних школьников. Но лектор читал превосходно: четко, ясно и очень интересно. Академический час пролетел для меня незаметно.

Как только прозвучал звонок, я спустился к кафедре. Профессор спросил: — Ваша фамилия Кинжалов, не так ли? Я знаю о вашем желании заниматься клинописью, мне в Ленинграде говорила о вас Наталия Давыдовна Флиттнер... Сразу стало легко на сердце. Раз обо мне ему говорила Наталия Давыдовна, значит, все устроится⁹⁶... — Сейчас здесь нет никаких пособий, по которым мы могли бы заниматься клинописью, — продолжал он, — но скоро приедет Лев Александрович Липин и привезет учебник Делича. Так что клинопись от вас не уйдет. Но пока надо оформиться на какой-либо цикл, без этого вас не зачислят в университет. После сегодняшних лекций обязательно поговорите с Иосифом Моисеевичем Тронским (см. БСЭ-3. — Г. К.). Я советую вам пойти на классический цикл... Я спросил имя и отчество моего собеседника. — Александр Павлович Рифтин...

⁹⁶ С известным востоковедом Н. Д. Флиттнер Р. К. начал переписываться в 1939 г., прочитав ее книги «В стране пирамид» и «На берегах Тигра и Евфрата». Именно она посоветовала школьнику, мечтавшему заниматься дешифровкой древней письменности (хеттской, урартской), получить образование в ЛГУ, где в то время сложилась самая сильная в стране научная школа. Тот же совет дал ему и академик И. Мещанинов, нашедший время отвечать на письма школьника из провинциального городка (г. Мичуринск. — Г. К.). — *Примеч. Е. А. Алексеенко* (ст. н. с. МАЭ, жена Р. В. К.).

Рифтин!!! О нем писали мне перед войной и Наталия Давыдовна и академик Мещанинов. Рифтин — глава семитологии в Советском Союзе. Раз он говорит о классическом цикле, значит, надо идти на этот цикл. И он, сам Рифтин, будет заниматься со мной! Все это, очевидно, так явственно отразилось на моем лице, что Александр Павлович улыбнулся (улыбка у него была удивительно доброй, несмотря на строгое выражение лица), и он сказал: — Договорились? Будем продолжать лекцию. У него было удивительное чувство времени. Александр Павлович был точен, как Кант. Он появлялся в дверях аудитории в середине звонка, а за полминуты до нового заканчивал. Я едва, бегом, успел вскарабкаться на свой верхний ряд, как он начал читать (читать, конечно, в старом добром смысле, т. е. глядя на аудиторию, без всяких конспектов, текста или записок, моментально реагируя на реакцию слушателей. К сожалению, теперь много лекторов, привязанных к бумажке).

С. 81–92

Я уже писал о первой встрече с Александром Павловичем Рифтиным. Он тогда сказал, что как только у него появится учебник Ф. Делича по клинописи, он начнет заниматься со мной. Действительно, скоро в Саратове был проездом Л. А. Липин, привезший Делича, и наши занятия начались. А. П. был великолепным педагогом и замечательным лектором. Его лекции по общему языкознанию, яркие примеры оттуда я помню до сих пор. Наши индивидуальные занятия проходили у него на квартире (в номере гостиницы «Россия»). Там я познакомился и с женой Александра Павловича Софьей Кондратьевной (так в тексте. — Г. К.), очень милой женщиной. Кто-то из студентов говорил, что она обрусевшая японка. Так это, или выдумка, не знаю.

Но сперва мне пришлось выучить квадратный еврейский шрифт, затем первый набор клинописных знаков и основные грамматические сведения по семитическим языкам. Александр Павлович был так же требователен, как и Иосиф Моисеевич, но более щедр на похвалы. Помню такой случай. Я устно спрягаю какой-то глагол, А. П. поправляет, я упорствую и, раскрыв книгу, нахожу, что прав. А. П. улыбается и хвалит меня. Теперь я понимаю, что Александр Павлович ошибиться, конечно, не мог, он просто испытывал ученика. Но чувство радости и гордости живо во мне до сих пор.

Публичные лекции Александр Павлович читал блестяще, с яркими примерами. Он был сторонником идей Марра, но в научной работе, по-моему, совсем не пользовался его методикой. В Саратов А. П.

привез сундучок с картотекой по своей докторской диссертации; он стоял у него под койкой. Но диссертацию, увы, он так и не закончил.

По возвращении в Ленинград Александр Павлович скорострительно скончался, совсем еще не старым, от сердечной недостаточности. Хоронили его торжественно и, наверно, это были одни из последних похорон в Ленинграде, когда огромная процессия прошла пешком по Невскому от университета до Александро-Невской лавры. Его очень любили и чтили...

Александр Павлович был строг, требователен и к себе, и к ученикам, но очень заботлив в отношении последних. Он поддержал, когда моя кандидатура была представлена на персональную стипендию имени А. С. Грибоедова. Во время домашних занятий, так же, как и с Иосифом Моисеевичем, часто происходили отвлечения от основной темы. Сейчас, конечно, всего не вспомнить, но один раз, например, когда я спросил об этимологии его фамилии, Александр Павлович прочел настоящую лекцию о происхождении еврейских фамилий⁹⁷. Поэтому я потом поразил С. Я. Лурье (античник, см. БСЭ-3. — Г. К.) фразой о его испанских корнях. Он даже спросил, откуда я это знаю. Ссылка на Александра Павловича объяснила все.

Очень интересен был его рассказ о том, как он стал заниматься ассириологией. Во время гражданской войны он работал санитаром в больнице. И вот один раз туда привезли истощенного больного, у которого была только одна шинель, надетая на голое тело. Этим человеком был Вольдемар Казимирович Шилейко — великолепный знаток клинописи и в то время муж А. А. Ахматовой. Он-то и соблазнил молодого санитаря заняться ассириологией (ср. Приложение 6.1: Б. Л. Рифтин. — Г. К.). К сожалению, и учитель, и ученик умерли молодыми, у каждого (если не ошибаюсь) вышло по одной книге и несколько статей, а судьба их архивов была печальной. Кроме Шилейко, Александр Павлович считал своим учителем Н. В. Юшманова, которого высоко ценил (ср. Автобиографию А. П.).

Александр Павлович тщательно анализировал военные сводки и выступал перед кружком профессоров (впрочем, туда сбегались и студенты) с сообщениями. За недюжинные способности в прогнозировании военных событий его за глаза и в глаза называли «генералом», что ему явно нравилось (ср. письмо А. П. № 13; Приложение 6/2: Розенфельд).

---

⁹⁷ По рассказу Р. В. Кинжалова, собственную фамилию А. П. Рифтин этимологизировал просто: «облагозвученный сын Ривки». — *Примеч. И. Ю. Шайба.*

Александр Павлович был человеком исключительной скромности и доброты. Никогда я не видел его рассерженным или просто нахмуренным. Память о нем я храню как святыню. После его кончины Софья Кондратьевна подарила мне его фотографию с надписью: «Дорогой Слава, пусть сбудется все то, о чем мечтал для вас Александр Павлович!» Не знаю, состоялось ли это...

Когда я закончил первый курс, мои фронтовые товарищи прислали большую коробку хороших «комиссарских» папирос. Я тогда не курил, и ребята мне так и написали: «Это для твоих профессоров». Время было очень суровое, и я ликовал, что могу так порадовать своих учителей — и Иосиф Моисеевич, и Александр Павлович, и Григорий Александрович (Гуковский. — Г. К.), все были страстными курильщиками. На первом же занятии я открыл коробку и попытался отдать половину папирос Александру Павловичу. Но он взял лишь одну, несмотря на мои уговоры и мольбы. Совершенно так же поступил и Иосиф Моисеевич. Лишь Григорий Александрович взял несколько папирос, учитывая курящую жену. Оставшаяся часть коробки разошлась в общежитии; вместе с товарищами тогда закурил и я.

Я неоднократно рассказывал об этом случае с фронтовыми папиросами. Благородная щепетильность профессоров не всегда оказывалась понятной слушавшим. Но таковы были замечательные учителя у нашего поколения!

С. 222–223

Из письма Н. Д. Флиттнер от 22.IV.1941:

Переходя к Вашему вопросу о ВУЗ'е, я предварительно сообщу Вам все, что в данный момент знаю о преподавании культуры и языков Передней Азии. Об американистике я наведу Вам все справки и сообщу их одновременно с уточнением сведений о преподавании ассириологии.

Начать с того, что ехать Вам из Вашего города надо не в Москву, а только в Ленинград, — в Москве специалистов-переднеазиатов нет и языку учиться там не у кого.

У нас поступить можно на ист.-фак. университета, где читается история Востока. Мой совет, однако, поступать не на истфак, а на филфак, так там Вы получите и материальную культуру и язык, вернее языки древней Передней Азии. Заведует кафедрой крупнейший в настоящее время у нас ассириолог, Александр Павлович Рифтин. Он же ведет и преподавание клинописи, шумерского, вавилонского и хеттского языков. Некоторые курсы языка ведет

доцент Игорь Михайлович Дьяконов, который одновременно работает в Эрмитаже...

С американистикой дело обстоит сложнее, насколько я знаю, не будучи специалистом в данной области. Один из наших молодых и наиболее энергичных американистов призван на военную службу и мне особенно жаль, что он надолго выбыл из строя, так как он был одновременно и египтологом, хорошим знатоком иероглифики и иератики⁹⁸.

Крачковский И. Ю. Памяти ученика (Крачковский, 1946)⁹⁹

Кончина А. П. Рифтина — тяжелый удар для молодого восточного факультета, где он был одним из самых энергичных и нужных работников. Тяжело прощаться с ним представителю старшего поколения, особенно тому, кто был непосредственным и близким его учителем.

Александр Павлович пришел в студенческую аудиторию в первой половине 20-х годов, в трудное время, когда страна едва залечивала раны, когда в университете не все было устойчиво, когда не все специальности находили свое признание. Нужна была немалая энергия, чтобы найти свою дорогу, и большая выдержка, чтобы твердо дойти до намеченной цели. Уже в первые годы здесь сказалась вся его оригинальность как ученого, широта кругозора, позволившая быстро ориентироваться на пролагаемом по целине пути.

А. П. Рифтин был счастлив в учителях. В предисловии к своему главному труду он писал в 1937 г. {Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937, с. 6}: «...Не могу не упомянуть здесь с особой теплотой покойных уже ныне акад. Н. Я. Марра и проф. В. К. Шилейко, у которых я учился и которые определили мой путь, как специалиста». Сочетание двух этих имен знаменательно. Гениальный создатель нового учения о языке и талантливый вавилонист во многом были не похожи один на другого, но оба горели высоким научным энтузиазмом всю свою жизнь — семидесятилетнюю у одного, едва сорокалетнюю у друго-

---

⁹⁸ Скорее всего, речь идет об А. В. Мачинском, который наряду с занятиями египтологией серьезно интересовался культурами доколумбовой Америки. — *Примеч. И. Ю. Шабба* (д. ист. н., вед. н. с. ИИМК, ученик Р. В. К.).

Алексей Владимирович Мачинский (1910–?) — историк-музеевед. Специализация: сельское хозяйство Древнего Египта. Работал в ГАИМК и ИАЭ. Пропал без вести в 1941 г. (Академическая археология на берегах Невы).

⁹⁹ Сноски автора помещены в текст в фигурных скобках.

го. Их энтузиазм отпечатлелся на темпераменте А. П., более выдержанным и ровным, создав своеобразное равновесие. Трудно было сказать, кто преобладал в нем — представитель общего языкознания или ассириолог; несомненно одно, что он стал одинаково крупным специалистом и в той, и в другой области. В этом сказалась его оригинальность и неповторяемость.

С первых лет университетской жизни он почувствовал необходимость пройти очень серьезную и глубокую подготовку. Когда в том же предисловии дальше он писал: «Не меньшую признательность я должен выразить акад. П. К. Коковцову, акад. И. Ю. Крачковскому и акад. И. И. Мещанинову за все то, что я получил от них, начиная со студенческой скамьи» — это приоткрывало только одну сторону его занятий, не говорило о том, какой труд требовался, чтобы пройти до конца по всем трем линиям, широко захватывавшим обширные области семитологии, арабистики, халдоведения (совр. урартология. — Г. К.) и многих связанных с ними дисциплин, — пройти наряду с теми, кто стремился к специализации только в одной из этих наук.

С удовлетворением и с грустью я вспоминаю теперь арабистическую аудиторию 20-х годов, из четырех студентов которой вышло четыре ученых¹⁰⁰ — каждый со своим оригинальным, ему присущим обликом, каждый с новым словом в избранной им области. И А. П. — уже второй (после Бендера. — Г. К.) из этой редкой, дорогой мне группы, который уходит раньше учителя. Никогда не забыть мне, как в течение двух лет по окончании университета, еженедельно по четвергам, все четверо продолжали трудиться со мной по доброй воле над арабскими текстами, хотя каждый был занят особой, иногда утомительной работой или службой, хотя все они по существу были людьми разных, уже определившихся специальностей — ассириолог, гебраист, арабист, этнограф. Такой подготовки искал для себя А. П., и так действовал он и в других областях.

Счастлив был А. П. в учителях, счастлив оказался и в материале, на котором специализировался. Вавилонские таблички знаменитого собрания Н. П. Лихачева увлекли его так же, как в свое время увлекли основателя русской ассириологии М. В. Никольского (1848–1917)

---

¹⁰⁰ В. И. Беляев, И. Г. Бендер, И. Н. Винников, А. П. Рифтин (Приложение 6/2: Дьяконов).

Иосиф Генрихович Бендер (1900–1941) — гебраист, к. ист. н., изучал древнейшую историю еврейского народа в тесной связи с историей других народов Древнего Востока, С 1932 г. зачислен в Еврейский кабинет ИВ. Умер в блокадном Ленинграде (Милибанд 2008; Старкова, 1972, с. 550–553).

{Общая характеристика его трудов у В. П. Бузескула. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. II. Л., 1931, с. 112–117}, как увлекли и его талантливый продолжатель В. К. Шилейко (1891–1930) {Его памяти А. П. Рифтин посвятил небольшую заметку с полным списком его работ в Сборнике Египтологического кружка при Ленинградском государственном университете. № 6. 1930, с. 1–4}. Каждый из них капитальным трудом увековечил значение этой коллекции в истории русской науки. «Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи» (1908, 1915) М. В. Никольского явились первым номером этой серии; за ним последовали «Вотивные надписи шумерийских правителей» (1915) В. К. Шилейко, а через двадцать лет к ним присоединились «Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР» (1937) А. П. Рифтина, — труд, достойный своих предшественников. Работу над коллекцией Н. П. Лихачева А. П. начал на студенческой скамье и с неустанным терпением и настойчивостью продолжал до последних дней, постепенно расширяя свои исследования и на другие наши коллекции, главным образом, Государственного Эрмитажа и Московского музея изящных искусств.

Он не принадлежал к ученым, торопящимся с опубликованием своих работ; увеличение их числа его не привлекало. Он знал, что за минуты синтеза надо платить месяцами анализа, и, охотно делаясь своими наблюдениями или исследованиями в устных докладах, для печати он готовил их годами. Уже в первых его статьях, обыкновенно небольших, всегда очень скрупулезно отделанных, отчетливо выступают два момента. Подходя с лингвистическим анализом, мало затронувшим до сих пор область ассириологии, он умеет найти новое освещение, благодаря продуманному использованию языковой теории Марра, развитие которой в последнем этапе шло на его глазах; поэтому и «система шумерских числительных» {Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927, с. 177–190} вырисовывается отчетливее в первой же его статье. Внимательно учась на трудах своих предшественников в ассириологии, он всегда обращается к самостоятельному пересмотру привлеченного ими материала; поэтому и в капитальную работу М. В. Никольского он с первых шагов может внести ряд уточнений для дешифровки «древне-шумерийских хозяйственных документов» {Сборник Египтологического кружка при ЛГУ. № 1. 1929, с. 15–17}. Вводя в обиход науки новый материал, он всегда старается в немногословном комментарии анализировать его всесторонне, не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом

отношении. Так он поступает уже в первом своем издании таблички Московского музея изящных искусств, говоря «о некоторых древне-вавилонских торговых документах» {Сборник Египтологического кружка при ЛГУ. № 4. 1930, с. 26–30}; этот тип работы остается для него характерным и в дальнейшем.

Ему приходится иметь дело не с одной лингвистикой или палеографией. Отвоевывая строчка за строчкой, знак за знаком текст обыкновенно плохо сохранившихся клинописных табличек, он в связи с их содержанием должен углубляться в область экономики и права. С большим тактом и осторожностью, на основе самостоятельного изучения всяких смежных областей он рассматривает и эти стороны, имея в виду не одних вавилонистов, но и представителей юриспруденции или экономики. Почти в каждой из его статей вводится новый неопубликованный материал, всегда в тщательном издании, с продуманным лаконичным комментарием: постепенно он делает доступными документы «Из вавилонского права» {С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934, с. 437–442}, «Старовавилонский документ об аренде из Сиппара» {XLV. Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935, с. 757–760}, освещает вопросы «К происхождению вавилонского частноправового акта» {Вспомогательные исторические дисциплины. [Сборник статей.] М.; Л., 1937, с. 3–10}, «Процесса о свадебном подарке времени Samsuiluna из Sippar'a» {Там же, с. 11–18}. Завершением этой линии работ является упомянутая уже книга «Старовавилонские юридические и административные документы» 1937 г. В этом труде, систематически подготовлявшемся больше десяти лет, А. П. Рифтин опубликовал 147 клинописных таблиц, в основном из собрания Н. П. Лихачева, частично Московского музея изящных искусств (около 15) и Государственного Эрмитажа (около 10). Анализ всех этих деловых, процессуальных и административных документов требовал, можно сказать, энциклопедических познаний во всех связанных с ними вопросах; их дешифровка и комментирование были возможны только благодаря неустанной методической и очень углубленной работе в течение многих годов. Труд является в полной мере *testimonium maturitatis*¹⁰¹ не только А. П. Рифтина, но и всей нашей ассириологической науки.

О большой организованности его работы говорит, что, параллельно с этой линией, он находил время вести так же настойчиво

---

¹⁰¹ Лат. «свидетельство зрелости».

и лингвистическое исследование, прежде всего в области наиболее близких ему материалов аккадского языка. В нужных случаях он никогда не избегал обобщающих или итоговых этюдов. Об этом свидетельствуют его статьи о «шумерийском языке»¹⁰² {БСЭ. Т. 62. 1933, стб. 754–756}, о «хетто-каппадокийских языках» {Там же. Т. 59. 1935, стб. 510–511}, но все же его излюбленной формой оставались специальные монографии, которые постепенно приоткрывали его большие, сосредоточенно подготовляемые построения. Он писал «о двух путях развития сложного предложения в аккадском языке» {СЯ. Т. III. Л., 1937, с. 59 сл.}, «к происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языке» {Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 года. М.; Л., 1941, с. 127–132}, везде умело сочетая глубокую семитологическую подготовку с широким горизонтом языковеда. Слыхавшие его доклады знали, как он постепенно подходил к высотам языковых обобщений и как близки были уже его итоговые выводы. Об этом особенно отчетливо сказал доклад на юбилейной сессии университета об «основных принципах построения теории стадильности в языке» и его поминальное слово на последнем заседании в память Н. Я. Марра. Завершить эти обобщения в печатном виде ему уже не было суждено.

Счастьем для окружающих и несчастьем для него самого было то, что А. П. кроме научного дара в такой же мере обладал даром преподавателя и организатора; это бывает далеко не у всех ученых. Преподавать он начал рано — одновременно с первыми печатными статьями, и скоро в этой области сделался незаменимым. Одинаково хорошо он умел владеть и большой аудиторией в 200–300 человек, когда ему приходилось читать лекции по общему языкознанию, и небольшой группой семитологов-специалистов в 2–3 студента, которым уделял не меньше времени и труда.

От организационной работы А. П. никогда не отказывался и, в частности, смело взялся за нее, когда в 1933 г. надо было создать вновь кафедру семито-хамитской филологии. Многие из старших товарищей и учителей его смотрели на это пессимистически; достаточно сказать, что даже в самом университете далеко не для всех значение таких дисциплин, как африканистика или ассириология, казалось ясным, а вне его они вызывали часто прямое противодействие. Нужна была большая убежденность и еще большее умение и такт, чтобы при таких условиях достойно в университетском мас-

---

¹⁰² «Шумерский язык» (Приложение 2/1, ст. № 6).

штабе организовать и направить новое дело. И если это удалось, то лишь благодаря редкому дару А. П., которого не мог не признать и тот, кто был значительно старше его, и тот, кто не всегда разделял его взгляды. Дело росло у всех на глазах и само за себя говорило; развитие его шло верной дорогой, и только война нарушила это движение.

На одном из юбилейных собраний в январе этого года А. П. Рифтин сказал мудрое слово о великой науке человеческих отношений, которую у нас мало ценят. Сам он этой наукой владел в полной мере, и вся она была у него направлена на служение науке и людям. Его выдержка, уравновешенность и благожелательное отношение могли быть идеалом для многих. Оттого ему удавалась организация научной работы в таких коллективных предприятиях, как серия «Строй языков», оттого такой оригинальной, такой неповторяемой оказывалась его фигура ученого и деятеля университета, которому без остатка он посвятил свою недолгую, быстро сгоревшую жизнь.

Всякий настоящий ученый неповторим и незаменим. В А. П. Рифтине сочетание научных специальностей ассириологии и общего языкознания было глубоко органичным; в этом была его сила и гармония. Так же гармонично в нем сочетался ученый, преподаватель и организатор; в этом его незаменимость. Трудно сказать, в какой мере представители отдельных сфер деятельности продолжают его работу; нам, старшим, невольно хочется вспомнить неотъемлемое утешение, которое в давних словах выразил поэт чувства и «сердечного воображения»:

Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были¹⁰³.

**Покровская Л. А., выпускница восточного факультета ЛГУ.
Из воспоминаний «Мои университетские годы»
(Покровская, 2005, с. 128)**

На 3-м курсе я тяжело заболела дизентерией, лежала на своей кровати с высокой температурой и сильными болями в кишечнике. Студентов нашего общежития обслуживала медсестра — маленькая пожилая японка, вдова профессора нашего факультета А. П. Рифтина, скончавшегося в 1945 г. Она не отправила меня в «Боткинские

---

¹⁰³ Жуковский В. А. Воспоминание («О милых спутниках, которые наш свет...», 1821 г.).

бараки»¹⁰⁴, а перевела вниз, в маленькую комнату-«изолятор» и вылечила бактериофагом. Студенты из нашей группы приносили дрова и топили печку в этом изоляторе, приносили какую-то еду из столовой (по моим карточкам). Я до сих пор вспоминаю эту медсестру-японку, которая так внимательно отнеслась ко мне.

Решетникова (Градова) И. Ю.,
выпускница восточного факультета ЛГУ.
Из очерка «Воспоминания японистки-китаистки
о студенческих годах»
(Решетникова (Градова), 2005, с. 276–277)

В общежитии была медсестра. По-моему, у нее не было кабинета. Она обычно ходила по нашим комнатам и разговаривала с нами. Мы были с ней откровенны. Не все ходили на лекции: некоторые притворялись больными, другие откровенно признавались, что идти на лекцию просто лень. И эта маленькая, хрупкая старушка (японка) говорила на очень правильном и несовременном русском языке, что у молодого человека (это сочетание она употребляла и для девушек) не может быть лени, что это недомогание и авитаминоз. Она приносила нам целое ведро сиропа витамина «С», разливала по чашкам и рекомендовала принимать каждый день. Ведь мы хронически голодали: были карточки на все продукты. И даже большая ленинградская норма не могла нас насытить. Все это было на первом курсе в левом крыле здания. Потом я узнала, что фамилия медсестры Рифтина¹⁰⁵, что... муж ее был деканом филфака. Тогда еще востфак не выделился в самостоятельный факультет. Однотомный Советский энциклопедический словарь [М., 1987] сообщает, что А. П. Рифтин был специалистом по Вавилону и Ассирии и умер в 1945 г. Полагаю, что его жену устроили на работу, чтобы она получала рабочую карточку, нормы продуктов по которой были существенно больше, чем по карточкам для иждивенцев.

¹⁰⁴ Клиническая инфекционная больница им. С. П. Боткина.

¹⁰⁵ Официально С. К. не носила фамилию мужа.

В свидетельстве о рождении Рифтина Владимира Александровича за № 2229, выданном в Октябрьском РАЙЗАГСе г. Ленинграда 10/IV 1931 г., указаны: отец Рифтин Александр Павлович и мать Гуммерт София Конрадовна.

В повторном свидетельстве о смерти указано «Гуммерт София Конрадовна родилась 24/01/1894, умерла 09/01/1981, о чем 12/01/1981 составлена запись акта о смерти № 66. Место смерти г. Ленинград, РСФСР». Место регистрации: Отдел ЗАГС Адмиралтейского района Комитета по делам ЗАГС Правительства Санкт-Петербурга. Дата выдачи 26/10/2012.

Розенфельд Я. С., проф. ЛГУ¹⁰⁶
Из статьи «Ленинградский университет в годы
Великой Отечественной войны»
(Розенфельд, 2010, с. 15)

Большое место в нашей жизни в Саратове занимали радиопередачи. В дни Сталинграда в «России»¹⁰⁷ еще не было репродуктора. Некоторые из нас... аккуратно выходили в 6 ч утра к уличному репродуктору. Потом у нас появились репродукторы в комнатах. «Военным штабом» мы в шутку назвали комнату семьи Рифтиных. Часам к 11 вечера начинался сбор у покойного Рифтина (для нас всех, «саратовцев», вечно живого, остроумного, веселого, хорошего друга и товарища). Официально в его комнате жили он и его семья. Фактически это был клуб, открытый для всех до поздней ночи. Сюда приходили слушать ночную сводку. Нас не смущало, если А. П. иногда не бывало дома.

Шумовский Т. А.¹⁰⁸ Из книги «Воспоминания арабиста»
(Шумовский, 1977, с. 42–43)

Едва я вошел в старинную квартиру на 15-й линии Васильевского острова, высокий, полный, неизменно радушный Струве пригласил меня в гостиную.

— Как дела, голубчик? (Все знакомые, независимо от возраста и положения, были для него «голубчиками»). — Василий Васильевич, нам не ввели персидский язык, а мы хотим заниматься. — «Мы» — это кто же? Студенты-арабисты? — Да... — Почему же не вводят?

---

¹⁰⁶ Яков Самойлович Розенфельд (1883–1973) — первый зав. кафедрой конкретной экономики Ленинградского университета. Крупнейший специалист по проблемам экономики ленинградской промышленности. В 1949 г., в разгар «борьбы с космополитизмом», был арестован и приговорен к 10 годам лагерей. Реабилитирован в 1955 г. (Розенфельд, с. 10).

¹⁰⁷ Гостиница, в которой располагался ЛГУ (Приложение 6/1: В. А. Рифтин).

¹⁰⁸ Теодор Адамович Шумовский (1913–2012) — арабист, д. ист. н. Исследовал памятники арабской морской географии, занимался историей изучения арабских рукописей по навигации, в рамках создания каталога арабских рукописей ЛО ИВ занимался каталогизацией рукописей по математике и астрономии. Труды: «Книга пользы» Ахмада ибн Маджида — арабская морская энциклопедия XV в.; Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида (переведена на португальский и арабский); Арабы и море (научно-популярная книга) и др. В 1938–1963 гг. неоднократно арестовывался и приговаривался к различным срокам заключения в ИТЛ. Работал сотрудником ЛО ИВ (АМ..., с. 594; Люди и судьбы...; Милибанд, 2008).

Ахмад ибн Маджид — арабский мореплаватель, поэт, наставник, лоцман Васко да Гамы.

Вы были в деканате? — Были. Говорят, программой не предусмотрено. Поэтому нет ставки преподавателя. — Что делать... Начальству виднее, голубчик. — Василий Васильевич, но ведь персидский нам нужен, Вы это, конечно, знаете... Если можно, поговорите с ними. Должен же деканат пойти навстречу. Неужели нужно ехать к Надежде Константиновне? — Ну, зачем беспокоить Крупскую, — озабоченно сказал Струве. — У замнаркома и так хватает забот. Я думаю, что если бы действительно мы с Игнатием Юлиановичем (Крачковским. — Г. К.)... Вы, конечно, его информировали? — Игнатий Юлианович обещал помочь. — Ну вот, если бы мы с ним пошли к декану, то, может быть, смогли бы сообща найти выход... Декану очень трудно, голубчик, поймите его положение. За малейший перерасход он отвечает перед законом... И вряд ли Крупская стала бы... Поймите, голубчик.

Через три дня, на заседании кафедры Александр Павлович Рифтин сказал, обращаясь ко мне и Гринбергу¹⁰⁹ в своем обычном поллушутливом тоне: — Должен вас известить, милостивые государи... — Юшманов, писавший протокол, прыснул в усы. Крачковский задумчиво смотрел в пространство. — ...что с будущего первого дня... — Тогда не знали дней недели, а жили по шестидневному календарю: первый, второй, третий, четвертый, пятый — дни рабочие, шестой (6, 12, 18, 24, 30 числа каждого месяца) — выходной — ...вам вводятся занятия по персидскому языку. — Ура-а! — хотелось мне крикнуть, но я сдержанно сказал: Спасибо, Александр Павлович. — Мне за что? Это Игнатий Юлианович и Василий Васильевич просили за вас. Декан им отказать, конечно, не мог.

— Александр Павлович тоже приложил свою руку, — обычным своим негромким голосом отозвался Юшманов, поднимая глаза от протокола и глядя на нас. — Вошли в деканат, и он сразу стал делать выкладки: «не кажется ли вам, что за счет сего-то и того-то... если чуть поточнее распределить фонд... можно, смотрите, ведь можно же выкроить лишнюю ставку...». Декан слушал, потом говорит: «Пожалуй... да, пожалуй, вы правы; мне такая резервная возможность как-то не приходила в голову...». — Николай Владимирович, нехорошо меня выдавать, — сказал Рифтин, смеясь.

---

¹⁰⁹ М. Е. Гринберг, арабист, погиб во время ВОВ в битве под Сталинградом (Дьяконов, 1995, с. 746; Старкова, 2006, с. 301).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМ — Азиатский музей
АН СССР — Академия наук СССР
АССР — автономная республика в составе СССР
АХ — Академия художеств СССР
БГУ — Белорусский государственный университет (г. Минск)
БиЕ — Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон
БРЭ — Большая Российская Энциклопедия
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
БСЭ-3 — Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд.
БЭ — Библиотечная энциклопедия
ВАК — Высшая аттестационная комиссия ВКВШ
ВДИ — Вестник древней истории (журнал)
ВДШ — Высшая дипломатическая школа
вед. н. с. — ведущий научный сотрудник
ВКВШ — Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОВ — Великая Отечественная война
ВС СССР — Верховный Совет СССР
ВСЕГЕИ — Всесоюзный (ныне Всероссийский) геологический институт
ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
(Г)ИРК — (Государственный) Институт речевой культуры
гл. н. с. — главный научный сотрудник
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
(ныне РНБ)
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДВНЦ — Дальневосточный научный центр РАН
д. — дело
д. ист. н. — доктор исторических наук
д. филол. н. — доктор филологических наук
доц. — доцент
ЕПУ — Единый Петроградский университет (см. СПбГУ)

ЕЭ — Еврейская энциклопедия
ИАЭ — Институт антропологии и этнографии АН СССР
ИВ / ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
ИВ РАН — Институт востоковедения РАН
ИВКА — Институт восточных культур и античности при РГГУ
ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН
и. д. — исправляющий / исполняющий должность
ИИ — Институт истории АН СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИКДП — Институт книги, документа и письма АН СССР
ИКП — Институт красной профессуры
ИЛИ, ЛИЛИ, ЛГИЛИ — (Ленинградский государственный) историко-лингвистический институт / Ленинградский институт истории и лингвистики; входил в состав ЛГУ
ИЛЯЗВ — Институт (сравнительной истории) литератур и языков Запада и Востока
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИмпПУ — Императорский Петроградский университет (см. СПбГУ)
ИНА — Институт народов Азии АН СССР (так назывался ИВ в 1960–1970 гг.)
ИНС — Институт (народов) Севера
ИРК см. (Г)ИРК
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИТМО — см. ЛИТМО
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЯ — Институт языкознания АН СССР
ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР
КГЭ — Краткая географическая энциклопедия
к.-д. — конституционно-демократическая партия (кадеты)
КИЖ — Коммунистический институт журналистики
к. ист. н. — кандидат исторических наук
КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия
КПК — Курьер Петровской кунсткамеры (журнал)
КРУТ — Коллектив работников универсального труда
к. филол. н. — кандидат филологических наук
к. филос. н. — кандидат философских наук
л. — лист
ЛБ СНР — видимо: Ленинградское бюро СНР (см. Автобиография А. П.)
ЛВИ — Ленинградский восточный институт
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛГИЛИ см. ИЛИ
ЛГПИИЯ — Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ — Ленинградский государственный университет (см. СПбГУ)

ЛИЖВЯ см. ЦИЖВЯ
ЛИИЖТ — Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта
ЛИЛИ см. ИЛИ
ЛИТМО — Ленинградский институт точной механики и оптики
ЛИФЛИ — Ленинградский историко-философско-лингвистический институт / Ленинградский институт истории, философии (литературы) и лингвистики (слово «история» часто переносится в конец названия); входил в состав ЛГУ
ЛНИ(И)Я — Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания
ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (с 1956 г., см. Азиатский музей..., с. 568)
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
ЛОИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР
ЛОИЯ — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МВИ — Московский восточный институт (он же МИВ)
МВО — министр высшего образования
МГИМО — Московский государственный институт международных отношений
МГПИИЯ — 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза
МДА — Московская духовная академия
МИВ — Московский институт востоковедения (в дальнейшем слился с МГИМО)
МИД — Министерство иностранных дел
МПВО — Местная противовоздушная оборона
МК — местком (местный комитет профсоюзов)
МКДП — Музей книги, документа и письма
м. н. с. — младший научный сотрудник
МХАТ — Московский Художественный академический театр Союза ССР им. М. Горького
НАА — Народы Азии и Африки (журнал)
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НИИ — научно-исследовательский институт
НКП (Наркомпрос) — Народный комиссариат просвещения / по просвещению
н. с. — научный сотрудник
ОА СПбГУ — Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета
оп. — опись
отд. — отделение

Пг. — Петроград
ПГУ — Петроградский государственный университет (см. СПбГУ)
ПИЖВЯ см. ЦИЖВЯ
ППВ — Письменные памятники Востока (журнал)
ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (журнал)
ППС — Православный Палестинский сборник (журнал)
ППУ — Первый Петроградский университет
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РГБ — Российская государственная библиотека (М.)
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (ранее ЛГПИ им. А. И. Герцена)
РГЭС — Российский гуманитарный энциклопедический словарь
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РНБ — Российская национальная библиотека (СПб.)
РОНО — районный отдел народного образования
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СаратовГУ — Саратовский государственный университет
СВ — Советское востоковедение (журнал)
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СНР — Секция научных работников
СПБАН — Санкт-Петербургская (императорская) Академия наук
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет¹
СПБИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН

---

¹ Изменения в названии университета до 1947 г. (БиЕ; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, Предисловие к оп., л. 6)

Санкт-Петербургский университет (СПБУ) — (БиЕ)
Императорский Петроградский университет (ИмпПУ) — до февраля 1917 г.
Петроградский университет (ПУ) — февраль 1917 г. — июнь 1918 г.
Первый Петроградский университет (ППУ) — июнь 1918 г. — октябрь 1919 г.
Единый Петроградский университет (ЕПУ) — октябрь 1919 г. — январь 1920 г.
Первый Петроградский университет (ППУ) — январь 1920 г. — апрель 1921 г.
Петроградский государственный университет (ПГУ) — апрель 1921 г. — январь 1924 г.
Ленинградский государственный университет — январь 1924 г. — апрель 1933 г.
Ленинградский государственный университет им. А. С. Бубнова — апрель 1933 г. — октябрь 1937 г.
Ленинградский государственный университет (ЛГУ) — октябрь 1937 г. — февраль 1944 г.
Ленинградский ордена Ленина государственный университет — февраль 1944 г. — 1947 г.
Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А. А. Жданова с 1947 г.

- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН
 СПбУ — Санкт-Петербургский университет (см. СПбГУ)
 ст. — статья
 ст. н. с. — старший научный сотрудник
 СЭ — Советская этнография (журнал)
 СЯ — Советское языкознание (журнал)
 ТбилГУ — Тбилисский государственный университет
 ТГУ — Тартуский государственный университет
 УССР — Украинская ССР
 Ф. / ф. — фонд
 ФА — фотоархив Научного архива ИИМК РАН
 ФВЯ — факультет восточных языков
 ФЗС — фабрично-заводская семилетка
 Филфак СПбГУ-Р — филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. *Personalia*
 ФОН — факультет общественных наук
 ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 ЦИЖВЯ / ПИЖВЯ / ЛИЖВЯ — Центральный (Петроградский, Ленинградский) институт живых восточных языков. В 1927 г. переименован в ЛВИ
 ЦК — Центральный комитет
 ЦИК — Центральный исполнительный комитет
 ШКМ — школа колхозной молодежи
 ЭЛО — этнолого-лингвистическое отделение ФОН
 ЯЛО — языковедческое и литературное отделение / отделение языковедения и литературы / отделение языкознания и литературы ФОН
- AB — Assyriologische Bibliothek
 ANw — Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1965–1981
 ArOr. — Archiv Orientalní (Praha)
 ASSF — Acta Societatis Scientiarum Fennicae (Helsingfors)
 CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956–
 DBE — Deutsche Biographische Enzyklopädie. 2., überarbeitete und erweiterte Ausgabe. Herausgegeben von Rudolf Vierhaus. Bd. 8. K. G. Saur. München, 2007
 Or. — Orientalia (Roma)
 UAR (UAZP) — Moses Schorr. Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts. VAB 5. Leipzig, 1913
 VAB — Vorderasiatische Bibliothek

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И. Н. Я. Марр (1864–1934. К 25-летию со дня смерти) // Вопросы языкознания. М., 1960. № 1. С. 90–99.*
- Административно-территориальное деление в годы первой пятилетки // Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области / Сост. Ф. И. Богомолов, П. Е. Комлев; под общ. ред. А. Ф. Нужного. Л., 1936. С. 11–13.*
- Азиатский музей — Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. М., 1972.*
- Академик от моря. А. В. Жирмунский в воспоминаниях соратников и друзей. Владивосток, 2003.*
- Академическая археология на берегах Невы. СПб., 2013.*
- Александр Павлович Рифтин // Ленинградский университет. 1945. 14 февр.*
- Арутюнян Н. В. Корпус урартских клинописных надписей. Ереван, 2001.*
- Баренбаум И. Е. Из воспоминаний об университете. Учителя... // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. VII. М., 1998. С. 163–176.*
- Беляев В. И., Винников И. Н. Арабистика и семитология на восточном факультете // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296. Серия востоковедческих наук. Востоковедение в Ленинградском университете. Вып. 13. С. 93–110.*
- Беляев В. И., Винников И. Н. Вера Александровна Крачковская (к восьмидесятилетию со дня рождения) // НАА. М., 1964. № 5. С. 229–231.*
- Берков В. П. Слово об отце // Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове (1896–1969). М., 2005. С. 32–40.*
- Берков П. Н. Аннотированный список печатных трудов А. П. Рифтина (1900–1945) // Ученые записки ЛГУ. 1946. № 69. Серия филологических наук. Вып. 10. С. 12–14.*
- Берлев О. Д., Грибов Р. А. Египтология и ассириология в Ленинградском университете // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296. Серия востоковедческих наук. Востоковедение в Ленинградском университете. Вып. 13. С. 160–176.*
- Берлев О. Д., Дандамаев М. А., Фихман И. Ф. К 100-летию со дня рождения академика Василия Васильевича Струве // ВДИ. М., 1989. № 1. С. 244–249. Библиотечная Энциклопедия. М., 2007.*
- Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975.*

- Биографическая справка // Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983. С. 31.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1896. Т. I: А–Л; СПб., 1898. Т. II: М–Я.
- Большая Российская Энциклопедия. М., 2005–
- Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1969–1978.
- Борисов А. Я.* Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке. СПб., 2002 (ППС. Вып. 99 (36)).
- Борисов А. Я., Рифтин А. П., Юшманов Н. В.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. Фик, д. 127, л. 52–67) // ППС № 2 (17). СПб., 2012. С. 315–326.
- Боханов А. Н.* Деловая элита России 1914 г. М., 1994.
- Весь Петербург / Петроград, 1908, 1909, 1911–1915.
- Владимир Шилейко: Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М., 2003.
- Вся Москва, 1911–1917.
- Галеркина Б. Л., Чистякова Н. А.* К истории советской классической филологии (О. М. Фрейденберг, 1890–1955) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1990. Вып. 4. (№ 23). С. 67–72.
- Гранстрем Е. Э.* Петр Викторович Ернштедт (Памяти учителя) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1967. Т. XXVI. Вып. 3. С. 294–295.
- Грибов Р. А.* Из истории русской ассириологии. В. К. Шилейко (1891–1930) // Очерки по истории Ленинградского университета. II. Л., 1968. С. 94–99.
- Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
- Гульбин Г. Г.* Биобиблиографический словарь // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2008. Вып. III. С. 477–644.
- 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724–1999. СПб., 1999.
- Десницкая А. В.* Лингвистические институты Ленинграда в истории советского языкознания 20–40-х годов // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2003. Т. I. Ч. 1. С. 13–40.
- Доброклонский М. В.* И. И. Иоффе // Вестник Ленинградского университета. Л., 1947. № 8. С. 119–120.
- Долина А. А.* Невольник долга. СПб., 1994.
- Дунаевская И.* От Ленинграда до Кёнигсберга. Дневник военной переводчицы (1942–1945). М., 2010.
- Дьяконов И. А. П.* Рифтин. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. Издательство АН СССР. М.; Л., 1937 // ВДИ. М., 1940. № 3–4. С. 238–240.

- Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
- Дьяконова Н. Я.* Минувшие дни. СПб., 2009.
- Евгения Эдуардовна Бломквист (1890–1956) // СЭ. М., 1956. № 4. С. 170–173.
- Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999.
- Ершова Е. А., Корсун С. А.* Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Аборигены Америки: предметы и представления. СПб., 2005. С. 4–58 (сб. МАЭ. Т. L).
- Еселевич Р.* Талант сердца // Смена. 1963. 30 авг. С. 3.
- Еврейская энциклопедия. СПб. (год не указан).
- Жамойда А. И.* В музее антропологии и этнографии в конце 30-х // КПК. СПб., 1999. Вып. 8–9. С. 136–149.
- Жирмунский В. М. А. П. Рифтин (1900–1945)* // Ученые записки ЛГУ. 1946. № 69. Серия филологических наук. Вып. 10. С. 8–11.
- Жирмунский В. М.* Энтузиаст науки // Ленинградский университет. 1945. 14 февр.
- Журнал «Звезда». Библиографический указатель: в 2-х т. 1924–2013. СПб., 2014.
- Зайцев А. И., Верлинский А. Л., Гаврилов А. К.* Памяти Г. А. Стратановского // ВДИ. М., 1988. № 2. С. 254.
- Зайцев А. И., Корыхалова Т. П., Крайзмер Н. В. и др.* Латинский язык. Л., 1966.
- Иванов Вяч. Вс. В. К. Шилейко.* Очерк творчества // Памятники и люди. М., 2003. С. 62–81.
- Иванов С. Н.* Кафедра тюркской филологии // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296. Серия востоковедческих наук. Востоковедение в Ленинградском университете. Вып. 13. С. 69–78.
- Избранные письма А. Я. Борисова П. К. Коковцову. Из переписки выдающихся русских семитологов / Предисл. и публ. Н. С. Смеловой и Е. О. Шухман // Труды Архива востоковедов ИВР РАН. М., 2011. Вып. I. С. 33–69.
- Ильин Ю. М.* К семидесятилетию со дня рождения Д. А. Ольдерогге // НАА. М., 1973. № 5. С. 241–242.
- Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993.
- Канева И. Т.* Шумерский язык. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006.
- Каплан Г. Х.* Рецензия на книгу «Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко. Издание подготовил В. В. Емельянов. СПб., 2007» // ВДИ. М., 2009. № 4. С. 201–211.
- Кинжалов Р. В.* Из прошлого / Подгот. текста, предисл., коммент. И. Ю. Шауба. Свято-Алексиевская Пустынь; СПб., 2013.
- Климов Г. А.* Кавказоведение // ЛЭС. М., 2002. С. 207–208.
- Ковалевский К. А., Засурский Я. Н.* Журналистское образование // БСЭ-3. Т. 9. С. 254.
- Козин С. А.* Восточный факультет // Ленинградский университет. 1945. 12 июня.
- Козин С. А.* Новый центр советского востоковедения // Ленинградский университет. 1944. 21 сент.

- Кононов А. Н.* Восточный факультет Ленинградского университета // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296. Серия востоковедческих наук. Востоковедение в Ленинградском университете. Вып. 13. С. 3–31.
- Кононов А. Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период). 2-е изд. М., 1989.
- Кононов А. Н., Иорши И. И.* Ленинградский восточный институт. М., 1977.
- Коротенко В. В., Стеблин-Каменский И. М., Шумков А. А.* Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские). СПб., 2005.
- Корсун С. А.* Американистика в МАЭ в XX–XXI веках: собирательская и исследовательская деятельность // Этнография и археология коренного населения Америки. СПб., 2010. С. 5–136 (сб. МАЭ. Т. 56).
- Кочеткова Н. Д.* Ученый-гуманист // Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове (1896–1969). М., 2005. С. 69–84.
- Краткая литературная энциклопедия. М., 1962–1978.
- Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1955. Т. I; М.; Л., 1958. Т. V.
- Крачковский И. Ю., акад.* Памяти ученика // Ученые записки ЛГУ. 1946. № 69. Серия филологических наук. Вып. 10. С. 3–7.
- Кузнецова Н. А.* Востоковедения институт АН СССР // БСЭ-3. Т. 5. С. 393.
- Ленинградская правда. 1927. 22 нояб. С. 1.
- Ленинградский университет (1819–1944). М., 1945.
- Литин Л. А. М. В. Никольский — отец русской ассириологической науки // Ученые записки ЛГУ. 1954. № 179. Серия востоковедческих наук. История и филология стран Востока. Вып. 4. С. 317–328.*
- Лисицына А. В.* Из истории рукописной части коллекции Гинцбургов в Российской государственной библиотеке // Отечественные архивы. М., 2010. № 3. С. 38–44.
- Лобанова Н. В.* Кафедра индийской филологии // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296. Серия востоковедческих наук. Востоковедение в Ленинградском университете. Вып. 13. С. 79–97.
- Лойцянский Л. Г.* Из моих воспоминаний. Записки профессора-политехника. СПб., 1998.
- Лукин В. М.* Еврейское кладбище (пр. Александровской фермы 66-а) // Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 450–465.
- ЛЭС. М., 1990 (2-е изд. 2002).
- Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003.
- Материалы по истории Санкт-Петербургского университета 1917–1965 (Обзор архивных документов). СПб., 1999.
- Матье М. Э.* 75 лет Наталии Давыдовне Флиттнер // ВДИ. М., 1955. № 1. С. 181.
- Мецианинов И. И.* Институт языка и мышления имени академика Н. Я. Марра (Ленинград, В. О., Университетская наб., 5. Московское отделение — Москва, Волхонка, 18/2) // 220 лет Академии наук СССР. Справочная книга. М., 1945. С. 268.

- Мецанинов И. И.* Халдоведение. История древнего Вана, включая древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтение клинописных текстов халдов-урартов // Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927. № 10.
- Милюбин С. Д.* Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975.
- Милюбин С. Д.* Востоковеды России (XX — начало XXI века). Библиографический словарь. М., 2008. Кн. I: А–М; Кн. II: Н–Я.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1997.
- Нащокина М.* Московский модерн. М., 2005.
- Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. М., 2004. Т. 5.
- Н. М. Постовская (1917–1997) // ВДИ. М., 1997. № 3. С. 216–218.
- Общее собрание Академии наук Союза Советских Социалистических Республик 3–8 мая 1942 г. в г. Свердловске // Вестник Академии наук СССР. 1942. № 5–6. С. 4–89.
- Общее собрание Академии наук СССР 25–30 сентября 1943 г. // Вестник Академии наук СССР. 1943. № 11–12. С. 21–104.
- Ольдерогге Д. А.* Памяти Николая Сергеевича Петровского // НАА. М., 1982. № 4. С. 217–218.
- Оненко С. Н.* Памяти Веры Ивановны Цинциус // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1983. № 11. Вып. 3. С. 134–135.
- Оранский И. М.* Памяти учителя // НАА. М., 1968. № 3. С. 224–227.
- Павел Наумович Берков (1896–1969) // Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 14. М., 1982.
- Павлов В. М., Шубик С. А.* Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993) // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 1994. Т. 53. № 3. С. 94–95.
- Памяти академика Б. Л. Рифтина // Проблемы Дальнего Востока. М., 2012. № 6. С. 188–189.
- Памяти Виктора Ивановича Беляева (1902–1976) // НАА. М., 1976. № 6. С. 268–269.
- Памяти Исаака Натановича Винникова (1897–1973) // НАА. М., 1974. № 5. С. 247–248.
- Памяти Исидора Михайловича Лурье // ВДИ. М., 1958. № 3. С. 233–236.
- Памяти Н. Д. Флиттнер // ВДИ. М., 1959. № 4. С. 158–159.
- Памяти Милицы Эдвиновны Матье // ВДИ. М., 1966. № 3. С. 239–243.
- Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
- Писатели Ленинграда. Библиографический справочник 1934–1981 / Сост. В. Бахтин, А. Лурье. Л., 1982.
- Покровская Л. А.* Мои университетские годы // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб., 2005. С. 115–147.

- Постовская Н. М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.). М., 1961.
- Пылев А. И.* Османский язык в Санкт-Петербургском университете: прошлое и настоящее // Тюркология в России и за рубежом (http://www.ksu.ru/fl16/bin_files/t2.doc). Примеч. 7.
- Решетникова (Градова) И. Ю.* Воспоминания японистки-китаистки о студенческих годах // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб., 2005. С. 272–279.
- Решетов А. М.* Востоковедение на филфаке в 1937–1944 гг. // Материалы XXXII международной филологической конференции. Вып. 5. Секция истории филологического факультета. СПб., 2003. С. 30–38.
- Рифтин Александр Павлович (1900–1945) // Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета 1941–1945. Выпуск первый. СПб., 1995. С. 244–246.
- Рифтин А. П.* Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937, 175 с., LXXXIX табл.
- Розенфельд Я. С.* Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 3. СПб., 2010. С. 10–16.
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь. СПб., 2002. Т. I: А–Ж; Т. II: З–П; Т. III: П–Я.
- Русинова Э. С.* Игорь Михайлович Дьяконов. *Personalia* // История и языки Древнего Востока: Памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 381–405.
- Самойлович А. <Н.>* Памяти проф. В. Д. Смирнова // Восток. Кн. 3. Пг., 1923. С. 207–209.
- Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. М., 1992.
- VII конференция по Древнему Востоку // ВДИ. М., 1976. № 1. С. 184–209.
- Семенов В. Н.* Александр Алексеевич Вознесенский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 3. СПб., 2010. С. 3–9.
- Семенюк Н. Н., Швейцер А. Д.* Виктория Николаевна Ярцева (1906–1999) // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 1999. Т. 58. № 5–6. С. 76–77.
- Сергей Миронович Киров в Ленинградской печати 1926–1934. Библиографический указатель. М.; Л., 1936.
- Смыкалов Г. Ф.* Дальневосточная кафедра // Отчет о деятельности Ленинградского государственного университета за 1940 год. Научно-исследовательская работа. Л., 1941. С. 161.
- Советская историческая энциклопедия. М., 1961–1976.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
- Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1995. Т. I.

- Старкова К. Б. А. Я. Борисов и его труды по истории средневековой философии на Ближнем Востоке // А. Я. Борисов. Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке. СПб., 2002. С. 3–13 (ППС. Вып. 99 (36)).*
- Старкова К. Б. Воспоминания о прожитом. СПб., 2006.*
- Старкова К. Б. Гебраистика // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 544–559.*
- Струве В. В. Значение шумерийского документа, изданного А. П. Рифтиным, для изучения эпохи правителей Лагаша — Лугальанды и Урукагины // Ученые записки Института востоковедения. М., 1960. Т. XXV. С. 177–191.*
- Струве В. В. Б. А. Тураев — крупнейший историк Древнего Востока // ВДИ. М., 1948. № 2. С. 75–83.*
- Сухаревский Л. М. Язык жестов // Кино [М.,] 1936. 28 мая. С. 3.*
- Тайвань. Краткие справочные сведения. Вып. I. М., 1992.*
- Тимофеев Б. Крупный механик, выдающийся гуманист // Технический университет ИТМО. 2002. Апрель.*
- Торчинская Э. Г. Воспоминания этнографа выпуска 1948 г. // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб., 2005. С. 7–17.*
- Уставы Академии Наук СССР. 250 лет. 1724–1974. М., 1975.*
- Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 4-е изд. СПб., 2008.*
- Финней А. Нумипу, их обычаи и фольклор (тезисы диссертации). Л., 1937.*
- Финней А. Сахаптин. Очерк языка NEZ PERCE. Л., 1935.*
- Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998.*
- Фридрих И. История письма. М., 1979.*
- Хаеш А. И. Гимназия Эйзенбета // Еврейская школа. Jewish School. СПб., 1993. Апрель–июнь. С. 45–52.*
- Хаеш А. И. Генеалогические сведения в документах Санкт-Петербургской гимназии Эйзенбета // Общество Еврейское Наследие. Серия препринтов и репринтов. М., 1995. Вып. 21 / Электронные версии изданий ОЕН (<http://www.jewish-heritage.org/prep21.htm>).*
- Харатишвили Г. С. Грузины-профессора, преподаватели и выпускники Санкт-Петербургского государственного университета (XIX–XX вв.). СПб., 2009.*
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель в двух томах. Т. 2. СПб., 2009.*
- IV сессия по Древнему Востоку // ВДИ. М., 1969. № 2. С. 150–169.*
- Штейн В. Востоковеды // Ленинградский университет. 1948. 20 мая.*
- Шумовский Т. А. Воспоминания арабиста. Л., 1977.*
- Щербакова Т. И. Ленинградский институт лингвистики и истории (ЛИЛИ) в системе реорганизаций Ленинградского государственного университета 1930-х годов // Материалы XXX межвузовской научно-методической кон-*

- ференции преподавателей и аспирантов. СПб., 2001. Вып. 9. Секция истории филологического факультета. С. 43–47.
- Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1890–1907.
- Эстрада России. XX век: Энциклопедия. М., 2004.
- Юрий Яковлевич Перепелкин (1903–1982) // ВДИ. М., 1982. № 3. С. 203.
- Язык жестов // Каталог научных и учебно-технических кинокартин, находящихся в прокате. Госкиноиздат. М., 1939. С. 13.
- Borger R.* Handbuch der Keilschriftliteratur. Bd. I. Repertorium der sumerischen und akkadischen Texte. Berlin, 1967.
- Deimel A.* Šumerisches Lexikon. Roma, 1930. II Teil. Bd. 2. Vorwort, S. III.
- Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. Keter Publishing House, USA, 2007.
- Falkenstein A.* Deimel Anton // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1957. Bd. 3. S. 569–570.
- Frayne D. R.* Presargonic Period (2700–2350 BC) // The Royal Inscriptions of Mesopotamia of Early Periods. V. I. Toronto; Buffalo; London, 1998 (RIME I).
- Glossary of Russian Abbreviations and Acronyms. Washington, 1967.
- Klima J.* Zur Entwicklung der sowjetischen keilschriftlichen Studien // ArOr. XXI. 1953. S. 448–463.
- Mieroop M. van de.* A History of the Ancient Near East ca. 3000–323 BC. 2nd ed. Blackwell Publishing, 2007.
- Ries G.* Koschaker Paul // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1980. Bd. 12. S. 608–609.
- Technik-Wörterbuch Russische Abkürzungen von Dipl.-Dolm. Edgar Scheitz. Berlin, 1985.
- Vassilkov Ya. V.* T. Ya. Elizarenkova (1929–2007) // Newsletter of the International Association of Sanskrit Studies. Edinburgh; Torino; Kyoto, 2009. P. 32–34.
- Wer ist Wer? / Herausgegeben von Walter Habel. Berlin; Grunewald, 1955.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ ДЕЛА

Архив востоковедов ИВР РАН

ф. 140, 158.

Архив РГПУ им. А. И. Герцена

Историческая справка

Объединенный архив СПбГУ (ОА СПбГУ)

ф. 1, оп. л/д сотр. ув. 1942–1949 (опись личных дел сотрудников, уволенных в 1942–1949 гг.), д. 745, 1492, 1504

ф. 10, оп. л/д раб., служ. и ппс за 1936–1955 (опись личных дел рабочих, служащих и профессорско-преподавательского состава за 1936–1955 гг.), д. 1136

ф. 10, I ЛГПИИЯ, дело фонда

ф. 21, оп. л/д студ. (опись личных дел студентов), д. 7

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН)

ф. 4, оп. 4, д. 1731

ф. 1001, оп. 3, д. 711

ф. 142, оп. 5, д. 314, 426

ф. 1026, оп. 2, д. 243, 257

ф. 779, оп. 2, д. 351

ф. 1026, оп. 3, д. 775

ф. 779, оп. 3, д. 23

ф. 1026, оп. 7, д. 46

ф. 800, оп. 1, д. 1416, 2913

ф. 1045, оп. 2, д. 2

ф. 969, оп. 1, д. 171, 172, 173, 504

ф. 1045, оп. 3, д. 181

Фонды Музея истории СПбГУ:

ф. ФиК, д. 387

ф. ИУ, д. 484

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб)

ф. 243, оп. 4, д. 162

ф. 288, оп. 1. Введение

ф. 328, оп. 1, д. 9, 16, 21, 30, 41, 42, 49, 62, 67, 71

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

ф. 7222, оп. 26, д. 80.

ф. 7240, оп. 1, д. 1416

ф. 7240, оп. 10, д. 606

ф. 7240, оп. 12, д. 859

ф. 7240, оп. 14, Предисловие к оп. (с. 6), д. 132, 156, 171, 1102, 1115, 1240, 1415, 1423, 1430, 1502, 1568, 1605

ф. 7240, оп. 15, д. 67, 586, 762, 799, 2134

ф. 7240, оп. 21, д. 10, 17, 26, 27, 60

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

ф. 129, оп. 1, д. 1, 2

ф. 139, оп. 1, д. 11046, 11758

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Фото 1. Метрическое свидетельство А. П. Рифтина (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 7 лиц.)
- Фото 2. Аттестат зрелости А. П. Рифтина (ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, л. 6 лиц.)
- Фото 3. Аттестат зрелости А. П. Рифтина (оборот)
- Фото 4. Значок гимназиста² А. П. Рифтина (лиц. сторона, высота 4 см, семейный архив Рифтиных)
- Фото 5. Значок гимназиста А. П. Рифтина (оборот)
- Фото 6. А. П. Рифтин, выпускник гимназии (26/5 1917 г., ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 1, д. 1416, фотография)
- Фото 7. С. К. Гуммерт (1920 г., ОА СПбГУ, ф. 21, оп. л/д студ., д. 7, л. 10)
- Фото 8. А. П. Рифтин и С. К. Гуммерт (1923–24 гг., семейный архив Рифтиных)
- Фото 9. А. П. Рифтин в возрасте 33–34 лет (семейный архив Рифтиных)
- Фото 10. В. А. Рифтин (1954 г., семейный архив Рифтиных)
- Фото 11. А. П. Рифтин в возрасте 36–37 лет (семейный архив Рифтиных)
- Фото 12. А. П. Рифтин (1938–1940 гг., архив семьи Рифтиных)
- Фото 13. А. П. Рифтин (конец 1944 г., семейный архив Рифтиных)
- Фото 14. С. К. Гуммерт (1954 г., из семейного архива Рифтиных)
- Фото 15. В. А. Рифтин с семьей (1989 г., семейный архив Рифтиных). Стоят (слева направо): Александр Владимирович Рифтин (старший сын), Елена Николаевна Сибилева (жена Александра), Андрей Владимирович Рифтин (младший сын), Светлана Юрьевна Рифтина (первая жена Андрея), Наталья Владимировна Мартынова (дочь). Сидят (слева направо): Павел Сергеевич Мартынов (сын дочери), Мария Александровна Рифтина (дочь Александра на коленях у деда), Владимир Александрович Рифтин, Римма Александровна Рифтина (жена), Влада Александровна Рифтина (дочь Александра на коленях у бабушки), Евгений Сергеевич Мартынов (сын дочери)
- Фото 16. Оттиск статьи А. П. Рифтина с дарственной надписью жене (1937 г., семейный архив Рифтиных)
- Фото 17. Акад. Б. Л. Рифтин (2010 г.)
- Фото 18. В. К. Шилейко (1919 г.) — фрагмент общей фотографии членов РАИМК и участников Избирательного совещания в саду старого Эрмитажа, 7 августа 1919 г. (ФА, П 99124)

---

² В ЦГИА СПб мне сообщили: в целом значок стандартный. Специфические символы (цифра «VII» и буква «Г» в центре полуовала), вероятно, при учреждении гимназии были оговорены. Их значение требует специального исследования.

- Фото 19. Акад. Н. Я. Марр с женой А. А. Марр (1906–1907 гг., СПФ АРАН, ф. 800, оп. 8, д. 3, фотография 15)
- Фото 20. Акад. П. К. Коковцов (СПФ АРАН, ф. 1045, оп. 2, д. 52, л. 2)
- Фото 21. Отзыв П. К. Коковцова и М. Н. Соколова об А. П. Рифтине (1925 г., СПФ АРАН, ф. 779, оп. 3, д. 23, л. 1 лиц.)
- Фото 22. Отзыв П. К. Коковцова и М. Н. Соколова об А. П. Рифтине (оборот)
- Фото 23. Акад. И. Ю. Крачковский (1928 г., СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 4, д. 5, л. 5)
- Фото 24. Кафедра семито-хамитских языков (20 января 1936 г. в доме К. Б. Старковой, г. Павловск. Из архива И. М. Дьяконова)
- Фото 25. Кафедра семито-хамитских языков (оборот), И. М. Дьяконов указал, кто сфотографирован. В квадратных скобках он отметил тех, кто не имел отношения к кафедре. Верхний ряд (слева направо): [В. Ф. Рейх, Б. В. Старков], И. Гринберг, М. Гринберг, В. Старкова, Е. Ткачева, [С. Липина, Н. Магазинер], И. Дьяконов, (одна девушка не названа. — Г. К.). Средний ряд (слева направо): [К. М. Старкова], И. Г. Франк-Каменецкий, А. П. Рифтин, Н. В. Юшманов, А. Я. Борисов, К. Старкова, М. Свицер. Нижний ряд (слева направо): Н. Ерехович, З. Тарасова, Л. Липин
- Фото 26. В нижнем ряду в середине акад. И. И. Мещанинов и А. П. Рифтин, остальные неизвестны (к. 1920-х гг.?, из семейного архива Рифтиных, находится у Г. Х. Каплан)
- Фото 27. Выпускной вечер. Слева направо: Л. В. Щерба, А. П. Рифтин, Д. А. Ольдерогге (вероятно) (1939 г., из семейного архива Рифтиных, находится у Г. Х. Каплан)
- Фото 28. И. М. Дьяконов (1935 г., предоставил А. И. Янковский)
- Фото 29. Р. В. Кинжалов (1945–1946 гг., снимок взят из кн.: *Кинжалов Р. В. Из прошлого*. Печ. с разрешения издателя И. Ю. Шауба)
- Фото 30. И. М. Дунаевская (1943 г., предоставила О. А. Оревкова)
- Фото 31. Письмо А. П. Рифтина на фронт к И. М. Дунаевской (13 августа 1942 г., архив И. М. Дунаевской, л. 1)
- Фото 32. Письмо А. П. Рифтина на фронт к И. М. Дунаевской (13 августа 1942 г., архив И. М. Дунаевской, л. 2)
- Фото 33. Письмо А. П. Рифтина И. Ю. Крачковскому (20. III. 1943, СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 775, л. 4 лиц.)
- Фото 34. Акад. В. М. Жирмунский (1940-е гг., СПФ АРАН, ф. X, оп. 1-Ж, д. 31, л. 1)
- Фото 35. Акад. В. В. Струве (СПФ АРАН, ф. X, оп. 1-С, д. 155, л. 1)
- Фото 36. И. Н. Винников, В. И. Беляев (1970 г., СПФ АРАН, ф. 1045, оп. 2, д. 43, л. 1)

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен собственных

А

Абу Ибрахим Исаак Ибн Барун 97
Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский 93
Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири 109
Адмони В. Г. 9
ал-Хурейми 150
Алексеев В. М. 26, 109, 110, 119
Алексеев М. П. 77
Алексеенко Е. А. 168
Алексей, царевич 62
Алькор Я. 157
Андреева-Шилейко В. К. 60
Аникеева Н. 76
Анна Иоанновна 64
Антоний, архимандрит 95
Апион 95
Ахмад ибн Маджид 179
Ахматова А. А. 7, 121, 148, 158
Ашшур 36

Б

Багров П. А. 79
Байрон Дж. Г. 37, 159
Балухатый С. Д. 33, 57, 77
Баньковская М. В. 119
Бар-Эбрей, Г. 95
Баранников А. П. 26, 109, 111
Баренбаум И. Е. 107, 142
Бартольд В. В. 90, 96
Бейлис М. 12
Белинский В. Г. 63, 161
Беляев В. И. 5, 24, 28, 54, 98, 100, 106, 149, 155, 173
Беляева (иниц. неизв.) 21
Бендер И. Г. 149, 173
Берков П. Н. 69, 70, 77, 123, 128, 162

Бертельс Е. 76
Бирон Э. И. 64
Бломквист Е. Э. 24
Блэк С. И. 130
Боас Ф. У. 79, 80
Богораз В. Г. (Тан В. Г., Тан Н. А., Тан-Богораз) 79, 80, 157
Бодлер Ш. 40
Борисов А. Я. 5, 24, 31, 43–45, 76, 87, 97, 98, 100, 151, 155
Борисов В. М. 109
Ботвинник М. Н. 43
Брянцев А. А. 138
Бубнов А. С. 18, 184
Бубрих Д. В. 111
Будагов Р. А. 32
Будкевич М. 76
Бузескул В. П. 174
Бутинов Н. А. 25

В

Вавилов Н. И. 60
Василий Болгаробойца, император 91
Васильев Б. А. 76
Васильева М. 132
Васко да Гама 179
Велльгаузен (Вельхаузен) Ю. 147
Вергилий 65
Веселовский А. Н. 13, 14
Винавер М. М. 66
Винников И. Н. 20–26, 29, 30, 44–46, 103, 105, 111, 113, 114, 149, 161, 173
Виноградов В. В. 121
Вознесенский А. А. 107, 129, 136
Волков М. Г. 89
Вольнский (иниц. неизв.) 21, 22
Воровский В. В. 15

Ворченко О. 76

Г

Газов-Гинзберг А. М. 45
Гаркави А. Я. 95
Гельб И. Е. 30
Генкель Г. Г. 95
Герцен А. И. 17, 66, 137, 165
Гильгамеш 34, 145
Гинцбург Д. Г. 95
Гиргас В. Ф. 90
Глинка Ф. Н. 61
Гоголь Н. В. 63
Голант Е. Я. 66
Голенищев В. С. 96, 103
Гонкуры, братья 40
Гончаров И. А. 63
Гор 137
Гораций 65
Горький А. М. 33, 40, 134
Грибоедов А. С. 48, 63, 123
Гринберг (иниц. неизв.) 102
Гринберг М. Е. 180
Гринфельд Н. Я. 80
Грозный Б. 158
Гудеа 145, 146, 158
Гуковский Г. А. 27, 32, 33, 38, 43, 57,
123, 143, 162
Гуковский М. А. 28, 38
Гумилев Н. С. 155, 158
Гуммерт К. А. 19
Гуммерт С. К. 19, 117, 123, 126, 178
Гюго В. 40, 65

Д

Деманж Ж. Ф. 88
Десницкая А. В. 122
Дзержинский Ф. Э. 129, 131, 133, 137
Дирингер Д. 30
Дмитриев Н. К. 76, 111, 112
Добролюбов Н. А. 63
Доде А. 65
Долинина А. А. 109
Домнин Н. А. 105
Дондуа В. Д. 23
Дондуа К. Д. 23, 111, 112
Досычева Е. И. 76
Дубнов С. М. 62
Дунаевская Г. М. 30
Дунаевская И. М. 6, 30, 39, 85, 115, 117,
128

Дьяконов И. М. 5, 16, 30, 34, 60, 69, 84,
85, 103, 116, 117, 119, 121, 122,
127, 139, 143, 152, 159, 160
Дьяконова Н. Я. 159

Е

Егоров Б. Ф. 161
Елизаренкова Т. Я. 13
Елизарова М. М. 45
Енукидзе А. С. 16
Ерехович Н. П. 60, 120, 145, 152
Ерехович П. А. 60
Ернштедт В. К. 114
Ернштедт П. В. 114
Еселевич Р. 162
Ефимов Г. В. 104, 106, 114, 120

Ж

Жамойда А. И. 79, 80, 82
Жданов А. А. 104
Жебелёв С. А. 150
Жегар (иниц. неизв.) 102
Жирмунская Т. Н. 40
Жирмунский А. В. 40
Жирмунский В. М. 37, 38, 40, 44, 112,
128
Жорж Санд 40
Жуковский В. А., иранист 90
Жуковский В. А., поэт 177

З

Зайцев А. И. 65
Зарубин И. И. 23
Зоден В. фон 73
Золотухин П. В. 48
Зоргенфрей Г. 64

И

Иван Грозный 64
Иванов К. А. 64
Игорь, князь 62
Израэльсон Я. И. 95
Ильиш Б. А. 76
Иоанн III 64
Иосиф Флавий 95
Иоффе И. И. 33
Исида 137

К

Калесник С. В. (Колесник) 41, 42
Калинин М. И. 123

- Канева И. Т. 84
 Кантемир А. Д. 62, 63
 Кантемир Д. Н. 62
 Каплан Г. Х. 6, 76, 84, 85, 117, 119, 125
 Каратаева Э. И. (Коротаева) 32
 Кареев Н. И. 63
 Кафтанов С. 105
 Кацнельсон С. Д. 156
 Кекушев Л. Н. 124
 Кельзи А. (Ф. И.) 91
 Кинжалов Р. В. 32, 167
 Киров С. М. 43–45, 101, 134, 148
 Кирпиченко В. Н. 109
 Козин С. А. 42, 47, 52, 54, 108–112
 Коковцов (Коковцев) П. К. 12–14, 58, 71, 74, 90, 93, 95–98, 101, 103, 118, 149, 150, 158, 163, 173
 Колпакчи Е. 76
 Комаров А. М. 28
 Комиссаров Д. С. 18
 Кононов А. Н. 16, 120, 189
 Конрад Н. И. 110
 Королев М. 50
 Корсун С. А. 79
 Крачковская В. А. 41
 Крачковский И. Ю. 5, 12, 13, 16, 24, 28, 41, 44–46, 49, 51, 53, 55, 58, 60, 89, 90, 92, 93, 95, 98, 100–102, 105, 107, 109, 111, 112, 148, 149, 163, 164, 173, 180
 Крейнович Е. А. 157
 Кресин М. П. 80
 Крупская Н. К. 180
 Кузнецова Н. А. 117
 Кузьмин И. П. 93
 Купер Ф. 81
 Кутузов М. И. 122
 Кякшт А. Е. 80
- Л**
 Лажечников И. И. 64
 Лев М. С. 115
 Леви-Брюль Л. 128
 Ленин В. И. 55, 58, 74, 104, 136
 Леонардо да Винчи 28, 64
 Лермонтов М. Ю. 33, 63
 Лессинг Г. Э. 64
 Ливий Тит 65
 Липин Л. А. 60, 103, 105, 106, 145, 152
 Липницкий Я. А. 130
- Лихачев Н. П. 7, 71, 118, 142, 153, 154, 158, 173–175
 Лойцянский Л. Г. 61, 67, 68, 120
 Лотман Ю. М. 161, 162
 Лугальянда 71, 142
 Лукас И. 151
 Лурье И. М. 114
 Лурье С. Я. 170
 Лутипри 119
- М**
 Майзель С. С. 146
 Маймонид 94
 Мамедов 56
 Маннергейм К. Г. Э. 129
 Маримонт С. И. (С. И.-Л.) 125
 Мария Федоровна, императрица 60
 Маркон А. И. 24, 25, 26
 Марр Н. Я. 12–14, 17, 23, 31, 36, 58, 74, 78, 80, 81, 83, 87, 90, 96–99, 119, 142, 149, 150, 156, 163, 164, 169, 172, 174–176
 Матъе М. Э. 114, 151
 Мачинский А. В. 172
 Медников Н. А. 91, 92
 Мережковский Д. С. 64
 Метерлинк М. 135
 Мещанинов И. И. 12, 13, 18, 39, 44, 46, 48, 51, 56, 58–60, 78–81, 83, 112, 119, 131, 156, 157, 168, 169, 173
 Миклухо-Маклай Н. Н. 138
 Милибанд С. Д. 123
 Милитарев А. Ю. 146, 147
 Мопассан Ги де 65
 Муринсон М. Е. (М. Х) 20
- Н**
 Навроцкий М. Т. 90
 Наполеон 66
 Некрасов Н. А. 63, 128
 Нёльдеке Т. 147
 Николаи В. Н. 80, 81, 83
 Николай II 60, 120
 Никольский М. В. 7, 69, 71, 141, 173, 174
 Никонова О. Н. 26
- О**
 Овидий Назон 65
 Овсянникова Н. 31, 39

Ольденбург С. Ф. 72, 90, 91, 140, 175
Ольдерогге Д. А. 5, 98, 151
Омейяды 150
Очеретько 67

П

Пастернак А. О. 150
Пастернак Б. Л. 150
Пастернак Л. О. 150
Перепелкин Ю. Я. 154
Петр I Великий 62, 64
Петровский Н. С. 106
Пигулевская Н. В. 103, 112
Пиксанов Н. К. 123
Писарев Д. И. 63
Платонов С. Ф. 63
Плеханов Г. В. 138
Плюшар А. А. 89
Подтягина В. Ф. 60
Покровский М. Н. 17, 104, 165
Понизовский Г. С. 11, 124
Понизовский М. Г. 123, 124
Попова И. Ф. 6
Поппе Н. Н. 76
Постовская Н. М. 69
Прокопович Ф. 62
Прокофьева М. И. 19
Пропп В. Я. 27, 33, 49, 112, 120
Прус Б. 64
Пушкин А. С. 32, 63, 121, 138, 158
Пьеха Э. С. 129

Р

Расин Ж. 40
Раскова М. М. 134
Резник В. Д. 143
Рид Т. М. 81
Ривка 170
Рифтин А. В. (Андрей) 138
Рифтин Б. Л. 6, 119, 124, 144
Рифтин В. А. 5, 6, 117, 121, 122, 125,
138, 162, 179
Рифтин К. А. 139
Рифтин Л. П. 130
Рифтин П. Д. 11, 123, 124
Рифтин Ф. П. 14
Розен В. Р. 90, 92, 93, 95
Розенфельд Я. С. 179
Романовы 66
Рябкова М. Я. 25

С

Саргон II 145
Сардури I 119
Сарруф Ф. И. 91
Семенов Д. В. 24
Сенкевич Г. 64
Сенковский О./Ю. И. 89
Сердюченко Г. П. 60
Сильвестр де Саси А. И. 88
Сименон Ж. 40
Симонов К. М. 135
Синаххериб 36
Скалигер Ю. Ц. 147
Скотт В. 40, 64
Смирнов М. Г. 80
Смыкалов Г. Ф. 113
Соколов М. Н. 5, 12, 13, 118, 150, 151
Соссюр Ф. М. де 161
Сталин И. В. 16, 18, 32, 101, 140
Старкова К. Б. 45, 54, 103, 114
Стивенсон Р. Л. 159
Стратановский Г. А. 43
Струве В. В. 60, 71, 103, 105, 106, 109,
112, 113, 139, 140, 142, 151, 179,
180
Суздаев А. 76
Суздаева К. 76
Сунь Ят-сен 104

Т

Тантави Мухаммед-Айяд 89, 90
Толстой А. К. 64
Толстой Л. Н. 33, 64
Торчинская Э. Г. 24
Тронская М. Л. 39
Тронский И. М. 168
Тураев Б. А. 96, 114, 149, 151
Тургенев И. С. 63
Тюлелиев К. 64

У

Уруинимгина 71, 145

Ф

Фармаковский Б. В. 41
Фармаковский В. В. 41
Фармаковский М. В. 41
Финней А. 79, 81
Фиркович А. 24, 25, 95
Флиттнер Н. Д. 151, 168

Фонвизин Д. И. 63
Франк-Каменецкий И. Г. 5, 16, 98, 100,
146, 149, 152
Францов (Францев) Г. П. (Ю. П.) 112, 151
Фрейденоберг О. М. 150
Фрейман А. А. 26, 109, 111, 112
Френ Х. Д. 89
Френель Ф. 89
Фридолин М. 80, 81
Фридрих И. 8, 30

Х

Хайям О. 90
Хаммурапи 71, 145
Хашаб А. Ф. 91
Хвольсон Д. (И.) А. 93–97
Ходасевич В. Ф. 158
Холодович А. А. 76

Ц

Цезарь Г. Ю. 65
Цинциус В. И. 23, 25, 32, 54, 109, 111,
113
Цицерон 65

Ч

Чернышевский Н. Г. 127
Чураков М. В. 55

Ш

Шауб И. Ю. 170, 172
Шахматов А. А. 147
Шереметев С. Д. 126
Шилейко В. К. 7, 12, 58, 60, 69, 71, 72,
97, 121, 122, 145, 146, 148, 149,
158, 163, 170, 172, 174
Шиллер Ф. 65
Шишкин А. А. 21, 22
Шлейер И. М. 147
Шмидт В. М. 103
Шопен Ф. 137
Шор В. Е. 40
Шрайбер Э. Л. 40, 127
Штейн В. М. 47, 54, 55, 108, 110, 112,
113
Шумовский Т. А. 179

Щ

Щерба Л. В. 147
Щуцкий Ю. К. 76

Э

Эберман В. А. 5, 150
Эйзенбет И. Г. 11, 61, 62, 68, 124
Эйхенбаум Б. М. 33
Эразм Роттердамский 147
Эткинд Е. Г. 120

Ю

Юлиан Отступник 64
Юшманов Н. В. 5, 16, 41, 46, 60, 76, 78,
87, 89, 93, 97, 98, 100, 111, 125,
144–146, 150, 170, 180

Я

Ягода Г. Г. 12
Яковлев А. С. 135
Якубовский А. Ю. 112, 113
Янковская Н. Б. 35, 117, 159
Ярцева В. Н. 78, 79

Bernstein G. H. 95
Brünnow R. E. 40

Deimel A. 141, 157
Delitzsch F. 86
Dhorme P. 145

Jestin R. R. 140

Kirschii G. G. 95
Koschaker P. 71

Meissner B. 40

Poebel A. 84

Riftin A. 70, 141
Rim-Sin 72

Samsuiluna 72, 175
Schorr M. 70, 160
Shamash-shuma-ukin 41

Tallqvist K. L. 41

Ungnad A. 86

Xerxes 41

Указатель географических названий

- А**
Агаде 7
Азия 23, 60, 108, 111, 113, 117
Аккад 5, 7, 34
Акмолинская обл. 25, 26
Алма-Ата 15, 56, 59
Анапа 121
Арзамас 45
Армения 103
Архангельск 6, 31, 103, 125, 130, 139
Архангельская обл. 139
Ассирия 5, 7, 34, 36, 103, 145, 153, 154, 178
Афганистан 124
Африка 60, 98, 103
- Б**
Башкирская АССР 132
Бенин 76
Ближний Восток 9, 18, 30, 34, 41, 88, 93, 97, 103, 111, 115
Болгария 121
Борисова Грива, станция 133
Боровое 23, 25–27, 30
Британская Колумбия 80
Бугуруслан 132
Бухтарма, р. 24
- В**
Вавилония 5, 7, 34, 103
Варшава 160
Византия 103
Вильно 94
Волга 134, 135, 162
Восток (территория) 13, 64, 88, 90, 107–114, 118, 147, 148, 163, 171
- Всеволожский район 133
Вятка 121
- Г**
Гамбург 151
Гана 76
Германия 98, 110, 121, 131, 147, 149, 160
Грузия 23
- Д**
Дальний Восток 40, 47, 91, 104
Двуречье 71
Древний Восток 7, 60, 96, 103–106, 109, 114, 115, 117, 139, 140, 160, 162, 173
Древний Египет 64, 103, 106, 114, 151
Древняя Русь 112
- Е**
Евразия 49
Европа 45, 134
Евфрат, р. 151, 168
Египет 25, 109
- З**
Закавказье 12
Закаспийский край 90
Запад (территория) 13, 110, 111, 118, 148, 163
Западная Европа 63, 111
Западная Украина 128
Зеленогорск 66
Золотая Орда 112
- И**
Индия 91
Иран 18, 26, 32, 41, 90, 103, 146, 147
Иркутская обл. 24
- Иртыш, р. 24
Италия 28, 65
- К**
Кавказ 12, 23, 25, 112
Казахстан 24, 25
Каир 24, 153
Камерун 76
Каппадокия 96
Карело-Финская ССР 111
Кенигсберг 30, 149
Киев 12, 18
Киркенес 34
Китай 47, 61, 104, 111, 113
Колумбия, р. 80
Колыма, р. 60
Крым 25, 94
Куйбышев, г. 15
Кумран 45
Кюль-тепе 35
- Л**
Лагаш 71, 145, 155
Ладожское озеро 134
Ларса 72
Ленинград 7, 9, 11, 14–17, 20, 21, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 40, 43, 51, 54, 55, 58, 59, 74, 101, 109, 112, 116, 117, 119, 128, 130–132, 136, 138, 150, 162, 168, 171, 173, 178
Лесное (пригород Петербурга) 68
Лозанна 15
Луга 128
Львов 128, 160
- М**
Малая Азия 35, 103

- Маркови, деревня 25
 Мексика 32
 Мерв 90
 Месопотамия 151
 Мидия 34
 Минск 15
 Монголия 76
 Москва 11, 14, 15, 21,
 22, 27–29, 34, 41,
 44, 46, 48, 49, 51,
 53, 55, 58, 59, 101,
 120, 123, 124, 129,
 133, 134, 158
 Мюнхен 65
- Н**
 Нигер 76
 Нигерия 76
- О**
 Оксфорд 77
 Орел 150
 Орехово-Зуево 31
- П**
 Павловск 96
 Палестина 91, 103
 Париж 66, 124, 153
 Пасхи, о. 25
 Пекин 121
 Пенджикент 112
 Передняя Азия 5, 12, 34,
 74, 75, 106, 112, 171
 Петербург 11, 60, 64, 123,
 124, 162
 Петроград 11, 16, 93,
 148
 Польша 63, 121, 129,
 160
 Прага 106, 121
 Приволжская возвышен-
 ность 134
 Псков 128
 Пшемысль 160
- Р**
 Рапти, д. 127, 128
 Рим 64, 65
- Россия 7, 45, 107
- С**
 Самара 63
 Саратов 9, 19, 22, 25–32,
 34, 35, 37, 40, 41,
 43–45, 47, 49, 51–
 54, 56, 58–60, 74,
 107, 116, 122, 126,
 130, 132–136, 138,
 143, 162, 179
 Свердловск 15, 39, 40
 Север (территория) 23,
 111, 120, 156
 Северная Америка 24,
 49, 80–83
 Северная Африка 55
 Северное Причерноморье
 103
 Сербия 121
 Сирия 103, 109
 Славянск 122
 Согд 150
 Соловки 103
 Средняя Азия 41, 90, 103,
 112
 СССР 16, 18, 20–22, 34,
 35, 40, 45, 61, 69,
 79, 97, 107, 112, 123,
 146, 169
 Сталинград 135, 179,
 180
 Стамбул 153
 Стрельна 68
 Судай 25
 Судайский район 25
 Судан 76
 США 60, 77
- Т**
 Таджикская ССР 18, 26,
 112
 Тайвань 119, 121
 Ташкент 23, 27–30, 54
 Тель-эль-Амарна 96
 Тигр, р. 151, 168
 Тобольск 121
 Того 76
- Турция 146
- У**
 Угарит 103
 Узбекистан 160
 Ур 7
 Урарту 34, 103, 145
- Ф**
 Феодосия 25
 Финляндия 126
 Финский залив 129
 Франция 28, 63, 121, 129,
 152
- Х**
 Халдея 7, 174
 Ханой 121
 Харран 94
 Харьков 11, 15, 58, 68, 121,
 123, 125, 137
 Хеттское царство 30
- Ц**
 Центральная Азия 91
- Ч**
 Черемнецкое озеро
 128
 Чуфут-Кале 25
- Ш**
 Шлиссельбург 132
 Шумер 5, 34, 103, 142,
 158
- Э**
 Элам 12
 Эфиопия 76
- Я**
 Япония 111
 Ярославская обл. 25
- Petersburg 141
 Sippar 72, 175

Научно-документальное издание

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ РИФТИН (1900–1945)

Автобиография, письма,
другие материалы к биографии

Введение, публикация, примечания
и приложения Г. Х. Каплан

Корректор *Л. А. Макеева*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 25.11.2015. Формат 60 × 90 1/16.
Тираж 200 экз. Усл. печ. л. 12,75. Заказ № 852.

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А.

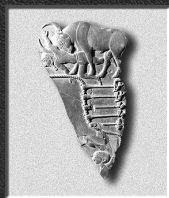
S t u d i a A e g y p t i a

ЖАН ВЕРКУТТЕР

ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА.
12000 – 2000 до н. э.

Ж. Веркуттер

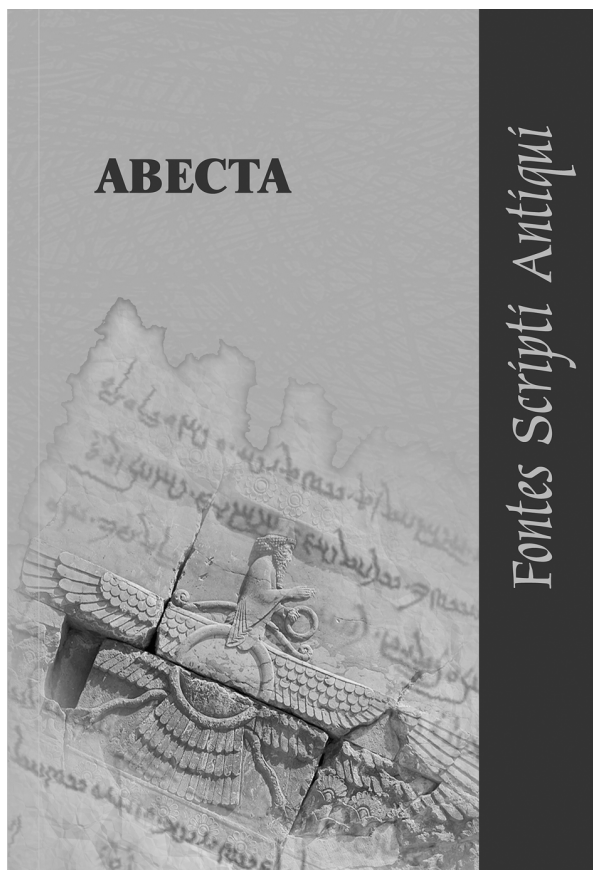
ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

**Т. 1: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА
12 000–2000 гг. до н. э.**

Перев. с фр. Н. Ю. Живловой; науч. ред. И. В. Богданов

Книга посвящена истории Египта с древнейших времен до конца XX в. до н. э., включающей период до возникновения государства, раннединастическую эпоху (I–III династии) и Древнее царство (IV–VIII династии). В разделах по истории додинастического Египта автор уделяет большое внимание хронологии археологических культур, описанию погребений и инвентаря, реконструкции быта, проблеме возникновения государства в Египте на рубеже IV–III тыс. до н. э. Разделы по истории Египта времен Раннего царства и эпохи расцвета цивилизации посвящены сложным вопросам хронологии, военной и строительной деятельности царей, международным связям.

2015 г. Объем 384 с., формат 70 × 100 1/16

АВЕСТА

Второе издание

Перев. В. С. Соколовой; подгот. к изд. и ред. И. А. Смирновой

Авеста — древнейший памятник культуры Ирана, занимающий важное место в духовном наследии человечества. Книга содержит ряд частей Авесты (в транскрипции) с русским переводом. В книге приводятся также сведения по фонетике и грамматике авестийского языка.

Издание предназначено для специалистов по иранистике, а также для всех интересующихся языком и культурой Древнего Ирана.

2013 г. Объем 544 с., формат 60 × 90 1/16

Абу-р-Райхан Мухаммед
ибн Ахмед ал-Бируни

**СОБРАНИЕ
СВЕДЕНИЙ
ДЛЯ ПОЗНАНИЯ
ДРАГОЦЕННОСТЕЙ**

Минералогия

Fontes Scripti Antiqui

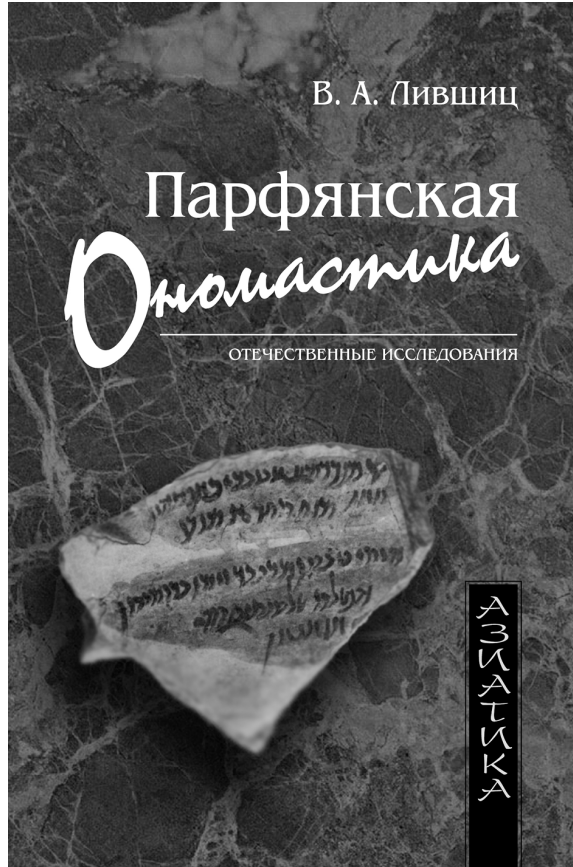

**Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни
СОБРАНИЕ СВЕДЕНИЙ ДЛЯ ПОЗНАНИЯ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ
(МИНЕРАЛОГИЯ)**

Второе издание, испр. и доп.
Перев. с араб. А. М. Беленицкого;
под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. П. Никонорова

2011 г. Объем 600 с., формат 60 × 90 1/16

В. А. Лившиц

ПАРФЯНСКАЯ ОНОМАСТИКА

В книге исследуются парфянские личные имена, топонимы и теонимы, засвидетельствованные в парфянских эпиграфических памятниках II в. до н. э. — V в. н. э. и парфянских манихейских текстах, а также парфянские передачи среднеперсидских, семитских и других иноязычных личных имен и топонимов.

Книга предназначена для историков и филологов — иранистов, а также всех интересующихся историей и письменной культурой Ирана и Средней Азии в эпоху древности.

2010 г. Объем 400 с., формат 60 × 90 1/16